

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4-1

2020-2021

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№4-1

2020-2021

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4/1 (24/25)

E-journal «Perspectives and prospects»
№4/1 (24/25)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2020–2021

Содержание:

Исторический компас

- Наталья НАРОЧНИЦКАЯ.** Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории..... 7
- Антон КРУТИКОВ.** Концепции истории Белоруссии. I. От западнорусизма к национальным мифам и постсоветскому прагматизму..... 36
- Антон КРУТИКОВ.** Концепции истории Белоруссии. II. «Русский мир», «литвинизм», «Белорусская цивилизация»..... 66
- Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ.** Идейное наследие Шарля де Голля. I. Парадоксы восприятия, исторической памяти, политической философии 80

Векторы цивилизации

- Хауке РИТЦ.** Технологии создания несвободного мира. Часть I. Первичный код..... 96
- Яков ШЕМЯКИН.** Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях»..... 110

На Шахматной доске

- Петр ЯКОВЛЕВ.** Ключевые разломы в системе международных отношений 129
- Наталья ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ.** Президентские выборы 2020 г. и возможность распада США..... 145
- Элла ЗАДОРЖНЮК.** Вацлав Гавел, Россия и НАТО..... 166
- Вадим ТРУХАЧЁВ.** Россия – Словения: неоднозначные отношения..... 181

Authors 196

Abstracts and Keywords 197

Contents:

Historical compass

Natalia NAROCHNITSKAYA. Historical Consciousness and Ideology at Turning Points in Russian History	7
Anton KRUTIKOV. Concepts of Belarusian History. I. From West-Russianism to National Myths and Post-Soviet Pragmatism	36
Anton KRUTIKOV. Concepts of Belarusian History. II. «Russian World», «Litvinism», «Belarusian Civilization»	66
Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The Ideological Legacy of Charles de Gaulle. I. Paradoxical Perception, Paradoxical Historical Memory, Paradoxical Political Philosophy.....	80

Paths of civilization

Hauke RITZ. Technology of an Unfree World. I. Primary Code	96
Yakov SHEMYAKIN. Cultural Transfer and Dialogue of Cultures in the Russian and Latin American Civilizational Borderlands	110

On the world chessboard

Petr YAKOVLEV. Key Fault Lines in the System of International Relations	129
Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV. The 2020 Presidential Election and the Possibility of U.S. Disintegration	145
Ella ZADOROZHNYUK. Vaclav Havel, Russia and Nato.....	166
Vadim TRUKHACHEV. Controversial Relations Between Russia and Slovenia.....	181

Authors	196
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	197
-------------------------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-7-35

УДК 140.8; 94(47)

Наталия Нарочницкая

Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории

Аннотация. Эволюция исторического сознания российского общества XIX–XX вв. показывает его способность играть ключевую роль в драматические моменты истории, когда первостепенная ценность континуума национальной государственности подвергается внешней или внутренней атаке. Максималистская «рецепция» марксизма российской интеллигенцией вылилась в полный нигилизм и рвение пожертвовать государственностью ради мировой революции. Напротив, возвращение в 1930-х годах в советскую доктрину государственно-патриотических ценностей позволило одержать победу во Второй мировой войне. Новые идеологические, но столь же нигилистические максимы привели ко второму краху государства в 1991 г. Сегодня, в эпоху информационных технологий и всестороннего давления, историческое сознание общества, прежде всего новых поколений, особенно подвержено стремительным изменениям и альтернативным крайностям, что определяет колоссальную роль исторического, гуманитарного образования в сохранении духовного суверенитета и общенационального сознания как его ядра.

Ключевые слова: государство, Отечество, преемственная государственность, исторический нигилизм, русская история, историческое сознание, информационные технологии.

Отношение Запада к России и процессы в российском общественном сознании в юбилейный период 75-летия Великой Победы — во многих отношениях уникальной в истории человечества — побуждают ставить судьбоносные для будущего страны вопросы. Что же такое сегодняшняя Россия? Есть ли у нее непреходящие ценности, обеспечивающие преемственность истории и развития? Сохранила ли она после неоднократной за последние 100 лет смены вех и драматических искушений и потрясений смыслообразующее ядро своего исторического бытия? Или она обречена утонуть в экономических и социальных проблемах, в противостояниях и расколах? Но одновременно проявляется и другое — 9 Мая вновь и вновь граждане России самых разных возрастных и имущественных групп, «успешные» и недовольные своим статусом, с разным уровнем образования и культуры, разделенные множеством причин и обстоятельств, пока еще становятся одним целым.

Сведения об авторе: Нарочницкая Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

Неподдельно глубокое чувство, с каким страна поклоняется Великой Победе, являет впечатляющий потенциал национального единения. Это не народонаселение, не просто численная масса, — это единый, преемственно живущий субъект истории — с неким общим духом, общими целями, ценностями и общей исторической памятью. В 2014 г. в момент возвращения Крыма такой потенциал показал себя: вопреки внутренним разбродам и кажущейся атомизации русские не утратили чувство исторической преемственности.

Каждая эпоха — а их смена происходит все быстрее — по-новому высвечивает разные стороны мировоззрения и их взаимодействия, побуждая рассматривать через новые призмы разные грани феномена «общественное сознание», ибо его компоненты по-разному взаимодействуют на разных этапах истории и в разных поколениях. Каковы перспективы национального, исторического, политического сознания в информационную эпоху? Какие факторы — внутренние, внешние, экономические, идейные, политтехнологические — сильнее всего влияют на изменения в этой сфере и в кажущихся неожиданными крутых поворотах, когда несогласия и единение то переплетаются, то попеременно уступают друг другу?

Насколько исчерпан лимит терпимости общества к социальным тяготам, неприемлемому имущественному расслоению, ситуационным ограничениям, нередко трактуемым как непропорциональные попытки выстроить тотальный электронный контроль над людьми. Где в протестных настроениях реальные чаяния, а где иррациональное обличительство, где истинные и где мнимые проблемы и темы? Может ли на этом фоне быть разрушен достаточно широкий общественный консенсус в противостоянии России грубому внешнему давлению и очевидное единение в исторической памяти о Великой Отечественной войне и Победе?

Невозможно ответить здесь на все эти вопросы, ибо для этого необходим всесторонний анализ экономических перспектив, социальных механизмов, общественного мнения, ситуации в разных регионах многоукладной России, финансовых и иных инструментов и возможностей государства, влияния образования и воспитания. Однако рассмотрение в любом ракурсе было бы односторонним вне общего контекста изменений общественного, исторического и национального сознания. Поэтому размышления о такой мировоззренческой стороне процессов, как эволюция антиэтатистских идей и их влияние на исход самых драматических событий в России за сто лет весьма полезны, хотя и они обречены в рамках статьи на неполноту.

Вряд ли можно ожидать, что в России когда-нибудь прекратится открытая и подспудная дискуссия по самым основополагающим вопросам исторического бытия. Острота восприятия реальных и мнимых, как больших, так и малых нестроений общественной жизни, резкие перемены в общественном мнении, обоготворение и ниспровержение публичных фигур, готовность как к послушанию, так и к «бунту — бессмысленному и беспощадному» — уже давно составляют типические черты российской политической культуры. Но есть ли у общества, пережившего дорогой ценой две рево-

люционные смены эпох менее чем за столетие, внутренний барометр, который показывает опасную черту? Грань, за которой международное вмешательство в соединении с внутренней напряженностью может привести к краху, которым, как и в прошлом, не преминут воспользоваться внешние силы.

Общественное сознание — явление чрезвычайно сложное, и его проявления разительно отличаются иногда не только в коротком промежутке времени, но и одновременно в разных тематических полях. Это не простая сумма установок, а нечто, рождающееся из их сложного взаимодействия, на итоговый вектор которого весьма сильно влияют оценка национальной истории (а для ее адекватной оценки нужно ее знание), но также элементы социальной психологии, нравственные устои, формирующиеся из редко осознаваемых индивидом и обществом религиозно-философских основ, укорененных в национальной традиции. На них, в свою очередь, оказывают воздействие образ жизни и профессия, в современном обществе разительно отличающиеся по социокультурным особенностям; мировоззренческие установки, формируемые как образованием и воспитанием, так и его лагунами, которые облегчают воздействие информационных технологий.

Противоречивая российская история рубежа XX–XXI вв. показала, что Россия способна на проявление политической воли в решениях, отвечающих ее национальным интересам, на что уже мало кто решается в эру мировой финансовой зависимости и «глобального управления». Открытая защита государством и подавляющим большинством общества традиционных ценностей, вызвавшая резкое неприятие либертаристских СМИ на Западе, подтвердила ее моральную самодостаточность.

Мир принял это к сведению и отреагировал. Геополитические клещи, история которых уходит вглубь веков, а не в пресловутую борьбу демократии и тоталитаризма, вновь смыкаются. Самостоятельная Россия, как огромная геополитическая величина с ядерным оружием и 40% мировых ресурсов, куда больше, чем стагнирующий СССР, становится объективным препятствием для «глобального управления». Впрочем, Зб. Бжезинский еще в начале 1970-х годов высказался об объективности противостояния крупных величин: «Коммунистическая Америка со всей вероятностью осталась бы соперником Советского Союза, каковым сразу стал коммунистический Китай. Так и демократический и развивающийся Советский Союз с его размерами и мощью стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности» [Brzezinski, p. 283].

На глобальный характер противостояния после краха коммунизма указывал и С. Хантингтон, ибо идеологическое противоборство между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — дискуссия в рамках одной философии, тогда как возрождение исторического лица России делает ее уже представителем иного конкурентоспособного цивилизационного проекта [Huntington].

Известное суждение Н.Я. Данилевского о противостоянии России и Европы, маскировавшемся до Берлинского конгресса «фантазмагорией» турецкой империи [См. Данилевский Россия и Европа; Он же Горе победителям], в начале XXI столетия может быть перефразировано так: пока между Россией и Западом стояла «коммунистическая фантазмагория», более глубоких причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не оставалось, как взглянуть действительности прямо в глаза» [Данилевский Горе победителям].

Поскольку, наряду с объективным потенциалом глобального влияния у России сохраняется немало очевидных внутренних проблем, против российского государства и общества, сознание и ценности которого находятся в состоянии колебания, брошен мощный механизм финансового, политического, военного и информационного давления, созданный в отсутствие сдержек и противовесов при переходе в XXI в.

Государство и отечество в контексте философско-идеологической полемики: уроки российской истории XIX — начала XX вв.

Что значит для национального сообщества и для народа государство и что — отечество? Сохранилась ли в сознании российского общества, трижды за столетие менявшего *государство*, ценность реального сохранения в полноте российской *государственности*? Эта категория, будучи политико-правовой, включает и нечто метафизическое, неосязаемое, но свидетельствующее о сохранении в мировой истории творческого акта народа, получившего, как и другие, по метафоричному выражению И.А. Ильина Дары Святого Духа и «претворившего их по-своему» [Ильин].

Современное Российское государство, как и любое другое, — явление статическое, сиюминутное, как всякая система институтов и признаков, существующая на данный конкретный момент. Но российская *государственность* – это континуум, это разворачивающийся во времени и пространстве процесс самовыражения народа, создающего меняющиеся формы государства и своеобразную цивилизацию. В этом принципиально сходятся ученые-правоведы, которых смутные 1990-е годы побудили по-разному осмысливать, правда, лишь в чисто правовых категориях, разные ипостаси России — государства после саморазрушения СССР [См. Бачило; Шабуров; Винниченко]¹.

Социологи констатируют, однако не объясняют, почему части общества, на выборах решительно выступающие за противоположные проекты экономики и социальной организации, порой яростно критикующие власть, тем не менее, вдруг становятся единым целым в побуждении защитить образ страны перед окружающим миром. Причина в том, что они интуитивно отделяют государство как политический институт от государ-

---

¹ Также см: Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. 1997; Кириллов А.Д. Региональные особенности становления новой российской государственности // Политические исследования. 1998. № 2; Кокотов А.Н. Русская нация и национальная государственность. Екатеринбург. 1994.

ства как отечества. В таком интуитивном разграничении определенную роль играет водораздел между национально-консервативным мышлением и либертаристской философией истории. Государство и отечество, особенно в консервативном и религиозном сознании, — не тождественные понятия, хотя они тесно переплетены во внутриполитическом плане и тем более в плане взаимоотношений с другими странами.

На уровне чисто социологических категорий без включения культурно-исторических и религиозно-философских основ мировоззрения трудно дать научное объяснение феномену сознания, когда огромная часть народа, разочарованная в государстве — политическом институте, остро переживает распад, воспринимая утрату территории как необратимый удар по исторической государственности, ценность которой в момент утраты оказывается для многих выше, чем желанная форма политического института.

В таком восприятии территория государства — не просто географическое пространство его существования на данном этапе, но и «воплощение представлений народа о своем государстве, своем Отечестве», как подметил С.Н. Бабурин, одним из первых вводя в круг рассмотрения правовой категории «территория государства» такое трудно поддающееся формализации явление как *территориальное сознание* [Бабурин Территория государства: правовые... Его же: Территория государства: теоретико-правовые...].

Формирование территориального сознания определяется именно способностью к «отграничению государства как явления статического, сиюминутного, некоей системы институтов и признаков, существующей на данный конкретный момент, от государственности как континуума, как процесса самовыражения народа, разворачивающегося во времени и пространстве» [Бабурин Территория государства: Теоретико-правовые...]. В этой призме обнаруживается немаловажная сторона исторического сознания — самоотожествление народа с его исторической территорией. Общие исторические переживания о перипетиях судьбы территории преобразуются в переживания о судьбе народа, превращая понятие *отечества* в опорный пункт самоидентификации в истории.

Эта сторона национального сознания в разные времена проявляла себя с разной силой. И именно на нее самое разрушительное воздействие оказали рационалистические философские и политические доктрины, реализованные в XX в., как и катастрофическое падение уровня гуманитарного образования и замещение изучения истории идеологическими схемами.

Марксистскими идеологами, прежде всего большевиками, была внедрена идея классовой солидарности, которая полностью отступала от метафизической идеи всеобщего единства и равной ответственности людей перед Богом, вполне органичной для многих религиозных систем и неотъемлемо присущей христианской культуре. В XXI в. принцип классовой солидарности с такой же категоричностью сменил тезис о главенстве безграничной свободы индивида, который не может и не должен быть связан

никакими национальными, государственными, религиозными или этическими узами и ограничениями. И та, и другая доктрины транснациональны, субъектом истории является в них не народ, а класс или индивид — то есть транснациональные общность либо совокупность фрагментированных элементов, руководство которыми вполне может находиться в иных ойкуменах за пределами данного государства.

В крайних воззрениях революционеров и пламенных реформаторов устройство государства, утверждение своей глобалистской идеологии априори ставилось выше национальной судьбы и даже победы в войне с внешним врагом. В начале XX столетия такая максималистская установка была свойственна всей международной когорте социал-демократов, но именно российские революционеры оказались наиболее готовыми применить ее к собственному государству. В XXI в. национально-государственные ценности отрицает уже либертариизм, именующий себя либерализмом, однако усвоивший тоталитарную нетерпимость к инакомыслию, — и вновь в России он соединяется с нигилизмом по отношению к собственной истории.

Определенные аналогии с предреволюционными годами начала прошлого столетия налицо. С одной стороны, нарастает социальный пессимизм, разочарование в институтах, с другой — под влиянием как лево-коммунистической, так и западной антироссийской, антиэтатистской пропаганды нарастают разнонаправленные, но одинаково радикальные настроения — вновь «сокрушить все до основания», до есть до черты, когда возникает угроза не только государству, но самой государственности как континууму.

Уместно привести весьма меткие заметки поэта Александра Блока о ситуации после Февраля 1917 г., цитируемые общественным и религиозным деятелем, литератором Г. Анищенко. А. Блок, служивший в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, описал деятельность революционных партий и временного правительства как намеренное раскачивание качелей в предвкушении «взлета доски качелей, когда она вот-вот перевернется вокруг верхней перекладины... Задача всякого временного правительства — удерживая качели от перевертывания, следить, однако, за тем, чтобы размах не уменьшался... То есть вести качающуюся во все стороны страну все время по краю пропасти, не давая ни упасть в пропасть, ни отступить на безопасную и необрывистую дорогу...» [Цит по: Анищенко]. Однако в пропасть падают. «Либералы, устранив фундамент, наклонили страну влево: туда она и стала естественным образом сползать. Иначе после Февраля страна катиться не могла. Ленин, не обремененный фантастическими иллюзиями, прекрасно это видел и ждал, когда придет час чуть-чуть дернуть на себя — вниз» [Там же]. Нет сомнения, что при критическом «раскачивании» и через 100 лет имеются те, кто уже держит канат, чтобы «дернуть на себя».

Родиной философских идей, породивших среди прочих и российских революционеров, являлась Европа. Просветительская литература XVIII в. разработала идейный багаж, подрывавший традиционные устои во многих сферах от морали до отношения к власти и патриотическим ценностям. «Родина там, где нам хорошо», — неоднократно повторял на разные лады Вольтер. Его «Философские письма», называемые иногда

«Письмами из Англии», пронизаны убеждением, что все разумное должно быть принесено извне — из более прогрессивной Англии. Французские «друзья человечества» видели в Американской революции претворение в жизнь на чистой доске систем Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, а Б. Франклину во время его почти девятилетнего пребывания в Париже интеллектуальная элита предреволюционной Франции оказывала почести как кумиру.

Однако вызов Просвещения традиционным ценностям католической веры, ниспровержение авторитета абсолютной монархии и борьба против церкви прежде всего обосновывали замену источника власти — «власти от Бога» на «власть от народа». Антимонархический, антиабсолютистский, но не антинациональный пафос лег в основу идеала республиканского строя и представительной власти.

Философское наследие французского Просвещения — идейный фундамент современной европейской политической системы (республика, отделение церкви от государства). Но в эти «скрижали завета» Французской революции антинациональные крайности вовсе не вошли. Пафос ниспровержения основ, сыгравший самую решающую роль в секуляризации сознания, не привел к нигилизму по отношению к Франции и ее месту в истории. Французское общество, сокрушив монархию, нанеся мощнейший удар по церкви, произведя самую кровавую революцию в истории, с воодушевлением приняло преобразование революционного пафоса в завоевательный и в мотив национального величия Франции, возвращенный Наполеоном, культ которого сохраняется в пантеоне национальной исторической памяти.

Только самые крайние антирелигиозные силы, продолжавшие бороться в первую очередь с католической церковью, обличавшей в свою очередь «республиканских безбожников», не уступали будущим коммунистическим интернационалам по отстраненности от государства. Часть французских масонских лож приветствовала победу протестантской Пруссии во Франко-прусской войне [Jouin, p. 63]. Напротив, деятели итальянского Risorgimento совмещали идеи либерализма, свободы, демократии и даже антиклерикализма с национальной идеей (Б. Кавур, Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини), что способствовало окончательному формированию к концу Нового времени модели европейского национального государства.

В Германии либеральные и даже радикальные взгляды части образованного слоя также не привели к формированию антинационального мировоззрения всего общества, и даже породили обратное. Г. Гейне — гениальный поэт-лирик, дальний родственник по матери самого К. Маркса, с которым дружил и сотрудничал, как и часть его современников, ненавидел христианскую церковь и Германию, уподобляя ее будущее «смраду из ночного горшка», преклонялся же перед Наполеоном. В своих прекраснейших в литературном отношении стихах он пел дифирамбы восстанию силезских ткачей, которые ткали «саван, вплетая в него тройное проклятье» Богу, королю и Германии (Die schlesischen Weber. 1845). Но к концу XIX в. Германия пришла с легендарной «бисмаркиадой». В сознании масс и политического класса возобладало не самоуничтожение,

но завоевательный тевтонский дух, воспитанный прусским учителем, которому, по словам Г. Мольтке, приписывается О. Бисмарку, якобы обязана Германия своему объединению «железом и кровью».

В России же антисамодержавные, тем более антицерковные умонастроения усиливались пренебрежительным отношением к русской истории, распространившимся в просвещенном обществе раньше антимонархических идей и независимо от них. Вот строки из незаконченного «Рославлева» А.С. Пушкина об умонастроениях высшего общества перед надвигавшейся «грозой 1812»: «Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко» [Пушкин, с. 135]. Если в те времена этот модный скепсис еще не затрагивал глубинные струны сознания, что было доказано всенародным отпором Наполеону, то уже П.И. Пестель и его единомышленники из Южного общества намеревались не только физически истребить весь царский род, но и расчленить Россию на штаты по примеру североамериканских, знакомых им лишь по литературе.

Знаменитый и глубокий религиозно-философский спор славянофилов и западников явил богатые грани русского сознания, которые вовсе не были несовместимыми антиподами, ибо оба воззрения, по суждению западника историка К.Д. Кавелина «выражали и формулировали только две стороны одной и той же русской действительности» [Кавелин, с. 363]. Образованнейшие западники отнюдь не исповедовали антигосударственных идей, некоторые из них в более позднее время стали «охранителями», и М.Н. Катков, главный редактор «Московских ведомостей» сформулировал свое кредо: «Право публичного обсуждения государственных вопросов мы поняли как служение государственное во всей силе этого слова» [Катков, с. 5].

По мере того, как во второй половине XIX в. дискуссия утрачивала не только религиозное, но и философское измерение и все больше обретала политическое содержание, в России родилась целая палитра воззрений и ярких мыслителей. При этом политические позиции и философско-теоретические основы сочетались весьма различным образом, что приводило, казалось бы, к парадоксам. Если Д.И. Писарев и М.А. Антонович всячески продвигали теорию Ч. Дарвина о борьбе за существование, то такие же убежденные материалисты революционер-демократ Н.Г. Чернышевский и теоретик анархизма П.А. Кропоткин подвергли решительной критике дарвиновское учение, философски исполненное прометеевским духом подавления- насилия и распознанное, как считал Н.О. Лосский, русской «чуткостью ко злу» [Лосский]. А «почвенник» Н.Я. Да-

нилевский был куда либеральнее в вопросах общественно-политической жизни, чем западник, но «охранитель» М.Н. Катков.

Специфической чертой политического дискурса России стала эмоциональность полемики и бескомпромиссность позиций, приводившие к разрывам отношений между вчерашними соратниками, расколам кружков и редакций. Как радикально-демократические, так и охранительно-консервативные издания впадали в обличительный и дидактически-назидательный тон. Это свойство российской политической культуры усиливалось с приближением XX в., что в предреволюционные десятилетия ярко проиллюстрировали беспощадные публицистические приговоры В.И. Ленина своим оппонентам.

Атеистическое мировоззрение и материализм революционеров — демократов В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, М. Антоновича побуждали этих публицистов обрушивать яростную критику на глубокие мысли о вере Н.И. Гоголя, на свободные от политического назидательства романы И.С. Тургенева, призывать к прямому декларированию в искусстве и литературе политического кредо. Это подготовило крутой поворот к марксизму, и крайне левая мировоззренческая струя в российской общественной мысли, наполненная огромной энергией, превратилась в сугубо абстрактную политическую программу. Классический либерализм без революционности и антиэтатизма, умеренное западничество, сочетавшееся с преданностью русской и славянской культуре (как у А.Н. Пыпина) или с признанием равной ценности славянофильства (как у К.Д. Кавелина), были обречены померкнуть по мере того, как раскалялась дискуссия.

Под сильным влиянием марксизма и европейских революций упрощенное западничество привело российский бунтарский дух к нетерпеливому ниспровергательству русской истории. Радикальные и революционные формы такого нигилизма отрицали не только русский государственный опыт, но в целом ценность национальной государственности как пройденный этап. Так, во время восстания сербов и Русско-турецкой войны 1875–1876 гг., вызвавших в России — и в низах, и в верхах общества — подлинно народный подъем сострадания к православным братьям-славянам под Оттоманским игом, народники-марксисты в журналах «Вперед» и «Набат» называли национально-освободительный порыв славян борьбой «старого мира» за «ложные идеалы», полагая, что «единственная независимость, за которую следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов» [Нарочницкая Л.И., с. 36].

Вполне естественно, что вместе с теорией марксизма в Россию проникали и антирусские суждения К. Маркса и Ф. Энгельса, которые были бесспорными лидерами в нигилистической интерпретации русской истории и внешней политики России. Не случайно в СССР — стране победившего исторического материализма — никогда не было издано *полное* собрание сочинений его основоположников. Изменив «пролетарскому интернационализму», они выражали почти расистские уничижительные взгляды на славянские народы как на варварский Восток и «ничтожный мусор истории» (Ф. Энгельс)

[Маркс, Энгельс, с. 56–57]. Что касается России, то Маркс открыто постулировал отношение к ней как к «черному зигзагу» мировой истории, колыбелью которого является «кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов» [Маркс]. Энгельс в 1848 г. провозгласил, что «революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию».

Антирусские воззрения К. Маркса, проживавшего в Лондоне с 1849 г. до самой смерти, соответствовали общей тональности британской политической и общественной мысли. Кумир лондонских салонов времен Крымской войны, поэт А. Теннисон, никогда не бывавший в России, записал в дневнике: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру» [Альфред Теннисон... с. 271–274]. Со своей стороны, Маркс обрушивался на всех, кто не проявлял должного неприятия России, и немало жестких сентенций досталось самому лорду Г. Пальмерстону, который незадолго до Крымской войны обронил известную фразу: «Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет». В противовес «русофильству», которое виделось Марксу даже в британской внешней политике, он задумал написать специальную работу, оставшуюся незаконченной. Но части ее вводной главы (впоследствии изданной под названием «Тайная дипломатия XVIII века»), содержавшие наиболее русофобские тезисы, были напечатаны в английской прессе еще на исходе Крымской войны.

Учение о смене формаций через революцию вместе с безапелляционным выводом об имперской православной России как главном препятствии революции оказало решающее воздействие на политические программы и все мировоззрение российских лево-революционных кругов, укрепив и общий нигилизм либеральной образованной публики.

В этом громком и глухом к альтернативе хоре уже не могли быть по-настоящему услышаны действительно глубокие искания теоретической мысли второй половины XIX века, которые невозможно причислить ни к славянофилам, ни к западникам. Это и Н.Я. Данилевский с его теорией культурно-исторических типов. Это и В.С. Соловьев, с его грандиозной попыткой преодолеть в религиозно-философских категориях разрыв России и Европы доктриной «свободной теократии» под эгидой Папы и скипетром русского царя и учением о «богочеловечестве». Это и К.Н. Леонтьев, до сих пор не до конца понятый певец византизма. Это и не лишенная политического измерения, но прежде всего философская полемика Н.Н. Страхова и Л. Тихомирова с оппонентами.

Анализ бурных и нетерпимых дебатов последних десятилетий XIX — начала XX вв. показывает: отталкивавшиеся от русской действительности, а не только от умозрительных кабинетных схем подходы к назревшим переменам проиграли на этом поворотном этапе нашей истории радикально западничским и были заглушены глашатаями рационалистически-механистического толкования философии прогресса, воинственного материализма и атеизма.

Трудно точно определить время окончательного оформления специфической русской «интеллигенции», ставшей нарицательной характеристикой широкой части русского

образованного слоя. Но уже будущую террористку и убийцу С. Перовскую суд присяжных оправдал под рукоплескания зала. В 1909 г. в сборнике «Вехи» П.Б. Струве писал, что «в облике интеллигенции как идейно-политической силы в русском историческом развитии можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текучий — содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка как таковых (Бакунин и князь Кропоткин)» [Вехи...]. В первой русской революции 1905 г. и в последующие годы рельефно проявилась особая черта — максимализм русской интеллигенции, категорически не принимавшей половинчатые уступки власти, лишь разжигавшие радикализм.

Полные горечи суждения о сознании российского образованного слоя оставил правовед и философ Е.В. Спекторский, один из культурных столпов русской эмиграции в Югославии, а в последующем один из руководителей «Русской академической группы» в США. Спекторский подметил, что в Европе внешняя политика всегда в гармонии с общественным мнением, «которое при всем расхождении... в оценке внутренней политики, по вопросам политики внешней или подчиняется указаниям правительства, как в Германии, или само дает ему указания, как в Англии. У нас же... интеллигенция под мощной сенью двуглавого орла позволяла себе роскошь равнодушия или брезгливости... злорадно принимала злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом» [Спекторский Принципы...].

К началу XX столетия респектабельные деятели не менее большевиков или эсеров сознательно отделяли себя от своего государства. «Милюков, как и многие тогдашние радикальные интеллигенты, увлеченные своей политической борьбой с русским правительством, — писал Г. Вернадский, — не имели никакого чувства ответственности по отношению к своему государству как представителю русской нации. Даже когда они попадали за границу, они не скрывали своего отчуждения от официальных представителей России» [Вернадский, с. 158]. Будучи в Болгарии для участия в подготовке доклада Фонда Карнеги о Балканских войнах 1912–1913 гг., П.Н. Милюков демонстративно отказался пойти на прием к русскому посланнику в Софии К.П. Бахметьеву после торжественного молебна по случаю тезоименитства Николая II, что возмутило прежде всего его коллег — болгар-русофилов. (В XX–XXI вв. подобный тип поведения за рубежом в отношении своей страны стал уже довольно распространен и даже почитаем.)

В XX в. с расширением влияния марксизма в России понятию «отечество» как опорному пункту национального сознания был нанесен серьезный удар и было широко внедрено скептическое и подозрительное отношение к национальному чувству, обреченному уступить место тем или иным глобалистским чаяниям. Все национальное теряло самооценку и должно было быть положено на алтарь социального и матери-

ального переустройства мира. Такая идея прямо вытекала из марксова тезиса «у пролетариата нет отечества» («Манифест коммунистической партии»), подхваченного В.И. Лениным.

В годы Первой мировой войны это родило морально сомнительный лозунг РСДРП(б) «поражение собственного правительства в войне», подсказанный Л.Д. Троцкому первым заграничным технологом революций А.Л. Гельфандом-Парвусом¹. Итог антиэтатистской деятельности как в подполье, так и в стенах Государственной Думы перед Русской революцией хорошо известен по советским учебникам, которые романтизировали и превозносили борьбу большевиков против правительства даже в ходе Первой мировой войны, оправдывая ситуацию, когда Россия, принеся на алтарь победы над австро-германским блоком самые большие жертвы, не стала державой-победительницей, а пришла к краху, распаду и утрате вековых геополитических позиций, которые ее сделали великой державой.

Замена общенациональной солидарности классовым интернационализмом и провозглашение государства как устаревшей формы существования народов подрывали имманентную историческую данность национальной истории в истории мировой. Приверженность государству отныне должна была основываться не на «любви к отеческим гробам, к родному пепелищу» тысячелетней истории, а лишь на верности определенному идеологическому догмату, который может меняться и быть различным.

Русский философ-эмигрант С.Л. Франк, начинавший как марксист, но перешедший на позиции христианского социализма, считал пролетарский интернационализм ударом по духовным основам как национального сообщества, так и всечеловеческого единства: «Интернационализм — отрицание и осмеяние организующей духовной силы национальности и национальной государственности, отрицание самой идеи права как начала сверхклассовой и сверхиндивидуальной справедливости и объективности в общественных отношениях... механический и атомистический взгляд на общество как на арену чисто внешнего столкновения разъединяющих, эгоистических сил» [Из глубины... с. 316].

К XXI в. новый максималистский и глобалистский либертариизм обрел статус догмы в постмодернистской Европе. Сугубо национальные ценности оказались за рамками идеологии «Объединенной Европы», однако снисходительное отношение к незападным мирам и идейное менторство лишь усилились. Российская же посткоммунистическая интеллигенция вновь со свойственной лишь ей пламенностью приняла почти троцкистский проект всемирной неолиберальной революции под эгидой Запада. В 1990-х годах сопротивление сербов агрессии НАТО или русских в Крыму вызывало только раздражение у московских либералов, считавших основополагающим противоречием в мире противоречие между демократией и тоталитаризмом.

1 Зеeman и Шарлау «Парвус - купец революции» [Scharlau, Zeman].

История XX столетия наглядно показывает: пока Россия увлечена ниспровержением собственного государства и распрями по поводу его будущего устройства, нация оказывается на пороге утраты преемственной государственности. В 1917 г. тысячелетняя русская история и историческая государственность были упразднены до основания. Трагедия повторилась в 1991 г. Патетически-горькие, но точные по анализу строки Максимилиана Волошина, написанные поэтом в 1919 г., вполне применимы к краху СССР и постсоветским десятилетиям: «Не надо ли кому земли, республик да свобод? И Родину народ сам выволоч на гноище как падаль... А вслед героям и вождям крадется хищник стаей жадной, чтоб мощь России неоглядной размыкать и продать врагам!».

Великая Отечественная Война и ее место в эволюции российского исторического сознания

В рассмотрении влияния идеологии на общенациональное сознание и ее роли в расшатывании либо спасении государственности особенно наглядным примером является как патриотический подъем в ходе Великой Отечественной войны, так и судьба исторической памяти о ней. Очередное низложение в конце XX в. всей — не только советской, но и русской — истории не отступило перед Победой — святыней, на которую оппоненты СССР не посягали даже в годы холодной войны.

Именно в начале 1990-х годов такая атака могла обладать особенно разрушительным и необратимым воздействием на сознание, не получая аргументированного отпора, ибо эйфория от прощания с тоталитаризмом была в апогее, а разочарование в коммунистическом эксперименте разделяли большие массы людей, пусть даже шокированные крахом СССР. В расколотом обществе нарастали всевозможные политические, социально-экономические, идейные противоречия и сепаратистские тенденции. Отождествление российской государственности с демонизированной политическо-идеологической организацией государства — в русле мировоззрения ранних большевиков и их позиции по отношению к Российской империи как недостойной сожаления — обесценивало преемственную государственность. В таком сознании единство страны, ее территория становятся временными категориями, обусловленными изменчивыми политическими и материальными обстоятельствами.

Отсутствие веры, утрата объединяющих идеологических ориентиров, кризис ценностей, общая атмосфера осуждения собственной истории сделали память о Победе одной из немногих важнейших скреп. Это были именно те «*общие исторические переживания*», которые помимо «общего духа, мирозерцания», утративших свою роль в современном секулярном обществе, делают, в трактовке православных философов-эмигрантов, народонаселение нацией (рассматриваемой ими вне категории этничности), то есть преемственным творцом и движущей силой исторической государственности [Зызыкин, с. 14, 15].

Запад вряд ли посмел бы первым на официальном уровне извращать роль СССР и смысл Победы, если бы отечественные идеологи не начали внедрять в сознание

версии о войне двух идеологических монстров, равно представлявших мировое зло. Были использованы и статистически абсурдные подсчеты потерь, и тезис, что лишь «большевики» и подневольные сражались с родственным большевизму фашизмом за мировое господство. СМИ и историческая литература, причем не только псевдонаучная, подвергали сомнению значение тех или иных битв, развенчивали личности тех или иных полководцев и героев, оспаривали историческую ценность победы и даже выставляли измену типичного красного командира-выдвиженца А.А. Власова борцом со «сталинизмом». (Для сравнения — дворянин, герой Русско-японской и Первой мировой войны генерал Д.М. Карбышев принял мученическую смерть, но не совершил предательства.)

Удар наносился по самому смыслу войны, которая трактовалась не как война за право народов на жизнь и историю, а как борьба демократии против фашизма. В такой интерпретации «ярость благородная» недемократического народа обесмыслена; вместо национальной истории у русских в XX в. остается лишь погоня за ложными идеалами; а разрывом преемственности русского, советского и постсоветского исторического сознания достигаются фундаментальные цели. Квалификация СССР в качестве такого же преступного государства, как и нацистский рейх, не только служит подмене смысла войны, но и дает основания для ревизии итогов Ялты и Потсдама.

Неслучайно на антикоммунистическом Западе, где СССР неофициально называли прежним именем «Россия», одновременно взяли на вооружение выгодную большевистскую интерпретацию: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917 г., а СССР является не продолжением тысячелетнего государства, а соединением «независимых и самостоятельных» наций. Такой подход последовательно применялся в отечественной — сначала марксистской, а потом либеральной доктрине, и применяется Западом до сих пор. Это проявилось и в резолюциях Конгресса США; и в выборе юридических основ для отделения Прибалтики от СССР, исключавших из рассмотрения тот факт, что Прибалтика была частью территории России, никем прежде не оспариваемой; и при распаде СССР в 1991 г., и в современной оценке на Западе советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Разумеется, в СССР добровольное соединение объявлялось благом «под сиянием пролетарской революции», а на Западе — насильственным игом «под железным обручем тоталитаризма». Но очевидно, что два определения, отличаясь лишь оценкой факта, были тождественными в том смысле, что они в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, ибо ей отказано в историческом прошлом.

Полная смена в общественном сознании исторических ориентиров на нигилизм к прошлому порождает идейное пораженчество, что позволяет выйти на авансцену радикальным адептам новых идеологических проектов, готовым на любые геополитические потери. Это подтверждают не только события русской истории в начале и конце XX в., но и опыт межвоенной Франции, феномен «потерянного поколения» Европы в целом. Общий нигилизм и разочарование в национальной идее в итоге привели Тре-

тью республику к позорной капитуляции 1940 г. и трагическому перерождению «Петена — героя Первой мировой войны» в «Петена — капитулянта»¹.

В свою очередь, могли ли бы советская армия и советский народ, будь они полностью лишены сознания своего преемственного Отечества, оказать такое невиданное по силе духа сопротивление гитлеровской агрессии? Об этом, предчувствуя неизбежную войну, задумывались сами советские власти, еще в первой половине 1930-х годов прозорливо изменившие свою политику в области образования, и прежде всего преподавания национальной истории.

Начав с сокрушения российской государственности, СССР в своем реальном историческом развитии начал отходить от замысла безнациональной «всемирной социалистической федерации»². Идея мировой революции потерпела крах, хотя за нее было заплачено историческими стратегическими позициями — результатами Ништадтского мира и Берлинского конгресса, Прибалтикой, Карсом, Ардаганом, Бессарабией... Угроза войны с нацистской Германией понуждала обратиться к исторической памяти. Впереди маячило столкновение с «пролетариями» во вражеской форме, одержимыми отнюдь не мировой революцией и пролетарским единением, а идеей мирового господства. Для отпора им пение «Интернационала» было непригодным, хотя такие иллюзии еще оставались у части советских солдат даже после нападения Гитлера³.

В советский идеологический лексикон стали возвращаться понятия традиционной внешнеполитической идеологии. Г. Киссинджер в его довольно вдумчивом разборе советской истории подмечает этот новый идеологический нюанс: «Невзирая на революционную риторику, в конце концов, преобладающей целью советской внешней политики стал вырисовываться национальный интерес, поднятый до уровня социалистической прописной истины» [Киссинджер, с. 232, 233].

Некоторая ревизия большевистских максим и отказ от рассмотрения патриотизма как сугубо буржуазного явления проявились в опровержении взглядов главы марксистской исторической школы в СССР М.Н. Покровского, поклонника работы Ф. Энгельса «О внешней политике русского царизма» — катехизиса антирусской концепции, по сути, вполне разделяемой многими современными авторами в России и за рубежом.

Вехой, ознаменовавшей эту смену идеологических ориентиров, стало известное постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР». В нем признавалось ошибочным, что «учащимся преподносят

1 Об этом на круглом столе Института демократии и сотрудничества в 2008 году в Париже говорили старейшина русистики историк Ф-К Кокен и историк профессор О. Форкад.

2 Об эволюции идейных и государственных подходов в развитии СССР на протяжении всего периода см. [Нарочницкая Н.А. Россия и русские...].

3 Исследователь сознания военного поколения Е.С. Сенявская приводит рассказы солдат, которые в самом начале войны при допросе пленных фашистов апеллировали к классовой солидарности, но в ответ получали лишь возгласы «Хайль Гитлер». [См.: Сенявская]

абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» [Постановление СНК СССР...]. Напомним, что в 1920-е годы история как предмет не преподавалась, ее заменило гротескно вульгаризированное обществоведение, когда критерием оценки исторических событий служило приближение к социалистической революции. (Столь же идеологизированный подход к преподаванию истории, внедренный в 1990-е годы, сделал критерием оценки событий XX столетия обретение либеральных свобод).

Восстановление школьного исторического образования неизбежно повлекло реформу и вузовской системы для подготовки учителей. Была поставлена задача написания к сентябрю 1934 г. новых учебников по всеобщей и отечественной истории, а также восстановление исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах. Исторические факультеты со структурными элементами в виде кафедр были массово созданы в вузах по всей стране. Тем самым восстанавливалась определенная преемственность с дореволюционным университетским образованием. Разумеется, постановление ЦК провозглашало задачу лучше «подвести» учащихся к марксистскому пониманию истории, но на деле оно означало отказ от сугубо нигилистического взгляда на прошлое страны и серьезную идеологическую корректировку. Русскую историю частично реабилитировали, добавив ритуальные сентенции исторического материализма.

Все эти идеологические изменения были немедленно замечены русской эмиграцией. Так, историк и философ Г.П. Федотов даже счел их «контрреволюцией», справедливо предполагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы. Он отмечал возвращение людям национальной истории и культурного наследия вместо вульгарного социологизма и был уверен, что несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советскими поколениями, возымеют больше влияния на умы, чем тонны коммунистических газет.

Г.П. Федотов с удовлетворением писал о «громкой всероссийской пощечине», которую получил редактор «Известий» Н.И. Бухарин за «оскорбление России»¹. Бухарин, один из ультралевых «интеллигентов» среди большевиков, весьма агрессивно призывал покончить с традициями русской жизни и ее воспеванием в литературе («есенинщиной»). Но когда в статье от 21 января 1936 г. он назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», отмечая свойственную ему «азиатчину» и «азиатскую лень», то за эти вполне ортодоксальные для большевизма тезисы газета «Правда» неожиданно назвала позицию Бухарина «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за «революционную энергию», но и за его гениальные художественные творения, и даже за грандиозность созданного им государства.

Во многом благодаря таким изменениям в воспитании новых поколений (хотя, раз-

1 Новая Россия. 1936. №1.

умеется, не только поэтому) в момент нападения гитлеровской громады струны сознания и сердца зазвучали иначе, чем в лозунгах всемирной пролетарской революции. Обращение «Братья и сестры!» Сталина, напоминание митрополита Сергия о «священном долге перед родиной», его призыв «послужить отечеству в тяжкий час испытания» и «благословение православных на защиту священных границ нашей Родины» [Обращение митрополита Сергия...] вывели сознание людей с уровня идеологии на иной — *экзистенциальный* уровень — «быть или не быть». И «ярость благородная вскипела как волна». Нация, отнюдь не единая по отношению к революции, к большевистской системе, на уровне интуиции отложила в сторону раздирающие сомнения по поводу устроения государства, чтобы защитить Отечество.

«В те годы действительно можно было говорить о морально-психологическом единстве советского общества», — делает вывод историк Е.С. Сенявская, исследуя социопсихологический профиль военного поколения. При этом она отмечает необычный сложный состав фронтовиков, который вовсе не обещал единства мировоззрения. Ибо в ходе нескольких призывов в одном окопе оказались и те, кто родился в начале 1920-х годов и был воспитан уже в сугубо советской идеологии, и родившиеся в 1890–1900-х годах, сформировавшиеся в православной империи, пережившие в юности Первую мировую войну, которую еще не клеймили «империалистической», революцию и слом всех традиций русской жизни. И все эти люди не могли иметь единого отношения к советской власти.

Современный ультралиберальный и политически ангажированный подход отождествляет германский нацизм и советский коммунизм, которые даже в период холодной войны западные политики и политологи считали антитезами. Полностью игнорируется сам факт агрессии и цель рейха — истребить 40% населения центральной России, превратить территорию и народ в «материал». Игнорируется полная противоположность коммунистической идеи всеобщего равенства, выросшей из философии прогресса, с одной стороны, и антихристианского человеконенавистнического содержания нацизма — языческой доктрины природной неравномерности людей и наций и оправдываемой этим цели истребления и порабощения целых народов, с другой. Смысл войны сводится лишь к тому, что фашистской агрессии противостоял недемократический советский режим, который проводил репрессии против реальных и мнимых инакомыслящих. Не менее, если не более репрессивная и кровавая Французская революция до сих пор не вызывает никаких подобных пересмотров и ниспровержений.

Е.С. Сенявская с полным основанием подмечает, что в этом столкновении «патриотические, национально-государственные интересы страны *подчинили себе советскую систему и даже частично трансформировали коммунистическую идеологию* (зд. и ниже курсив мой. — Н.Н.). Идеи мировой революции были отброшены, а понятия «Родина», «Отечество», еще недавно публично предававшиеся анафеме, оказались в сознании народа определяющими. Война сразу же стала Народной и Отечественной... Только обращаясь к глубинам народного духа, система могла выжить, но, спасая себя, она спасала страну» [Сенявская]. Действительно, характер гитлеровского наше-

ствия и восстановление исторического наследия в душах всех представителей военного поколения привели к интуитивному осознанию того, что «*гибель советского государства означала бы гибель России*». А это объединяло и принявших, и не принявших революцию. «В тех условиях интересы народа, страны и государства оказались в главном тождественны» [Там же], — как и понятия отечества и государства.

Подтверждение такому суждению неожиданно находим в восторженных статьях о Сталинградской битве военных корреспондентов британских и американских газет. Их репортажи начинают пестреть такими понятиями, как «русский дух», «русский солдат», «русская культура» и даже «русская литература», подвигавшие людей на жертвенный сверхчеловеческий подвиг. «Патриотизм в России это не размахивание флагом. Это скорее открытие для себя того, что в данный момент представляет ценность в историческом прошлом России», — пишет о «России, вдохновленной своим доленинским прошлым», Морис Хиндус, военкор «Таймс» в воюющем СССР. Он делится в газете наблюдениями: солдаты в окопах осознали, что защищают не только заводы на Урале, свой дом и будущую счастливую жизнь, но что за ними «соборы, Кремль, древние церкви с золотыми куполами, поэты, музыканты и писатели, все те, кто до них сражались за страну... Россию» [См. Сталинград... с. 219–220; Times].

Нелишне заметить, что не все коммунистические ортодоксы приняли новые акценты в советской идеологии, что демонстрирует неоднозначное отношение к культовому до сих пор фильму С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), который диссидент Л.З. Копелев, признавая его огромное воздействие, позже назвал «рождающим шовинизм».

Нацистское нашествие имело целью не просто отобрать часть достояния и территории, но лишить народ будущего, превратить в материал для своего проекта. Угроза нависла не просто над государством, любое из которых никогда не соответствует идеалу. Экзистенциальная опасность нависла именно над *отечеством*, пробуждая чувство рода, живую связь с деяниями предков, ответственность за судьбу потомков. Не восстать против этой угрозы — в сознании и ощущении народа значило обесмыслить все предыдущие национальные сверхусилия: и стояние за веру, и победы на Чудском озере и Куликовом поле, и подвиг Минина и Пожарского, и изгнание наполеоновской «армии двенадцати языков». Ощущение нависшей утраты *навсегда* собственной истории затмило в сердцах многих неприятие революции и вновь родило национальное сверхусилие ради спасения отечества. Если бы в момент войны Отечественной не принявшие революцию возобновили войну гражданскую, если бы подвиг всестороннего, не только материального, но и политического самоотречения, не состоялся, не было бы сегодня России, не было бы никакой, ни коммунистической, ни либеральной истории ни у русских, ни у Европы.

Национальное чувство — это приверженность судьбе исторической национальной государственности в ее целостности, а не только и даже не столько отношение к сегодняшнему дню в жизни государства, который редко удовлетворяет современников.

Такое сознание даже при неприятии пороков и действий государства не приводит к отречению от него в моменты, когда оно шатается, как было в конце 1980-х, и оказывается спасительным в момент внешней угрозы, особенно войны. Когда к генералу А.И. Деникину, чей прах в год 60-летия Победы (2005) был перезахоронен на русской земле¹, обратились с предложением благословить власовскую армию своим авторитетом борца с большевизмом, он, выступавший после войны против выдачи в СССР пленных соотечественников, которым угрожал ГУЛАГ, тем не менее, отказался, указав, что «воевал с большевиками, но никогда — с русским народом... Если бы я мог стать генералом Красной армии, я бы показал немцам!» Великий русский композитор С. Рахманинов до изнеможения давал концерты по Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину.

Отчего эти верующие люди, никогда не принимавшие революцию, у которых большевики отняли родину, сочувствовали Красной армии, хотя власть в Кремле была им абсолютно чужда? Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». Сохранение *отечества* для будущих поколений для них было выше желания увидеть крах чуждого и враждебного всем их идеалам режима. Для них Россия в любом ее обличье оставалась Родиной. И подобно матери в притче о Соломоновом суде они предпочли ее оставить большевикам живую, чем отдать на растерзание чужеземцам. Это ли не высота национального самосознания...

Однако следует признать, что труден был выбор русской эмиграции, оказавшейся в мучительном раздвоении. В первом поколении эмигрантов утрата Родины мобилизовала национальное чувство и побудила к жесткой оценке даже Февраля 1917 г. и естественному тотальному неприятию советской власти. Но уже послужившее упадку России и ее государственности скептическое прочтение русской истории не могло исчезнуть, чему способствовала и среда. Хотя российские большевики, считавшие себя наследниками Французской революции, повторили провозглашенный якобинцами революционный террор, западная историческая мысль нередко предпочитала усматривать истоки большевизма даже не у Петра Великого, не у Робеспьера с гильотиной, даже не у Иоанна Лейденского и Томаса Мюнцера, а в варварстве Чингисхана.

О настроениях второго поколения русской эмиграции, неизбежно подвергавшегося культурной ассимиляции, с тревогой писал А.В. Карташев: «Ни одному из христианских европейских народов не свойственны соблазны такого самоотрицания, как русским. Если это и не тотальное отрицание, как у Чаадаева, то откровенное, при случае, подчёркивание нашей отсталости и слабости, как бы нашей качественной от природы второстепенности. Этот очень старомодный «европеизм» не изжит ещё ни в наших, уже сходящих со сцены поколениях, ни в нашей молодёжи, вырастающей в эмигрантском отрыве от России» [Карташев, Предисловие].

---

1 Прах А.И. Деникина и философа И.А. Ильина был перезахоронен осенью 2005 года в Москве на кладбище Донского монастыря, и автору статьи довелось обсудить с М.А. Деникиной отношение А.И. Деникина к войне.

Однако характер фашистского нашествия, нескрываемые цели нацизма в отношении славян и прежде всего русских, гибель гражданского населения на оккупированных русских территориях делали очевидным, что победа нацистской Германии — это конец России и конец русской нации, которая, наполовину истребленная, обречена была превратиться в расходный материал. Страна и народ самоотверженно сопротивлялась, но во главе СССР стояли те, кто лишил эмигрантов Родины и пограл все, что составляло красоту и правду русской жизни для эмиграции первой волны. Все же, по свидетельству внука Л.Н. Толстого, академика-слависта Н.И. Толстого, родившегося и выросшего в русской эмигрантской среде довоенного Белграда, 80–85% эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной армии, потому что страстно переживали за Родину, а «пораженцев» было не более 15–20%.

Русская эмиграция в Сербии — это особенно трепетно переосмысливавшая драму русской истории часть русской нации в изгнании. Ей, в отличие от попавших в Западную Европу, король Александр Карагеоргиевич, сам страстно переживавший за судьбу России, дал все возможности реализовать свои не только материальные, но и духовные потребности, подарил великолепный Русский дом, возможность творить науку и создать свой театр. Русские профессора, оказавшиеся в Париже таксистами, в Югославии создали кафедры, основали целые направления науки, подняли на высокий уровень правоведение, историческое знание и особенно много разработок посвятили анализу духовных причин Революции 1917 г. Исследователь наследия русской эмигрантской мысли в Королевстве Югославия Е.А Бондарева пришла к выводу, что большинство интеллектуальной элиты белградского круга не принимали не только Октябрь, но и Февраль [Бондарева Рах Rossica... с.163–164]. Но если для либералов, как и для революционеров, важнее всего было соответствие государственного устройства их представлениям, то для почвенников — сохранение Отечества, даже при неугодном режиме.

Сам же Н.И. Толстой участвовал в партизанском движении в Сербии, в 1944 г. добровольцем вступил в Красную армию, написав в заявлении: «Я хочу воевать, как мой прадед воевал под Севастополем». К добровольному возвращению с родителями в СССР его побудило не обаяние коммунистической идеологии, а желание быть со своим народом и родиной в период, когда дух Мая 1945 г. и Великая Победа сделали СССР-Россию в глазах Запада объектом отторжения и «сдерживания»-«отбрасывания» — стратегии, вновь открыто предлагаемой и проводимой против некоммунистической России через 75 лет после Победы [См. напр.: McFaul].

Прозрение части эмиграции в сути «антибольшевистской» политики Запада нарастало с началом холодной войны, особенно, с принятием в 1959 г. Конгрессом США по представлению галицийских униатов и поляков (Л. Добрянский и конгрессмен от Иллинойса Э.Дж. Дервински) получившей статус закона резолюции «О порабощенных нациях». Этот документ, провозглашавший цель освобождения жертв «империалистической политики коммунистической России», назвал таковыми все народы союзных республик и даже «Казакую и Идель-Урал», *кроме русского*. Русская эмиграция в США (в том числе Г.П. Чеботарев, С.П. Тимошенко, Н.М. Рязановский, Г.П. Струве, Н.С. Тима-

шев и др.) безуспешно пыталась добиться включения в этот список русского народа и протестовала, распознав, что за лозунгом борьбы с большевизмом уже почти не скрывалась борьба с «русским империализмом», причем на территории самой исторической России. Инициаторы резолюции и не пытались маскировать антагонизм по отношению к России «борьбой с коммунизмом» и предлагали применять к русскому «империализму» в образе СССР оценки, как будто заимствованные из «Тайной дипломатической истории XVIII в.», в которой К. Маркс призывал вернуть Россию к «Московии» в границах Столбовского мира 1617 г. [Dobryansky; См. также: Bray]¹. То, что Запад вовсе не так отторгает советский коммунизм — «создание своего духа», — «как ненавидит Россию историческую», констатировал и остро комментировал в докладе «Исторический опыт России» (1961 г.) историк-эмигрант Н. Ульянов: «От его (Запада) первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской... Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России... Нам приходится быть свидетелями... небывалого поношения имени русского...» [Ульянов, с. 92].

Великая Отечественная война, востребовав национальное чувство, заглушенное классовым подходом, не только восстановила чувство исторической преемственности у советских поколений, но и способствовала постепенному преодолению непонимания между ними и частью русской эмиграции. *Общая* кровь, пролитая за *общее отечество*, очищала от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории.

Историческое самосознание военного поколения не успело подвергнуться стиранию, наоборот, оно само существенно переработало ортодоксальные коммунистические идеи. При исследовании социального состава и сознания населения на разных этапах СССР нельзя обойти тот факт, что в годы Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему крестьянскому происхождению и сознанию резко отличавшаяся от ранних большевиков, одержимых переустройством мира и мировой революцией. Эти новые члены партии составили второе советско-партийное поколение.

Ему, вдохновленному духом Победы 1945 г., менее всего за весь XX в. был свойственен комплекс неполноценности перед Западом. Это героическое поколение значительно выхолостило нигилистические воззрения на отечественную историю, связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Акцент сместился с внутренней классовой борьбы на единственно возможный тогда «советский» и государственный патриотизм. Сдвиг общественного сознания от ортодоксального марксизма в сторону национальной державности дал 40 лет относительно мирной жизни, и титаническим напряжением был создан мощнейший потенциал. На мировой арене СССР стал силой, равновеликой совокупному Западу. Но энергия и потенциал разви-

---

1 Дочь Л. Добрянского Пола Добрянски, учившаяся у Зб. Бжезинского, заместитель государственного секретаря США при Буше-младшем и наставница Е. Чумаченко — будущей супруги президента В. Ющенко.

тия, свобода были скованы казавшимися все более абсурдными жесткими рамками, а идеология, утратившая впитанный в годы войны животворный дух, трактовала все аспекты жизни страны и мира в рамках износившихся клише.

Осмысление итогов советской эпохи будет продолжаться. Хотя уже немало размышлений было посвящено падению СССР и накопившимся в нем колоссальным проблемам, отсутствию стимулов и инструментов модернизации, экономического роста и дальнейшего развития, тупику советской идеологии, воспринимавшейся большинством уже с усталым скепсисом. Потребуется немало времени, чтобы *sine ire et studio* оценить все аспекты падения советской системы, увлекшей за собой тысячелетнюю государственность. Здесь же подчеркнем именно утрату того исторического сознания, которое позволило бы сохранить преемственную государственность, отказавшись от коммунистической идеологии и эксперимента, исчерпавшего себя в глазах даже лояльной к советскому режиму основной части общества. Но номенклатурная элита третьего советского поколения разочаровалась в коммунизме не столько как в инструменте развития собственной страны, как в препятствии для вхождения в элиту мировую.

Новые вызовы и прежние проблемы

Распад СССР и временная утрата внешнеполитических ориентиров породили иллюзии, что Россия никогда не вернет себе роль самостоятельного и суверенного субъекта. Началось неизбежное соперничество старых и новых амбициозных сил за российское наследство. Возобновилось не только давление по тем направлениям, по которым столетия назад на Россию наступали Ватикан и тевтоны, империя Габсбургов и Оттоманская Турция, Япония, — на морские рубежи России, выход к которым сделал ее в свое время великой державой [Нарочницкая Н.А. Великие войны]. Как только стало заметным собирание национальной воли, идеологическое информационное давление на некомунистическую Россию многократно возросло по сравнению с эпохой СССР.

Хотя в новое тысячелетие страна вступила, утратив свершения многих поколений, восстановление инстинкта самосохранения было неизбежным. Гуманитарные интервенции, поощрение эталонами демократии «цветных» революций, а на деле государственных переворотов, их политическое и военное вмешательство для продвижения своих интересов — все это привело к глубокому разочарованию в образе Запада и потере авторитета его адептов в российском обществе.

Возвращение национального чувства и восстановление ценности государственности как исторического континуума, ярко продемонстрированное в момент возвращения Крыма и Севастополя, а также спонтанным превращением Бессмертного полка во впечатляющий акт национального самосознания, не могли быть навязаны сверху. Уже в середине 1990-х годов в массовом сознании даже тех слоев, что склонны были в целом поддерживать общий курс на следование в фарватере Запада и искоренение «коммунистического прошлого», попытки отнять святыню Победы не встречали поддержки, а у огромной части общества вызвали полное неприятие и возмущение.

Продолжающаяся массивная атака на историю России-СССР и на смысл Второй мировой войны имеет целью не только полную и окончательную демонизацию советского эксперимента как такового, что уже вызывает обратную реакцию и отторжение у общества и даже ностальгические настроения. Пересмотр итогов Победы — это делегитимизация позиций СССР и его преемницы России в международной системе.

Исход нового противостояния предопределяют многие традиционные факторы — геополитика, экономика, военная сила, модернизация, технологии, национально-государственная воля. Как и в прошлом, огромную роль будет играть состояние общественного и исторического сознания России, особенно ее элиты и образованного слоя, в котором в XXI в. происходят весьма быстрые изменения, но не исчезли нигилизм и пренебрежение интересами собственного государства.

Русская интеллигенция прошлого владела основами общей всеевропейской культуры, что, не предполагая полного отрицания собственной истории, порождало идеи и дискуссии, будило мысль. Славянофилы и западники были не взаимоотрицанием, но взаимообогащением. Ближе к концу XIX в. российское западничество идейно оскудевает, а политическая энергия переходит к носителям революционного мировоззрения и радикальных взглядов, которые уже бросают вызов российскому государству. В.О. Ключевский, отметив в неопубликованных «Мыслях об интеллигенции» потенциально важную роль образованного слоя в формулировании проблем и запросов, одновременно весьма уничижительно охарактеризовал типический состав наиболее «громкой» публики своего времени:

«Классификация интеллигенции»

1. Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных.
2. Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: марксисты, толстовцы etc.
3. Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами» [Ключевский].

С.Л. Франк, вполне признававший назревшие проблемы государственной жизни и чаяния социальной справедливости, волнующие общества всего мира уже столетие, в свое время отметил еще одну фундаментальную черту российских либералов, еще ярче проявившуюся в XXI столетии: «Основная и конечная причина слабости нашей либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного *общественного мирозерцания*» [Из глубины... с. 316]

Советская интеллигенция позднего СССР родила идеологов, не дороживших преемственной государственностью, исторической территорией, итогами тысячелетней российской истории. Хотя в целом нельзя назвать этот слой необразованным, его сознание было заметно стерилизовано догматизмом и схематизмом, отсутствием доступа к подлинному философскому и культурному наследию не только России, но и Евро-

пы и, соответственно, слабым знанием этого наследия. Последнее же, постсоветское, поколение, в свою очередь подверглось сильному идеологическому влиянию новых упрощенных догматов, пришедших на смену коммунистическим клише. Значительную часть населения больших городов с формально высшим образованием уже трудно именовать интеллигенцией в силу чрезвычайного оскудения знаний в гуманитарной сфере, подвергшейся наибольшему разрушению.

В XXI в. клиповое сознание, «сшитое из обрезков» мнений в интернете, к тому же нередко генерируемых политическими технологиями в интересах других государств, не опирается на знание не только собственной, но и западной истории. В этом интеллектуальном и образовательном вакууме особенно эффективны политические технологии, воздействующие в условиях демократических свобод на анархические инстинкты и присущий русскому политическому сознанию радикализм и максимализм. «Русский радикализм отрицает не только все исторически действительное, но и все исторически осуществимое, — писал философ и правовед Е.Н. Трубецкой, — поэтому его максимализм на практике проявляется как нигилизм, дикая, ничем не сдержанная и ни перед чем не останавливающаяся страсть к разрушению. Из формулы *«или все, или ничего»* ему в действительности удастся добиться осуществления только второго термина — «ничего». Понятно, почему с этой формулой обыкновенно связывается другая, ей сродная и столь же нигилистическая — *«чем хуже, тем лучше»* [Трубецкой].

В российском обществе XXI в., так же как в предреволюционный период XX столетия, накопился значительный запас «анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов», о котором в «покаянном» сборнике «Из глубины» оставили свои суждения видные мыслители предреволюционного периода. Как отмечал С.Л. Франк, хотя в то же время в том же обществе «были живы и большие силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления», «весь ход так называемой революции состоял в постепенном отмирании, распылении, ухождении в какую-то политически-бездейственную глубь народной души сил этого последнего порядка». Процесс их вытеснения, писал Франк, «совершался под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции... понадобилась полугодовая упорная, до иступления энергичная работа разнуздывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл и целиком отдался во власть чистокровных, ничем уже не стесняющихся демагогов» [Из глубины... с. 313–315].

В XXI в. образ диктующего идейную повестку слоя меняется не только в России, но и в Европе, что имеет как общие, так и специфические причины и черты. Меняются в максималистско-либертаристском веке нормы поведения, свобода мнений все отчетливее становится свободой оскорбить и очернить оппонента, свобода совести — свободой без совести. Демократия, изначально обеспечивавшая гармонию между воззрениями большинства и меньшинства, провозглашает право меньшинства попирать

все, что свято и дорого для большинства. Е.В. Спекторский, внимательно изучавший эволюцию западноевропейской политической системы в XX в., заметил уже тогда признаки ее искажения: «...во всех государствах, не исключая и демократии, действует... «железный закон олигархии», в силу которого всегда образуется правящий политический класс, господствующий над мнимо свободными индивидами» [Спекторский Христианство... с. 256. Подробнее см.: Бондарева Религиозная мысль...].

Падение нравов, упрощенность восприятия мира — неизбежный результат среди прочего падения духовной культуры, многократно ускоряемого неуклонным изъятием из общеобразовательных программ мировой классики, выражающей традиционные ценности и ставящей нравственные дилеммы. Болонская система отказа от национальных систем образования и глобализации образовательных услуг воплощает слова К.Н. Леонтьева о Европе, которая «погубила у себя самой все великое, изящное и святое» [Леонтьев, с. 27]. Можно вспомнить и грустные мысли А. де Токвиля, видевшего в будущем демократических стран «неисчислимы толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души» [Токвиль, с. 497].

Постмодернистские идеи и клише неолиберализма — заменившего марксизм в качестве единственного «всесильного, потому что верного» учения, овладели университетским и академическим сообществом Европы и Америки, но также и России, едва восстановившей равновесие между национальным и универсальным. Студенчество, повсеместно лишённое классического образования и воспитания на национальной культуре, становится носителем новых стереотипных догм и с присущей молодости пламенностью выплескивает свои радикальные настроения в общественную жизнь, что в XXI в. облегчено во многих отношениях.

Новый технологический уклад везде быстро меняет состав общества, происходит падение престижа и финансового статуса профессий, связанных с созданием осязаемой продукции, не менее нужной обществу, чем в прошлые века. А именно в этих сферах в сознании «трудящейся личности» (Н. Бердяев) по-прежнему значимыми факторами являются земля — как природная среда обитания и как свидетель деяний предков, «территориальное сознание», реальные человеческие отношения, отношения человека и природы. Именно здесь, помимо целесообразности, действуют преобладающие социокультурные установки. Понижение социального статуса массовых профессий в областях, которые обеспечивают «очаг и хлеб», лишает их представителей социальной энергии, которая уходит в ту самую «политически-бездейственную глубь народной души», о которой писал С.Л. Франк. (Эта среда также может рождать и рождает протестные настроения, но иной содержательной направленности.)

Профессии, более оторванные от реальной жизни, призванные ее лишь обслуживать — менеджер, программист, маркетолог, управленец и т.п., — оперируют максимально неодушевленными данными, где есть место лишь математически правильному,

но не дóлжному и праведному. Владение микрочипом в искаженном социуме XXI в. (в том числе российском) дает гораздо более высокий социальный и имущественный статус, чем самое передовое знание механики и агротехники, тем более знание и понимание собственной истории или гениев мировой и национальной культуры.

Культ «успешности» вне нравственных критериев, сопровождавший после крушения СССР радикально-западническое воспитание постсоветского поколения (в том числе преподавательского состава высшей школы), в новом технологическом укладе родил тип радикала, неосведомленного в собственной истории, не знающего и тех основ, что в свое время сделали Европу великой и привлекательной. Эта часть общества, хотя и не очень многочисленная, весьма громко проявляет свой радикальный протест. Вновь, как описывал Е.Н. Трубецкой, «вся русская революционная партия имеет тенденцию превратиться в секту, которая мнит себя единой спасающей церковью, а потому ненавидит все прочие секты, как еретические. Максимализм и доктринерство грозят остановить у нас всякую общественную жизнь: нельзя учиться в школе, потому что мы не имеем «истинно-демократической школы», нельзя законодательствовать в парламенте, потому что мы не имеем «истинно-народного представительства». Нельзя терпеть какую бы то ни было власть, пока власть не перейдет в руки народа» [Трубецкой].

Дальнейшее деструктивное реформирование гуманитарного образования и науки по новым западным лекалам, близорукое утилитарное стимулирование лишь тех сфер, которые ассоциируются с ускорением экономики и инновационными производствами, не устранят причин формирования новых поколений, отнюдь не мотивированных ценностями высокого порядка, невежественных и легко управляемых в век информационного общества.

Продолжение такого курса может лишь негативно повлиять и на формирование новых поколений властной элиты. Возникшая в рамках социологии «элитология», изучающая основания и критерии дифференциации общества, не случайно считается междисциплинарным знанием на стыке политологии, всеобщей истории, социальной психологии и культурологии. Такое понимание элитологии говорит о признании роли исторического сознания в формировании элит.

Регулярные социологические замеры по вопросу, «какие ценностные установки и мотивы лежат в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России», фиксируют в качестве главной характеристики «отсутствие сочетания личностных и национально-государственных устремлений», что делает этот слой квазиэлитой — то есть элитой лишь по признаку обладания руководящими полномочиями. По оценкам экспертов, лишь около 10 % респондентов мотивированы «стремлением честно служить Отечеству» и «завоевать уважение народа», тогда как мотивации «владение властью», «стремление к высоким должностям», «доступ к богатствам страны», «обогащение» разделяют 55, 54, 35 и 46 % [Понеделков, Старостин, с. 15–23]. За последнее десятилетие, по сравнению с рубежом XXI в., когда

эти вопросы уже ставились экспертами [Гаман-Голутвина Метафизические... Российская интеллигенция...], не произошло позитивных изменений в формировании элиты — вместо псевдоэлиты, профиль который тревожно напоминает последнее десятилетие советского периода.

Судя по инициативам власти, налицо и обеспокоенность, и осознание востребованности в сегодняшней России совершенно иных мотиваций и иного сознания как в масштабе общества в целом, так и в среде самой управленческой элиты. Технократический подход годится для поощрения «граждан отечества», но рождает граждан гуманитарное образование и воспитание.

В России, отличающейся сильными территориальными контрастами и живущей «в трех веках», где высоты культуры и технологии перемешаны с архаикой, это ведет к разделению народа на две неравные цивилизации, где малая часть народа претендует диктовать свою повестку остальным.

В момент, когда проповедь политических идей уже вызывает оскомины, опасность оставаться «ленивым и нелюбопытным к собственной истории» (А.С. Пушкин) возрастает. Образование, воспитание и культура — кузница нравов, системы ценностей и гражданской ответственности. История и философия — эти главные орудия самосознания человечества и «питомники его идеалов» — в тяжелые времена приобретают большее, чем когда-либо, истинно жизненное значение.

Русский консервативный философ конца XIX в. П.Е. Астафьев назвал самым драматическим в истории время смятения человеческого самосознания — время, когда человек и нация, растерявшие положительные идеалы и веру, «остаются только со знанием того, чего они *не* хотят, во что *не* верят, и со всей оставшейся у них страстностью способны лишь *на критику и борьбу* против этого единственно им ведомого и ненавистного». Трудно не согласиться с мыслью философа, что выход состоит прежде всего в уяснении утраченного «*положительного содержания* его [человека] самосознания, во внесении света и порядка в смутный хаос его только отрицательных стремлений, в ясном определении того положительного идеала и критерия жизни, без которых человек... может только томительно и бессмысленно метаться...» [Астафьев, с. 93].

Уяснить очертания, масштаб, внутреннюю суть зримого вызова, понять взаимосвязь нового драматического момента российской истории с неумолимым ходом истории мировой — задача не из легких, но первостепенных. В век информационного общества особое значение обретают духовный и мировоззренческий суверенитет, способность противостоять информационному давлению и сохранять уважение к собственному прошлому, дорожить своим историческим и культурным наследием, без чего никакое улучшение государственных порядков, никакие экономические преобразования и модернизация не способны обеспечить достойное будущее.

Литература

- Альфред Теннисон и англо-российские отношения: к вопросу о литературных стереотипах и предрассудках // *Культура народов Причерноморья*. 2003. № 37. С. 271–274.
- Анищенко Г. Дискуссионный клуб. Февраль великого перелома. К 100-летию Февральской революции // *Русская стратегия*. — URL: <http://rys-strategia.ru/publ/1-1-0-1922> (дата обращения: 23.02.2021).
- Астафьев П.Е. Смысл истории и идеалы прогресса. Философия нации и единство мировоззрения. М. 2000.
- Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М. 1997.
- Бабурин С.Н. Территория государства: теоретико-правовые проблемы Автореферат Диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М. 1998.
- Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность // *Государство и право*. 1993. № 7.
- Бондарева Е.А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М. 2012.
- Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // *Вопросы истории*. 2001. №9.
- Вернадский Г.В. Русская историография. М. 1998.
- Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1991.
- Винниченко О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития. Тюмень. 2008.
- Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит. // *Политическая концептология*. 2012. №3. С. 38–53. — URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/metafizicheskiye_izmerenija_transformacij_rossijskih_elit_2013-0... (дата обращения: 24.02.2021).
- Данилевский Н.Я. Горе победителям. М. 1998. — URL: hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (дата обращения: 24.02.2021).
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С-Пб. 1995.
- Зызыкин М. Царская власть и Закон о престолонаследии. София. 1924.
- Из глубины. Сборник статей о русской революции. Нью-Йорк. 1991.
- Ильин И. Основы христианской культуры. М. 2011
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М. 1989.
- Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж. 1959.
- Катков М.Н. Имперское слово. М. 2002.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения М. 1983.
- Леонтьев К. Моя литературная судьба. М. 2002.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. Книга первая. Посев. 1957.
- Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // *Скепсис*. Гл. 4. — URL: scep sis.net/library/id_883.html (дата обращения: 24.02.2021).
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. Революция и контрреволюция в Германии. М. 1957.
- Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М. 1979.
- Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. М. 2020.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.

Обращение митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 года // Правмир. — URL: pravmir.ru/obrashhenie-mitropolita-sergiya-stragorodskogo-22-iyunya-1941-goda/ (дата обращения: 24.02.2021).

Понеделков А.В., Старостин А.М. Современная российская элитная репрезентация в экспертном измерении // Коммуникология. 2016. Том 4. № 6.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР» от 15.05.1934 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. — URL: libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения: 24.02.2021).

Пушкин. А.С. Рославлев. ПСС. 1978. Т. 6.

Российская интеллигенция и власть // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. М., 2002.

Сенявская Е.С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: Социально-психологический феномен // «Перспективы. Электронный журнал». 2015. №2. С. 50–61. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/618/2_2015.29.06.pdf (дата обращения: 24.02.2021).

Спекторский Е.В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Библиотека Русской Матицы. Любляна. 1936.

Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага. 1925.

Сталинград. 1942–1943. Величайший провал Гитлера. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов. М. 2020. С. 219–220.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. 1992.

Трубецкой Е.Н. Сочинения. Максимализм. — URL: litres.ru/evgeniy-trubeckoy/maksimalizm/ (дата обращения: 24.02.2021).

Ульянов Н. Скрипты: Сборник статей. Ann Arbor, Michigan. 1981. — URL: rulit.me/books/skripty-sbornik-statej-read-210366-92.html (дата обращения: 24.02.2021).

Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения. // Известия Байкальского государственного университета. 2012. N 3.

Bray W.G. Russian Frontiers: From Moscovy to Chrushev. N.Y. 1963.

Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y. 1970.

Dobryansky L. The Vulnerable Russians. New York. 1967.

Huntington S. The Clash of Civilizations. 1995.

Jouin E. L'après-guerre, la guerre, l'avant-guerre 1870–1914–1927. Paris. 1927. P. 63.

McFaul M. How to Contain Putin's Russia. A Strategy for Countering a Rising Revisionist Power // Foreign Affairs. 19.01.2021.

Scharlau W.B., Zeman Z.A. Freibeuter der Revolution : Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. Köln. 1964.

Times. 22.02.1943.

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-36-65

УДК 93; 94

Антон Крутиков

Концепции истории Белоруссии. I. От западнорусизма к национальным мифам и постсоветскому прагматизму

Аннотация. Среди альтернативных версий прошлого выделяются несколько основных моделей, представленных в научном пространстве и непосредственно влияющих на общественное сознание, государственную политику и внутривнутриполитические процессы в Республике Беларусь. Помимо советской школы белорусской истории, к ним относятся западнорусизм, рассматривающий Беларусь как органичную, но при этом самобытную часть русского культурного и исторического пространства, «литвинизм» и белорусская национальная школа. Сложный и драматичный характер становления белорусской государственности в XX столетии до сих пор определяет господство неоднозначных, полярных, а порой и взаимоисключающих подходов к изучению национальной истории.

Ключевые слова: история Белоруссии, западнорусизм, исторические концепции, историческая политика, национальная идея, белорусский национализм.

Наличие в белорусском научном и общественно-политическом пространстве нескольких альтернативных моделей исторического прошлого не является уникальным явлением для большинства постсоветских государств. Противоречивый и во многом трагичный опыт XX столетия до сих пор не позволяет постсоветским обществам на территории бывшего СССР сформировать консенсус по важнейшим, базовым подходам к оценке собственной истории. Уникальность Беларуси состоит в том, что это единственное государство на постсоветском пространстве, где до сих пор пользуются официальной поддержкой многие советские исторические идеологемы, культурные символы, национальные герои и объекты исторической памяти.

События распада СССР, создавшие принципиально новую общественно-политическую ситуацию в постсоветских республиках, сформировали фон, на котором с начала 1990-х годов происходила трансформация массовых и элитарных представлений о прошлом Беларуси. Сложный и драматичный характер становления белорусской государственности в XX столетии определил господство неоднозначных, полярных, а порой и взаимоисключающих подходов к изучению национальной истории. Даже на уровне официальной государственной риторики прошлое Беларуси представляло противоречивую картину, составленную из советских идеологических клише, дорево-

Сведения об авторе: Крутиков Антон Алексеевич — историк, эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyozel1000@gmail.com.

люционных исторических концепций и взглядов классиков белорусского национализма. За последние десятилетия представления о прошлом, входившие в официальный исторический нарратив, колебались от признания «общего отечества от Бреста до Владивостока» до утверждений об особом историческом пути Беларуси и даже о самостоятельной «Белорусской цивилизации» [Лукашенко].

Определяя историческую политику государства как «политическое использование истории» [Миллер, с. 8], можно с уверенностью утверждать, что такая смена трактовок в основном совпадала с изменениями политического курса белорусского руководства. Это обстоятельство позволило многим исследователям предложить свои версии развития и периодизации современной белорусской историографии [Линченко, Беляева, с. 102; Карев, с.154; Фролов, с. 682].

Среди различных альтернативных версий белорусского прошлого сегодня можно выделить несколько доминирующих моделей, широко представленных в научном пространстве и оказывающих непосредственное влияние на государственную историческую политику. К ним следует отнести историческую концепцию «западнорусизма» (рассматривающую Беларусь как органичную, но при этом самобытную часть русского культурного и исторического пространства), белорусскую национальную школу и советскую школу белорусской истории. В современной официальной риторике можно с легкостью обнаружить элементы каждой из этих исторических школ. При этом степень их востребованности никогда не была постоянной. Соперничество нескольких альтернативных исторических моделей и их взаимовлияние порой рождало новые неожиданные трактовки и прочтения, представляющие несомненный научный интерес. Изучение особенностей зарождения наиболее влиятельных идейных течений в белорусской историографии представляется важным и для понимания концептуальных оснований современной белорусской исторической науки в целом. Не менее важны последствия выбора той или иной исторической модели для белорусского государства на фоне текущих проблем национальной самоидентификации, общественного единства и исторической памяти.

Генезис западнорусизма. «Куда идет Русская земля»

Идея исторической и культурной общности восточных славян имеет многовековую историю. Истоки лежат в эпохе Киевской Руси, от которой были унаследованы общие для ее православного населения понятия «Русь», «русская вера» и «Русская земля». В XIV–XVI вв. на территориях Малой и Белой Руси осознание этого единства было тесно связано с особыми историческими условиями их существования в составе Литовского, а затем и Польско-Литовского государств.

Политическая уния с Польшей 1569 г. привела к столкновению русских культурных традиций с ценностями западной латинской цивилизации, которые в XVI–XVIII вв. оказались поддержаны правящими кругами Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой. Столкновение двух культур выявило необходимость более четкой самои-

дентификации местных интеллектуальных элит, причем основой для этого стал религиозный фактор.

После Брестской церковной унии 1596 г. идея русской исторической и культурной общности была четко сформулирована церковными писателями-полемистами — авторами богословских и исторических трактатов, направленных на защиту «русской веры» от притеснений со стороны властей Польско-Литовского государства. В начале XVII в. в областях Белой и Малой Руси уже существовала обширная полемическая литература, причем ее авторы обращались к древней русской истории как к значимому аргументу в споре с оппонентами.

Полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий (1577–1633) в своих трудах рассматривал веру в качестве важного признака самоидентификации для «русского» населения восточных земель Речи Посполитой. «Грамматика» Смотрицкого (1619) издавалась в XVII в. несколько раз, причем география и хронология переизданий свидетельствовали о широкой востребованности идей автора [Грамматика].

Религиозный деятель и публицист Св. Афанасий Брестский (1596–1648) в своем «Диариуше» (дневнике) подчеркивал, что основой идеи русского единства выступало древнерусское наследие и память о крещении Руси князем Владимиром в IX в. Автор указывал на непрерывность русской культурной традиции на протяжении столетий, считая Русь наследницей «Нового Рима» — Константинополя. Оставаясь подданным польского короля Владислава IV, Афанасий Брестский проводил мысль о культурных и исторических различиях русского и польского населения Речи Посполитой. Главными среди них он выделял веру и язык: «Въ панствѣ тутъ съ початку вѣра христіанская, кафолическая, една оріенталная, же за ласкою Божією одъ всходу и заходу есть принята: зе всходу зъ Нового Риму, Константинополя, Русь вся, поводомъ невѣсты Ольги Московки, Псковянки, жоны Игоря, всеи Россіи князя, року 952; одъ заходу зась, зъ Старого Риму поляки, поводомъ панны Дубровки, Болгарки, дочки Богеміи, за князя Полского Мечислава, року 965. Зъ тыхъ причинъ, одъ одного грецкого писма, Русь — словенскимъ и рускимъ, а поляки — латинскимъ и полскимъ языкомъ, ведлугъ народу и потреби литеральной книгъ заживаючи двоякую якобы вѣру чинили, и двояко ся тутъ здавна русь и поляки»¹ [Диариуш, с. 125]. С точки зрения Афанасия Брестского, потомки Игоря и Ольги («Московки») хотя и жили в XVII в. внутри разных политических систем Московского и Польского государств, но по-прежнему принадлежали к единой русской культуре.

1 «Здесь изначально в государстве была принята единая христианская вера, кафолическая [все-ленская], восточная, по милости Божией на востоке и на западе: на востоке от Нового Рима, Константинополя вся Русь [была крещена] благодаря невесте Ольге, Московке, Псковянке, жене Игоря, князя всея России, в 952 году; на западе же от Старого Рима поляки [приняли крещение] благодаря панне Дубровке, Болгарке, дочке Богемии при князе польском Мечиславе в 965 году. По этим причинам на основе одного греческого письма Русь — славянским и русским, а поляки — латинским и польским языком исповедовали свою веру согласно с различиями двух народов и потребностями их литературы, и издавна здесь [живут] Русь и поляки».

Создатель Густынской летописи, которым современные исследователи называют архимандрита Захарию Копыстенского, утверждал: «якоже и ныне [...] Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подгоря [...] сии все единокровны и единораствны, се бо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются» [Полное собрание русских летописей, с. 236].

В предисловии к «Евангелию учительному патриарха Каллиста» (перевод Мелетия Смотрицкого), изданному Виленским братством в 1616 г. на средства князя Богдана Огинского, отмечалось, что русский вариант этой книги «на все широкии славнаго и старожитнаго народу Российского краины разослан» [Евангелие учительное, л. 2].

Устойчивость представлений о единстве Руси, актуализированная необходимостью «обороны русской веры», была характерна для обеих сторон религиозного противостояния. При этом «русскими» называли себя не только представители православной элиты ВКЛ, но и простой народ. Жители города Ратно в 1614 г. писали униатскому владыке Иосифу Рутскому о непринуждении их к унии: «отче архиепископе всего Росийскаго языка» [Максимович, с. 307]. И даже убежденный противник православия на белорусских землях Иосафат Кунцевич, Полоцкий униатский архиепископ, свой труд против основ православной веры озаглавил так: «Всим станом духовным и свецким народу нашего росийского» [цит. по: Аверьянов].

Во время «бескоролья» 1632 г., наступившего после смерти Сигизмунда III, Виленское православное братство издало на польском языке книгу «Synopsis» с изложением истории русского народа от крещения Руси до 1632 г. Издание было подготовлено специально для конвокационного сейма в Варшаве и доказывало непрерывность русской культурной традиции с IX в., со ссылками на исторические хроники и официальные документы [Беднов, с. 206].

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры архимандрит Иннокентий Гизель издал свой «Синописис» — первую печатную книгу по русской истории, которая почти на столетие стала самым популярным историческим сочинением в России. «Синописис» защищал идею единой государственной традиции в древней Руси, единой княжеской династии Рюриковичей и говорил о едином «славенороссийском народе» [Киевский Синописис, с. 10]. В Новое время сочинение Иннокентия Гизеля стало основой для формирования исторической концепции общерусского единства, разделяемой большинством российских историков XVIII–XIX вв.

Развитие этой концепции в Белой Руси имело существенные особенности, которые определялись местными историческими условиями. После «Вечного мира» с Польшей в 1686 г. белорусские земли, в отличие от малорусских, не вошли в состав российского государства и еще более ста лет находились под властью Речи Посполитой. В конце XVII в. здесь расширилось влияние католицизма, униатства, продолжалась полонизация церковной и светской жизни, затронувшая в основном образованные городские слои. В 1696 г. на территории ВКЛ был запрещен письменный «западнорусский» язык,

замененный польским и латынью. Прервалась многовековая литературная традиция, берущая начало во временах древней Руси. Под давлением католической реакции Белая Русь утратила литературную форму своего языка, старая русская книжность была вытеснена из сферы актуальной культуры. По мнению Н.С. Трубецкого, западнорусский язык погиб, «успев, однако, оказать сильнейшее влияние на русский литературный язык», а местная культурная и интеллектуальная жизнь проходила в дальнейшем уже в польских формах [Трубецкой, с. 122]. В этих условиях главная роль в защите «русской веры», а вслед за ней и идеи русского единства, переходила к России, вставшей на путь строительства империи и испытавшей на рубеже XVII–XVIII вв. значительное культурное влияние выходцев из Западной Руси.

По мнению известного белорусского историка Я.И. Трещенка, катализатором зарождения концепции западнорусизма стал так называемый диссидентский вопрос в Речи Посполитой — проблема неравенства прав католиков и представителей других христианских конфессий. Роль России, выступавшей с середины XVIII в. в качестве основного защитника прав «диссидентов», в данном контексте трудно переоценить. По словам Я.И. Трещенка, основной комплекс представлений западнорусизма сложился под идейным руководством Св. Георгия Конисского, епископа Белорусского, еще во второй половине XVIII в. Выпускник Киевской духовной академии, просветитель, ревностный защитник православия на белорусских землях, Георгий Конисский (1717–1795) оставил после себя обширное литературное наследие, проявив талант не только писателя-богослова, но и политика и историка. Его речь в Санкт-Петербурге на коронации Екатерины II 29 сентября 1762 г. оставалась образцом политического красноречия долгие десятилетия¹. После трех разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. взгляды Г. Конисского отразились в знаменитой формуле «Отторженная возвратих», ставшей символом возвращения России территорий Белой и Малой Руси. Осмысление прошлого этих земель последователями Г. Конисского в начале XIX в. оказалось актуальной задачей для местных интеллектуалов, главным образом из среды духовенства, причем не только православного, но и униатского.

В первой трети XIX в. мощный толчок идеям западнорусизма был дан в окружении униатского епископа Иосифа Семашко (1798–1868), инициатора Полоцкого собора 1839 г. по воссоединению белорусско-литовских униатов с Русской православной церковью. Соборный акт, подписанный 12 февраля 1839 г., позволил присоединить к православию 1,5 млн белорусских униатов и остановить процессы полонизации широких слоев белорусского общества. После упразднения унии возведенный в сан архиепископа Иосиф Семашко оказался ключевой фигурой в жизни православного населения Литвы и Белоруссии. Его деятельность по возрождению русских традиций и православия в Белой Руси опиралась на западнорусское самосознание, главным носителем которого выступало в этот период православное духовенство.

---

1 А.С. Пушкин в 1835 г. высоко оценил издание трудов Г. Конисского, дав ему следующую характеристику: «Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине по совершении ее коронации».

Яркий пример православного западнорусского консерватизма представляют воспоминания самого владыки Иосифа: «Я с детства имел душевное влечение к России и всему русскому. Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом — вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа. Пламенное усердие к этому делу в течение 12 лет (1827–1839) постигло все мое существование» [Записки Иосифа...].

Определенное влияние на взгляды Иосифа Семашко оказало и его знакомство с выдающимися мыслителями-консерваторами XIX в. — Н.М. Карамзиным и А.С. Шишковым.

В культурной среде последователей владыки Иосифа (с 1852 г. — Литовского и Виленского митрополита) в середине XIX в. формируется новое направление научной и общественной мысли, позднее получившее определение «западнорусизм». Среди идейных наследников Иосифа Семашко известны многие представители западнорусского направления, в том числе историки М.О. Коялович, Г.Я. Киприанович, П.Н. Жукович, К.А. Говорский и др.

Теоретические основы западнорусизма были окончательно разработаны М.О. Кояловичем (1828–1891) — уроженцем Гродненской губернии и сыном униатского священника (одноклассника Иосифа Семашко по Главной семинарии при Виленском университете). Его работы фактически подводили итог многовековой западнорусской исторической традиции и базировались на консервативных взглядах православного историка, близкого по своим убеждениям к российским славянофилам. В 1863 г. Коялович ввел в научный оборот термин «Западная Россия» для обозначения территорий, присоединенных к Российской империи после трех разделов Речи Посполитой в XVIII в., а также в результате Тильзитского мира 1807 г. (Белостокская область). Этот научный термин дополнил официальную имперскую номенклатуру названий бывших польских областей: «Северо-Западный край», «Литовские губернии» (Виленская и Гродненская), «Белорусские губернии» (Витебская и Могилевская, позднее Минская).

Историю белорусских земель Коялович считал русской историей. Здесь, по его словам, всегда жил русский народ, а местное белорусское наречие — это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями. Историк многократно использовал термин «белоруссы», считая их самобытной ветвью единого русского народа. Уникальность культурного феномена «белоруссов» состояла, по его мнению, в том, что Белорусско-литовские земли на протяжении нескольких столетий были полем военно-политического противостояния России и Речи Посполитой и местом столкновения католической и православной цивилизаций. Судьбы Белой Руси и ее восточного соседа всегда были неразрывно связаны. «Московская Русь, — писал историк, — это вооруженный орден по защите Запада от азиатов и западной Руси от воинствующего католицизма»

[Коялович, История...]. Высоко оценивал Коялович значение религиозной борьбы против унии в XVI — XVII вв. для развития национального самосознания жителей белорусских земель, причем важная роль в этом процессе принадлежала западнорусской полемической литературе. По словам историка, «в древней западнорусской литературе везде и во всем одно великое, объединяющее всех русских слово — Русь. Эти памятники, эта литература почти вся на таком языке — западнорусском, который был общим для всей западной России и слился потом с общерусским литературным языком» [Коялович, Чтения..., с. 24].

Для понимания идейного содержания западнорусизма важен также исторический фон, на котором происходило его становление. Значительное влияние на мировоззрение М.О. Кояловича оказали события Польского восстания 1863 — 1864 гг. и последующие реформы в белорусских губерниях генерал-губернатора М.Н. Муравьева и его соратников. Коялович был твердо убежден, что единственно возможным путем сохранения белорусов, их культуры, традиций и национального характера является возрождение западнорусского православия. Тема «обороны» ценностей русской цивилизации на западных окраинах империи стала центральной в его работах.

По словам историка В.Н. Черепицы, научная деятельность Кояловича в 1860-е годы «привела к крушению его наивных планов стать кабинетным ученым. [...] Ворвавшийся в науку из самой гущи западнорусской бурлящей жизни, он внес в нее те самые «горящие вопросы», которые превратили сухие теоретические штудии в нужные для народа и страны изыскания» [Черепица, с. 40].

Наиболее плодотворный период деятельности Кояловича как историка совпал со значительными переменами, которые произошли в российской общественной жизни и исторической науке в эпоху «Великих реформ» Александра II. Эти перемены точнее всего выразил профессор Нежинского историко-филологического института Н.Я. Аристов: в 1860-е годы, по его словам, «пал официальный запрет вести русскую историю только до Петра Великого», профессиональный интерес историков больше не ограничивался вопросом «Откуда есть пошла Русская земля?», но простирался дальше: «Куда идет Русская земля с многомиллионным своим населением?» [Аристов, с. 670, 677].

Для научных интересов М.О. Кояловича всегда было характерно обращение к наиболее актуальным вопросам современности, что многократно повышало общественную значимость его работ. Он и его последователи смогли «открыть» белорусскую историю для русского читателя, познакомить его с этнографическими и историческими особенностями белорусского народа. В российском обществе того периода даже среди людей с университетским образованием остро ощущалось не хватало знаний о Белоруссии, а ее губернии, расположенные западнее Днепра, часто по традиции называли «польскими». Об этом почти тридцать лет спустя писал российский этнограф А.Н. Пыпин: «В это время русское общество в первый раз узнало с достоверностью об этнографическом составе западного края и получило понятие об его истории [...] Мы вдруг открыли, всего с 1860-х годов, что западный край есть край русский; поняли, что до тех пор он был

заброшен [...] Мы, русское общество, забыли о существовании Белоруссии, мы коснели в неведении о той борьбе, которая совершалась там целые века; только теперь начинаем познавать ту пользу, какая принесена была общему делу русской национальности борьбой белорусского народа за свое существование» [Пыпин, с. 22, 87, 90].

Важнейшей работой М.О. Кояловича стала «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884), заслужившая высокую оценку современников. В частности, И.С. Аксаков называл ее «превосходнейшим и крайне полезным трудом» [Цит. по: М.О.Коялович и И.С. Аксаков...]. Связь первых представителей западнорусизма с российскими славянофилами многократно подчеркивалась исследователями [Там же]. По словам М.О. Кояловича, по сравнению с другими национальными концепциями, славянофильство имеет преимущество «и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации» [Коялович, История...].

Историк выступал за православные, православно-славянские начала в русской культуре, против притязаний латинства и германизма, «латино-германских начал западноевропейской жизни», призывал к изучению славянского мира, развитию межславянских связей, объединению всех славян вокруг идеи Кирилла и Мефодия и православия. Накануне «великих потрясений» XX в. М.О. Кояловичем и его последователями была фактически выработана универсальная социально-историческая концепция, не потерявшая своего значения и сегодня.

Продолжателем научных изысканий М.О. Кояловича стал историк, археограф и фольклорист П.А. Гильтебрандт (1840–1905), опубликовавший ценнейшие источники по истории Белоруссии. Ему, в частности, принадлежит обнаружение и первая публикация Туровского Евангелия (1869), древнейшего памятника славянской письменности на белорусской земле. Позднее Гильтебрандт опубликовал в «Русской Исторической Библиотеке» три тома «Памятников полемической литературы в Западной Руси», разделяя взгляды Кояловича на важность наследия западнорусских писателей-полемистов. В 1860–1870-е годы П.А. Гильтебрандт сотрудничал с И.С. Аксаковым и А.А. Краевским, публиковался в журналах «Русская старина», «Древняя и Новая Россия», в славянофильской газете «День» и других изданиях.

В пореформенные десятилетия благодаря реформам М.Н. Муравьева и его последователей в белорусских губерниях сформировалась западнорусская православная интеллигенция. Появилась целая плеяда историков, этнографов и филологов, которые изучали историю, традиции, обычаи и язык белорусов. Последние, по их убеждению, вместе с великороссами и малороссами составляли единый русский народ. Западнорусистами были созданы основополагающие труды по истории Белоруссии и Литвы, истории православной церкви, краеведению и этнографии.

Идеи западнорусизма оказывали непосредственное влияние и на российскую науку. В 1889 г. свой труд «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западно-

го края» выпустил П.Н. Батюшков. Располагая богатой источниковой базой, автор утверждал, что пространство, занимаемое западными губерниями, составляет древнее достояние России, являясь «искони русским и православным краем» [цит. по: Самбук, с. 133]. Авторитетный российский языковед, академик И.И. Срезневский в 1887 г. отмечал: «Гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором Великорусского наречия, а не отдельным наречием» [Срезневский, с. 36]. Российский этнограф и фольклорист, продолжатель трудов В.И. Даля П.В. Шейн (1826–1900) свою главную работу по этнографии белорусов опубликовал в 1887–1893 гг. под красноречивым названием «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» [Шейн].

Труды Е.Ф. Карского (1860–1931), русского филолога-слависта, палеографа и этнографа, принесли западнорусской идее прочную основу системного этнографического анализа. Выходец из семьи низших церковнослужителей Гродненской губернии, он в 1901 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук. Биография Карского является лучшим примером прогрессивных изменений в системе образования на западных окраинах Российской империи в ходе реформ М.Н. Муравьева и И.П. Корнилова, открывших дорогу к социальным лифтам для более широких слоев белорусского общества¹. Евфимий Карский закончил Минское духовное училище и Минскую духовную семинарию, по окончании которой он поступил в Нежинский историко-филологический институт, где изучал славяно-русскую филологию под руководством профессора Р.Ф. Брандта. В 1903 г. ученый предпринял этнографическую экспедицию по белорусским землям благодаря средствам, выделенным Виленским генерал-губернатором, князем П.Д. Святополк-Мирским. В этом же году в Варшаве был издан первый том его главного труда «Белоруссы». Современные историки считают эту работу «энциклопедией белорусоведения». В качестве критерия для идентификации белорусов ученый использовал языковой фактор. Это позволило установить, что белорусский говор достаточно определенно отличается от литовского на севере края, польского — на западе, украинского — на юге и великорусского — на востоке. Е.Ф. Карский систематизировал эти различия и составил своего рода этнолингвистическую карту фактического проживания белорусов к началу XX в., основываясь также на таких критериях, как типы одежды, фольклор, традиции и обычаи. Ученый подчеркивал, что на границах с соседями использовалось множество самоназваний и названий белорусов: литовцы и латыши именовали белорусов «гудами» («gudai», «guds»), украинцы называли своих северных соседей «литвинами». На востоке, в среде великорусов, употреблялось слово «полехи» [Карский, т. 1, с. 115, 204]. На границе с поляками белорусы называли себя исключительно «русью», хотя на других языковых границах могли употребляться и другие самоназвания [Карский, т. 1, с. 10]. Ученый подтвердил более ранние данные А.Ф. Риттиха, описавшего ситуацию на белорусско-польском по-

---

1 Русский общественный деятель, педагог, попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов (1811–1901) был одним из ближайших соратников М.Н. Муравьева и соавтором его реформ в Северо-Западном крае.

границе следующим образом: «все это население называет себя племенем Русь, употребляя белорусское наречие» [Риттих, с. 16].

Е.Ф. Карский обратил особое внимание, что среди различных местных самоназваний отсутствовала самоидентификация «белорус». «Простой народ в Белоруссии не знает этого названия, — пишет ученый, — на вопрос: кто ты? простолюдин отвечает: русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйшы» (*tutejszy*) — здешний, конечно, противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [Карский, т. 1, с. 116].

На этнографической карте, составленной Е.Ф. Карским, северная граница белорусских говоров простиралась за Себеж и Невель, на западе — за Вильну, Гродно и Белосток, на юге — за Пружаны, Мозырь и Городню, на востоке — до Брянска, Дорогобужа и Ржева. Следует заметить, что на юге и юго-западе этнографическая граница Е.Ф. Карского проходила севернее современной государственной границы, в область белорусов не включены Брест и Пинск, а на востоке и северо-востоке она простирается значительно дальше вглубь России.

На начало XX в. исследователь насчитал 8,5 млн белорусов (в том числе за пределами белорусских губерний), в большинстве своем исповедовавших православие [Карский, т. 1, с. 190]. Общий вывод Е.Ф. Карского заключался в том, что белорусы есть «разновидность русского племени», хотя и с ярко выраженными национальными особенностями [Карский, т. 3, с. 396]. Язык белорусов (Карский использует термин «наречие»), по мнению исследователя, является одним из диалектов русского языка. «Белорусская речь есть одно из великорусских наречий, равносильное северновеликорусскому и южновеликорусскому» — отмечал Е.Ф. Карский в тезисах своего магистерского диспута [Карский, т. III, с. 335].

В начале XX в. взгляды Е.Ф. Карского не раз подвергались критике за их «академичность» представителями белорусского национального движения. Так, политический деятель и один из идеологов белорусского национализма Я. Лесик писал об одной из работ Карского: «Кніжка гэтая цікавая; шмат прынясе карысці кожнаму інтэлегентнаму беларусу, але, чытаючы яе, трэба памятаць, што аўтар усе яшчэ глядзіць на беларускую мову, як падмову маскоўскага языка. [...] Праф. Я.Ф. Карскі — з навукі прыхільнік маскоўскага цэнтралізму» [Цит. по: Хотеев]. («Книга эта интересная, принесет много пользы каждому интеллигентному белорусу. Но, читая ее, необходимо помнить, что автор все еще смотрит на белорусский язык как на диалект московского языка. Проф. Е.Ф. Карский — в области науки сторонник московского централизма»). Важно отметить, что язык Я. Лесика имеет мало общего с литературным языком Западной Руси XVII в., на историческое наследие которой предъявлял претензии белорусский национализм).

В целом же труды академика Е.Ф. Карского, признанного ученого, ректора Варшавского университета, 38 лет посвятившего изучению Белоруссии, придавали дополнительный авторитет западнорусскому направлению научной и общественной мысли.

Годы испытаний

После революционных потрясений 1905 г. идеи западнорусизма далеко вышли за рамки академической науки, публицистики, церковной и общественной жизни Белоруссии. В новых исторических условиях они превращаются в идейный концепт сторонников консервативных политических партий, монархических и патриотических движений, готовую идеологическую основу для российских реформаторов. На российском политическом поле в 1905–1907 гг. появляются новые силы, отстаивающие интересы монархии, общерусского единства, права русского населения на национальных окраинах и православной церкви. Реформы П.А. Столыпина в начале XX в. выводят Белоруссию на авансцену политической жизни Российской империи. Российский премьер возлагал большие надежды на западнорусскую интеллигенцию, видя в ней естественного союзника для реализации своих масштабных планов: «Твердо верю, что свет русской национальной идеи, затеплившийся на русском западе, не погаснет, но скоро озарит всю Россию» [цит. по: Бок].

Реформы 1911–1912 гг. (введение земских учреждений в Западном крае, выделение Холмской губернии из Царства Польского, реформа избирательного законодательства по выборам в Государственную Думу) учитывали значение западнорусизма как актуальной общественно-политической идеологии. Однако эти преобразования не были доведены до конца. В 1914–1917 гг. старый мир, основанный на тысячелетней русской культурной традиции в Белой Руси, рухнул под ударами революции и мировой войны. И хотя дальнейшее разрешение вопроса «куда идет Русская земля» произошло без участия представителей западнорусизма, позитивное значение этого направления трудно переоценить. На протяжении десятилетий западнорусская идея выступала альтернативой польскому культурному проекту в Белоруссии, а в начале XX в. оставалась главным фактором, сдерживающим зарождающийся белорусский национализм.

Русская революция и Гражданская война оказались историческим водоразделом, за которым наступила эпоха, на время прервавшая естественное развитие западнорусской идеи. В условиях радикализации общества, ожесточенной политической борьбы, идеологического господства левых партий ниспровергались прежние авторитеты, а еще недавно уважаемые ученые оказывались врагами нового революционного порядка. Тем не менее в период между февралем и октябрём 1917-го идеи западнорусизма оказались востребованы в бурной общественно-политической жизни белорусских губерний. Именно тогда ему впервые пришлось вступить в столкновение с разрушительными идеологиями левых и националистических партий, отстаивая государственное единство России и традиции русской культуры на белорусской земле. Хотя исход этой борьбы был предрешен, она убедительно показала, что западнорусизм в начале XX в. выступал не только в роли элитарной идеологии местной интеллигенции, духовенства и чиновничества, но имел по-настоящему народный характер и получил широкое распространение в обществе.

После Февральской революции и свержения монархии в России на территории Минской, Могилевской и Витебской губерний началось формирование белорусских политических партий и организаций. Их программные установки и политическая практика отличались региональной спецификой, вызванной особенностями национального и конфессионального состава населения, сложившимися традициями политической жизни, близостью линии фронта и другими факторами. Белорусские организации, центры которых располагались в Минске, оказались наиболее подвержены влиянию революционных идей. Созданный здесь Белорусский национальный комитет (БНК) выступал за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе новой демократической России. Белорусские комитеты Могилевской губернии находились под влиянием западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево, следуя общим для 1917 г. «демократическим» трендам. В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация — Белорусский народный союз, близкая как западнорусизму, так и общерусским патриотическим силам [Лавринович Проекты решения...].

Консолидация белорусской интеллигенции, служащих, духовенства, учащейся молодежи раньше всего началась в Могилеве. 15 апреля 1917 г. здесь был создан Могилевский белорусский комитет, объединивший несколько сотен участников [Агееў, Пушкін, с. 20]. Среди авторов программы комитета выделялся видный белорусский историк Д.И. Довгяло. Могилевский белорусский комитет поставил себе задачу сплотить белорусское население Могилевской губернии для оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, настаивал на преобразовании России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание [Лавринович История... с. 133]. Позиция белорусских организаций Могилевской губернии в культурной и языковой областях формулировалась в духе западнорусизма. Например, Белорусский комитет в Орше допускал изучение белорусского языка в школе только после «его научной обработки» и по желанию местного населения. Приоритет в образовательной политике отдавался русскому языку [Рудовіч, с. 104].

В Витебской губернии западнорусская идея получила наиболее широкое распространение благодаря слабому проникновению католицизма, преобладанию русского языка и культуры. Важную роль здесь играли старообрядцы, выступавшие еще со времен революции 1905–1907 гг. как консервативная сила, ориентированная на поддержку центральных властей. В политической жизни губернии доминировали патриотические партии и организации: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа, Отечественный патриотический союз, Всероссийский национальный союз. Одним из крупнейших на западе империи был Витебский отдел «Союза 17 октября», в состав руководства которого в разное время входили известные общественные деятели, краеведы и историки: В.В. Богданович, А.П. Сапунов, В.К. Стукалич и другие [Лавринович Проекты решения...].

Наиболее четко позицию витебских октябристов по национальному вопросу обозначил А.П. Сапунов — известный историк, археолог и краевед, активный сторонник западнорусской идеи. К 1917 г. он был признанным специалистом по белорусской

истории, много лет работавшим в Витебском отделении Московского археологического института. В одной из своих краеведческих публикаций Сапунов отмечал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность — одна из основных народностей русского племени» [Сапунов Очерк... с. 28]. В то же время он поддерживал развитие у белорусов национального самосознания, полагая, что «упрочение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью» [Сапунов Белоруссия и белорусы, с. 1]. Развитие самобытных белорусских черт у местного населения не рассматривалось им как нечто противоположное идее русского единства.

Считая белорусский язык диалектом русского, А.П. Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.» [Там же, с. 16]. Тем самым историк опровергал мнения о неисторичности белорусов, подчеркивая наличие у них своей истории, своеобразной общественной и культурной жизни. «Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое, — писал А.П. Сапунов, имея в виду ВКЛ, — каково же будет наше будущее — это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной» [Там же, с. 20]. Витебские октябристы во главе с А.П. Сапуновым ратовали за объединение белорусов с целью создания силы, способной противостоять как сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей, так и автономистским тенденциям белорусских левых партий [Там же].

Белорусское движение в Витебске в феврале — октябре 1917 г. оказалось в наибольшей степени подвержено влиянию идей западнорусизма и было более консервативным, чем в Минской и Могилевской губерниях.

Так как после Февральской революции «Союз 17 октября» фактически прекратил свою деятельность, бывшие руководители его Витебского отдела в апреле — мае 1917 г. создали Белорусский народный союз (БНС). Будущее Белоруссии виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В программе союза отмечалось: «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов» [Лавринович Деятельность... с. 264].

Белорусский народный союз сосредоточил свои усилия на отстаивании интересов прежде всего православного белорусского населения и православной церкви. В июне 1917 г. БНС организовал в Витебске съезд представителей белорусских общественных организаций, в основном «западнорусской» направленности. Присутствовали де-

легаты петроградского Западно-Русского общества, гомельского Союза белорусской демократии, могилевского Белорусского комитета, московской Белорусской народной громады, православного духовенства и старообрядцев. Съезд принял декларацию в духе программы БНС, потребовав областного самоуправления для Белоруссии и осудив принцип национально-территориальной автономии как сепаратистский [Там же, с. 266].

В Гомеле в мае — июне 1917 г. был образован Союз белорусской демократии. Эта организация возникла под руководством белорусского политика П.В. Коронкевича, эвакуировавшегося из Вильно. Программа союза представляла собой, по сути, модернизированный вариант платформы сторонников «областного самоуправления». Исторические и политические взгляды Коронкевича отличались своеобразием и формулировались в русле западнорусской идеи. Положительно характеризовалось Великое княжество Литовское, давшее начало белорусской народности, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связывались полонизация элиты, религиозный и национальный гнет [Лавринович Проекты решения...]. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином «тутэйшыя»», — утверждал П.В. Коронкевич [Коронкевич, с. 5].

Важно отметить, что возрождение белорусов политик связывал с русской культурой и языком. «Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, [...] не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии со свободной Великой Россией», — писал П.В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидированные вокруг минского БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну «несокрушимую народность русскую». Подчеркивая значение русской культуры, политик утверждал, что А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие русские писатели должны рассматриваться как культурные деятели, общие для всех восточных славян [Коронкевич, с. 7].

В политической сфере Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Белоруссии с г. Вильно в качестве ее главного культурного центра, добивался самоуправления края в рамках демократической России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для поднятия авторитета союза его лидеры смогли заручиться поддержкой академика Е.Ф. Карского. Летом 1917 г. он одобрил программу союза, указав лишь на возможность применения белорусского языка в начальной школе, изучение его в средних и высших учебных заведениях Белоруссии. П.В. Коронкевич согласился с мнением академика, и в программу союза были внесены изменения [Лавринович Проекты решения...].

Белорусские общественные организации Витебска, Гомеля и Могилева отстаивали идею Учредительного собрания и активно проводили предвыборную агитацию. Их

целью было заручиться поддержкой широких народных масс, главным образом православного белорусского населения, не желавшего участвовать в национальных проектах радикального толка. Следует подчеркнуть, что идеи западнорусизма в этот период полностью соответствовали ментальности белорусского крестьянства, в основном и составлявшего к началу XX в. белорусский этнос. Радикальная белорусская интеллигенция, увлеченная борьбой с литовским и польским национальными проектами, после февраля 1917 г. не смогла завоевать популярность в крестьянской среде. Националистическая идеология, сформировавшаяся главным образом в Вильно и перенесенная на белорусскую почву, оказалась менее востребована, чем лозунги широких социальных преобразований. Тем не менее создать новую демократическую Белоруссию, основанную на общерусской культуре при сохранении политического единства с постреволюционной «свободной Россией», не удалось.

Разгон большевиками I Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. положил конец любым попыткам имплементации «западнорусской идеи», равно как и других идей умеренных белорусских политических партий и организаций.

Всебелорусский съезд, в работе которого приняли участие более 1800 делегатов, проходил в Минске 5–18 декабря 1917 г. По мысли организаторов, он должен был объединить усилия всех белорусских политических сил и создать в регионе «твердую краевую власть». Съезд продемонстрировал самый широкий спектр мнений — от полного отрицания белорусского вопроса до идеи федерации и широкого местного самоуправления. Белорусское крестьянство, представленное подавляющим большинством делегатов, выступило категорически против любых попыток «оторвать Белоруссию от России». В работе съезда участвовал академик Е.Ф. Карский. Наблюдая борьбу мнений относительно политического будущего Белоруссии, ученый открыто вступил в полемику с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным, разговор с которым по прямому проводу был зачитан на общем собрании съезда. Говоря о судьбе белорусского вопроса, Карский протестовал против предложенного Сталиным референдума как способа самоопределения, поскольку в большинстве белорусских регионов национальное самосознание у населения полностью отсутствовало. Академик совершенно справедливо полагал, что белорусы-католики при проведении такого референдума будут самоидентифицироваться как поляки, а общество в целом не готово к подобного рода экспериментам. Было ясно, что со стороны Совнаркома это была попытка привлечь белорусов самыми широкими обещаниями национальной свободы, «самоопределением вплоть до отделения», без выдачи каких-либо гарантий. Кроме того, академик обращал внимание на потенциальную опасность расположенных в Белоруссии польских национальных частей (1-й Польский корпус генерала Ю. Довбор-Мусницкого), которые, в отличие от большевиков, не утратили боеспособность и могли помешать свободному самоопределению на местах. Однако все его предупреждения остались без ответа.

После разгона съезда большевиками 18 декабря 1917 г. умеренные оппоненты советской власти автоматически перешли на нелегальное положение, что означало радикализацию сторон и используемых ими методов политической борьбы. Широкая

дорога открывалась для местного национализма, отвергнувшего идею автономии, а затем и федерации с Россией и провозгласившего 25 марта 1918 г. в Минске Белорусскую Народную Республику. Неудача этого проекта объяснялась отсутствием интереса к политическим формам белорусского национализма со стороны германских оккупационных властей, построивших на захваченных ими белорусских землях свой собственный военный режим. Народ Белоруссии в ходе этих событий фактически перестал быть субъектом политики. Общественные деятели, стоящие на консервативных белорусских позициях, были вынуждены либо изменить свои взгляды на более радикальные, либо покинуть политическое поле.

Поражение Германии и завершение мировой войны осенью 1918 г. возвратило инициативу в белорусском вопросе в руки большевиков. Западнорусизм исчез из политической повестки надолго, а при определении будущего Белоруссии в 1919–1921 гг. господствовали совсем другие идеологические установки и политические соображения. «Буферная республика», как определял в 1919 г. статус БССР В.И. Ленин, возникла в форме советской белорусской государственности [Короткова, с. 123]. Ее повторное провозглашение состоялось в июле 1920 г., в переломный момент Советско-Польской войны, по окончании которой территория Белоруссии оказалась разделена между РСФСР и Польской Республикой [Куницкий, Шумский, с. 194].

Тем не менее в период советско-польского конфликта западнорусизм получил уникальную возможность напомнить о своей важной роли в деле противостояния польской культурной экспансии. Хорошо известно, что большевики в это время активно привлекали к сотрудничеству «старых специалистов» дореволюционной школы, причем не только дипломатов и военных. По инициативе главы НКВД Г.В. Чичерина в работе Рижской мирной конференции принял участие ученик В.О. Ключевского, выдающийся историк М.К. Любавский, взгляды которого тесно смыкались с положениями западнорусской идеи. К началу 1920-х годов Любавский был признанным специалистом по истории белорусских и украинских земель в составе «Литовско-Русского государства» (так историк именовал ВКЛ). Последнее, по его мнению, было прямым продолжателем традиций Киевской Руси. Научные взгляды Любавского, отстаивавшего непрерывность русской культурной традиции на землях Белоруссии и Украины, в 1920 г. неожиданно приобрели практический смысл. После того как польская сторона в Риге выдвинула требование возвращения культурных ценностей, закрепленное в ст. IX мирного договора с РСФСР, М.К. Любавский вошел в состав совместной советско-польской комиссии по реституции, образованной в октябре 1920 г. [Гернович, с. 204]

Заметным явлением в работе конференции стала докладная записка М.К. Любавского «О положении русской исторической науки ввиду выделения архивов Польше» (1921). Историк удалось не только доказать необоснованность польских претензий и расширенного толкования польского культурного наследия, но и добиться практического результата, благоприятного для культурного наследия Белоруссии и России. Позиция М.К. Любавского заключалась в обосновании несправедливости статей Рижского мира, согласно которым наследие ВКЛ объявлялось культурным достоянием

Польской Республики. В докладной записке ученый указывал, что для отождествления архива с культурной ценностью государства необходимо руководствоваться принципом территориального происхождения. Исторические документы, созданные на территории Белоруссии, не могли быть польским культурным наследием, хотя и относились к эпохе Польско-Литовского государства. Практическим итогом деятельности М.К. Любавского явилась невыдача документов так называемой Литовской метрики (XV — XVIII вв.) польской стороне в процессе реализации Рижского мирного договора в 1921 г. Сегодня данные документы являются одним из важнейших источников по истории Белоруссии периода ВКЛ.

Эпизод с реституцией польских ценностей показал, что идея политического и культурного единства Западной Руси с остальной Россией в 1920–1921 гг. обрела практический смысл для советской стороны и позволила одержать важную тактическую победу в советско-польском историческом споре. В 1926 г. в том же ключе М.К. Любавский полемизировал с украинскими историками Д.И. Багалеем и В.А. Барвинским о возвращении архивов Украинской ССР. Этот конфликт, совпавший с процессами «национализации» советской науки, стал во многом предшественником современных споров о реституции.

В целом исторический опыт 1920-х годов оказался для советской науки достаточно плодотворным. Немногие уцелевшие историки-западнорусисты, на время забыв о политических разногласиях, встали на путь сотрудничества с советской властью. Благодаря их самоотверженному труду удалось сберечь немалую часть культурно-исторического наследия России и Белоруссии, организовать работу советских архивных учреждений, сохранить ценные источники белорусской и общерусской истории.

Однако за пределами вопросов организации архивного дела и реституции идеи западнорусизма в 1920-е годы не имели шанса на практическое воплощение. Историческая наука находилась под влиянием марксистской «школы М.Н. Покровского», прежние подходы российских историков были признаны безнадежно реакционными, а их авторы часто получали ярлык «великодержавных шовинистов».

Особенно сложным оказалось положение «патриарха» белорусоведения академика Е.Ф. Карского. После ареста органами ВЧК в Минске в 1919 г. историк был вынужден покинуть должность профессора в Минском педагогическом институте как специалист с «неблагополучной политической физиономией». С 1921 г. Е.Ф. Карский работал в Петрограде, где в этом же году была опубликована вторая часть третьего тома его фундаментального труда «Белорусы. (Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность)». В этом издании содержался обзор самобытной западнорусской литературы, существовавшей в Белой Руси с момента зарождения ярких особенностей ее языка и культуры. В работе рассматривались религиозные и светские литературные памятники, сочинения исторического содержания, поэтические произведения. Автор давал характеристику западнорусских летописей, мемуаров, памятников юридического характера, стихотворчества, особенно уделяя внимание полемике с латинством и полонизмом [Карский].

В 1920-е годы продолжился научный спор академика Е.Ф. Карского с представителями белорусского национализма. Актуальность этого спора определялась тем, что перешедшие на «советскую платформу» представители белорусского национального движения заняли лидирующие позиции в Наркомпросе БССР, Белорусском государственном университете и Белорусской Академии наук. С 1923 г. в Белоруссии проводилась активная кампания по «белорусизации», осуществляемая в рамках общей для СССР политики «коренизации» государственного аппарата, культуры и образования в национальных республиках. В этих условиях достаточно смелым шагом стала рецензия Е.Ф. Карского на работу В.У. Ластовского «История белорусской книги» (1926), опубликованная в немецком научном журнале. Подвергнув разгромной критике «кривичскую концепцию» родоначальника белорусского мифа В.У. Ластовского, Карский указывал на недопустимость «удревнения» белорусской истории и отождествления кривичей с современными белорусами. «Допущенные автором ошибки, — отмечал академик, — произошли больше вследствие ложного основания, на которое он опирался, имея в виду возвеличить свою страну и ее культуру в прошлом, доказать, что по богатству своих памятников она занимает первое место в восточном славянстве» [Рецензия, с. 105]. Е.Ф. Карский приходил к выводу, что работа Ластовского представляет собой «кустарное производство не специалиста, вышедшее из рук лица, владеющего обширным материалом, но не умеющего использовать его рационально» [Там же].

Историк критически оценивал весь опыт белорусизации в БССР середины 1920-х годов. В отчете о научной командировке в Чехословакию и Югославию (через Польшу) в 1926 г. Е.Ф. Карский не только осмелился назвать Львов «старым русским городом», но и дал негативную оценку последствий белорусизации в Минске и других белорусских городах. По словам ученого, в белорусской столице «все говорят обыкновенно на русском союзном государственном языке, что и естественно для лиц, воспитанных на общерусской культуре». В государственных же учреждениях шла усиленная белорусизация и уже был назначен последний срок, когда все служащие, не перешедшие на белорусский язык, подлежали увольнению. Нерациональность советской языковой политики в БССР была для Карского очевидна, т.к. проводимые советской властью мероприятия фактически тормозили государственное и культурное развитие республики. Ученый задавался вопросом: «Можно ли насильно заставить лиц, воспитанных в русской культуре, прекрасно знающих русский литературный язык и хорошо понимающих народный белорусский язык, изучить новые термины, созданные искусственно, больше в подражание польским, только бы они отличались от русских! А ведь эти лица, выбрасываемые из своей родины за пределы Белоруссии, хорошие работники. Напрасно их запугивают названием черносотенцев: они так же преданы интересам государства и родины, а иногда еще и более, чем лица, говорящие по принуждению по-белорусски» [Из отчета о командировке... с. 98].

Развивая свою мысль, академик проводил параллель между действиями советских властей и планами Юзефа Пилсудского и его соратников, в том числе главного «специалиста» по белорусскому вопросу Леона Василевского, в 1920 г. Именно тогда создание независимой и культурно отличной от России Белоруссии составляло основу сотруд-

ничества польских оккупационных властей и белорусского национализма. Надежды последнего «жить счастливо» (без России) и убеждение, что «белорус пойдет рука об руку с тем, кто в наиболее решающую минуту окажет ему помощь», оказывались, по мнению Е.Ф. Карского, опасными проявлениями местного сепаратизма [Там же].

Критические замечания Е.Ф. Карского — ученого дореволюционной формации с мировым именем, основанные на исторических фактах, не могли остаться без ответа со стороны официальной советской науки. Его дальнейшая деятельность в рамках советских академических учреждений оказалась невозможной. После увольнения Карского с поста директора Музея антропологии и этнографии в 1929 г. последовали репрессии в рамках «академического дела», фактически покончившие с западнорусизмом как актуальным направлением научной и общественной мысли.

Национальный миф и его авторы

Особенностью становления белорусской национальной идеи было сравнительно позднее ее оформление и проникновение в общественную и интеллектуальную жизнь Северо-Западного края. Местная радикальная интеллигенция достаточно долго находилась под влиянием польской культурной среды и разделяла польское самосознание. Представления о белорусском народе как об одном из «трех русских народов» вызревали медленно и поначалу зависели от достижений общерусской науки в области истории, этнографии и филологии.

В отличие от украинской национальной идеи, впервые сформулированной деятелями Кирилло-Мефодиевского братства в Киеве (1846–1847 гг.), белорусская идея с трудом пробивала себе дорогу среди местной полонизированной шляхты, духовенства и разночинцев. Не стала преимуществом белорусской идеи и ее несомненная связь с украинским национальным проектом, хотя в дальнейшем представители обоих течений часто рассматривали друг друга в качестве союзников.

Так, Н.И. Костомаров, один из основателей Кирилло-Мефодиевского братства, в 1861 г. опубликовал в Санкт-Петербурге в журнале «Основа» программную статью под символическим названием «Две русские народности». В ней ученый сформулировал свой взгляд на различия между великорусской и «южнорусской» (малорусской) народностями, признав за ними и определенные «начала единства». «Федерализм» Костомарова едва ли мог выступать в качестве теоретической базы для белорусской национальной идеи: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть их откроется и более, и тем не менее они — русские» [Костомаров, Две русские народности, с. 33].

В умах малорусской интеллигенции середины XIX в. господствовали представления, согласно которым белорусы были лишь одной из этнографических групп русского народа, хотя и со своими особенностями.

Соратник Костомарова по Кирилло-Мефодиевскому братству П.А. Кулиш (1819–1897) спустя годы после основания этого тайного общества написал стихотворение «Национальный идеал». В нем известный историк, поэт и этнограф, создатель украинского алфавита пересмотрел радикальные взгляды своей молодости. Заняв общеимперские позиции, Кулиш призывал к созданию союза «трех братских народов» под властью российского императора:

- «Топімо ж у Дьніпрі ненависть братьню дику,
- Спорудьмо втрех одну імперію велику,
- И духом трех братів освячений диктатор,
- Нехай дає нам лад свободи імператор» [Кулиш].

Под «третьим» славянским народом Кулиш подразумевал исключительно поляков, белорусский элемент в его архитектуре славянского братства не упоминался.

Филолог, фольклорист и историк М.А. Максимович (1804–1873) неоднократно обращался к теме Белоруссии в своих работах. В книге «Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским» (Киев, 1837) ученый дал следующую характеристику «русских славян»: «между восточными или Русскими Словенами я различаю: 1. Руссов северных, к коим принадлежат Велико-руссы или собственно так называемые Русские и Белоруссы. 2. Руссов Южных или Украина-Галицких» [Максимович]. Нетрудно заметить, что такая классификация почти полностью совпадала с позднейшей концепцией «двух русских народностей» Н.И. Костомарова.

В то же время вклад российских историков (включая выходцев из малорусской среды) в зарождение белорусского национального мифа не следует недооценивать.

Н.И. Костомаров оказался у истоков «племенной концепции», установив связь между славянскими племенами эпохи Нестора и результатами позднейших этноязыковых процессов на территории Малой и Белой Руси. По мнению историка, различия великорусов и малорусов были унаследованы ими от разных групп славянских племен («княжений»), упомянутых в «Повести временных лет». Предками белорусов, согласно схеме Костомарова, являлись летописные кривичи, а их этнографические особенности объяснялись ученым довольно просто: «Где были кривичи, там ныне белорусы» [Костомаров, Исторические монографии..., с. 29].

В отличие от Н.И. Костомарова, М.А. Максимович выдвигал несколько иную версию. Согласно его данным, древнее имя кривичей унаследовали не белорусы, а русские: «Так Латыши называют Кревами не одних Белоруссов, но и всех Русских, потому что Кривичи, были к ним ближайшие» [Максимович]. Это верное замечание историка подтверждают и современные исследования. В современном латышском языке «русский» до сих пор обозначается словом «Krievu», а «Россия» — «Krievija». В языке латгальцев, ближайших соседей белорусов, «русские» — «Kriivi», что говорит о более широком историческом наследии кривичей, далеко выходящем за рамки белорусской эт-

нической территории [Жих, с. 10; Иванов, с. 426]. Что же касается Н.И. Костомарова, его можно считать одним из предшественников «кривичской концепции», популярной в белорусской историографии 1920-х годов.

Различия взглядов Костомарова с будущими националистическими концепциями также хорошо заметны. Под белорусами историк понимал только жителей той территории, которая в первой половине XIX в. называлась «Белой Русью»: Витебская и Могилевская губернии вместе с западными районами Смоленщины. Эти земли действительно были близки к территории расселения кривичей согласно «Повести временных лет» [Носевич, Белорусы..., с.11]. Последователи идей Костомарова в начале XX в. расширили понятие «Белоруссия», включив в него территории, расположенные к югу и юго-западу от зоны расселения кривичей, в частности, Полесье.

Не менее важными оказались взгляды российских ученых на языковые особенности белорусов. М.А. Максимович в своей «Истории древней Российской словесности» (Киев, 1839) утверждал, что белорусское наречие — самостоятельный язык, который занимает «середину» между великорусским и малорусским наречиями. Эту точку зрения позднее оспаривал академик Евфимий Карский [Карский, т. 1, с. 209].

Наиболее разработанную версию происхождения белорусов выдвинул на рубеже XX в. А.А. Шахматов. Ученый признавал разделение племен «Повести временных лет» на три группы говоров (северную, среднюю и южную), причем эти группы испытали нивелирующее взаимовлияние в эпоху Киевской Руси [Носевич, Белорусы..., с. 12]. Формирование восточнославянских народов, согласно Шахматову, состоялось в более позднюю эпоху, после нашествия монголов в XIII в., в рамках новых государств — Московского и Литовского. В частности, белорусская народность сложилась на базе западной ветви среднерусской группы говоров благодаря политической изоляции от восточных и северных говоров, эволюционировавших в направлении русского языка [Шахматов, с. 324]. Шахматов установил, что границы между белорусскими и малорусскими (а также среднерусскими) говорами совпадали с границами феодальных княжеств XIII–XIV вв., подчеркнув тем самым роль политического фактора в формировании белорусов.

Теоретические изыскания российских ученых, изучавших малорусскую и белорусскую национальную самобытность в конце XIX в., стали базой для деятелей белорусского национального движения.

Впервые идея самостоятельности белорусского народа была выдвинута народнической группой «Гомон», действовавшей среди белорусских студентов в Санкт-Петербурге в 1880-е годы и находившейся под определенным влиянием аналогичных украинских групп. Эту нелегальную организацию, выпускавшую одноименный журнал, возглавил А. Марченко, близкий друг И.И. Гриневицкого, уроженца Минской губернии, убившего императора Александра II.

Народничество в этот период оказалось одним из самых популярных направлений оппозиционной общественной мысли в Российской империи. Идеологически оно основывалось на теории аграрного социализма, разработанной А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским. Народническое движение в белорусских губерниях было идейно и организационно связано с общероссийским, а создатели «Гомона» претендовали на роль руководящего центра для подобных организаций Северо-Западного края. Среди известных российских народников 1870-х годов многие были уроженцами белорусских губерний (Н.К. Судзиловский, И.И. Гриневицкий, Г.П. Исаев, Е.К. Брешко-Брешковская, А.О. Бонч-Осмоловский).

Политическим идеалом участников «Гомона» была новая республиканская Россия, свободная от «социального и национального угнетения», построенная на основе федерации равноправных автономных областей. В первом номере журнала «Гомон», вышедшем в 1884 г., его авторы утверждали: «Мы — белорусы и должны бороться за местные интересы белорусского народа и федеративную автономию страны. Мы — революционеры, потому что, разделяя программу борьбы «Народной воли», считаем необходимым принять участие в этой борьбе; мы — социалисты, ибо нашей главной целью является экономическое улучшение страны на основе научного социализма» [Гомон]. Пределом мечтаний участников группы была автономия Белоруссии («Северо-Западного края») в составе будущей Российской республики.

«Украинский след» в идеологии «Гомона» прослеживается в идее федеративного устройства будущего государства, заимствованной из работ историка М.П. Драгоманова (1841–1895). В дальнейшем между украинской и белорусской национальными идеями обнаруживается немало общего.

Подобно украинской, белорусская интеллигенция, утверждавшая идею национальной самобытности белорусов, в начале XX в. все чаще обращается к истории для более прочного обоснования своих взглядов. Необычную интерпретацию белорусской истории в 1910-е годы предложил деятель белорусского национального движения В.У. Ластовский (1883–1938). Его идеи интересны как пример эволюции «племенной концепции» Н.И. Костомарова. Уже в X в., утверждал Ластовский, белорусы представляли собой полностью сформировавшийся народ, который выступает в источниках под именем «кривичи». Что же касается других племен «Повести временных лет» (дреговичи, древляне, радимичи, вятичи), то они, согласно Ластовскому, представляли собой отдельные ветви единого «кривского племени». Таким способом В.У. Ластовский уходил от противоречия с данными этнографии, по которым летописные кривичи занимали лишь часть белорусской этнической территории. Именно племенные особенности были, по его мнению, ключевыми в образовании белорусского («кривского») народа, а все вторичные воздействия (вхождение в состав Руси, принятие христианства, литовское, а затем польское и российское владычество) лишь размывали чистоту древнего этноса, которую надлежит, по мере возможности, сохранить и возродить.

Взгляды Вацлава Ластовского на историю белорусского народа трудно назвать научными. Не имея систематического исторического образования, он впервые попытался изложить свою концепцию в брошюре «Кароткая гісторыя Беларусі», изданной в 1910 г. в Вильно под псевдонимом «Власт». Эту работу можно считать, с некоторыми оговорками, первым опытом белорусской национальной историографии [Носевич, Проблемы образования..., с. 39]. В ней Ластовский некритически воспринял генеалогические легенды и хроники XVI в., разбавляя их собственными домыслами наряду с достоверными фактами [Там же]. Автор попытался установить связь между древним Полоцким княжеством и формированием Великого княжества Литовского для обоснования «премущественности» белорусской истории.

По мнению Ластовского, уже в XII в. на престоле в Полоцке появляются литовские князья. А «в 1230 г. литовский князь Рингольд напал на белорусские земли и завоевал их». Основатель Литовского княжества Миндовг объявляется сыном и законным наследником Рингольда. Тем не менее, «когда Миндовг сел на великокняжеском престоле в Новогрудке и укрепился в землях Смоленской, Витебской, Друцкой, тогда и Полоцкое княжество с Витебском и другими уделами потеряли свою независимость». Общий характер формирования государственности на белорусских и литовских землях, согласно Ластовскому, выглядел так: «Мало-помалу из Белорусских земель сложилось новое государство — княжество Литовско-Русское. Литовские князья, укрепившись сперва в Полоцке, принимали христианство и роднились с Белорусскими и Южно-Русскими князьями» [Ластоўскі, Кароткая гісторыя Беларусі, с. 13–17].

В окончательном виде историческая концепция Ластовского была сформулирована в предисловии к изданному им в 1924 г. «Подручному русско-кривскому (белорусскому) словарю». Отметим, что В.У. Ластовский очень долго не мог определиться с собственной самоидентификацией и в качестве названия белорусов предлагал использовать термин «кривичи», как исторически более верный для белорусской территории. Но этот вариант не встретил поддержки его коллег. Политически нейтральный термин «белорусы», введенный оппонентами В.У. Ластовского — историками и этнографами «западнорусской» школы, надолго закрепился за населением Белой Руси.

После революционных потрясений 1917–1920 гг. белорусская национальная идея вступила в новую фазу. За неудачной попыткой провозглашения белорусской государственности в форме БНР в марте 1918 г. последовал более удачный опыт советской белорусской государственности. Значительная часть деятелей белорусского национального движения после окончания Советско-польской войны признала советскую власть и активно сотрудничала с ней для строительства новой Белоруссии. Это позволило завершить институциональное оформление белорусской исторической школы. Ее становление относится к началу 1920-х годов, когда под контролем советской власти на восточной части белорусских земель была образована БССР. Наиболее видными представителями национальной школы стали историки В.М. Игнатовский (1881–1931), М.В. Довнар-Запольский (1867–1934) и В.И. Пичета (1878–1947).

Нарком просвещения БССР Всеволод Игнатовский по праву считается основоположником белорусской национальной историографии. Первый руководитель Института белорусской культуры, а впоследствии — президент Белорусской академии наук и директор Института истории АН БССР отстаивал достаточно радикальную версию белорусского прошлого. Ученый впервые сформулировал свои взгляды в популярной книге «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», написанной в 1919 г. Эта работа позднее неоднократно переиздавалась. На протяжении 1920-х годов «Краткий очерк» Игнатовского играл роль школьного учебника истории и способствовал трансляции научных представлений ученого в массы. Именно В.М. Игнатовскому принадлежит идея разделения истории Беларуси на 5 периодов:

1. Полоцкий период (IX–XII вв.);
2. Период Великого княжества Литовского (XIII–XVI вв.);
3. Польский период (XVI–XVIII вв.);
4. Российский период (XVIII–XX вв.);
5. Советский период (с 1917 г.).

Схема Игнатовского была принята большинством коллег историка, разделялась представителями зарубежной национальной историографии и до сих пор представлена в белорусских школьных учебниках.

Игнатовский оказался у истоков создания «литвинской концепции», одним из первых указав на «белорусский» характер Великого княжества Литовского. По мнению историка, народ «литвинов» имел балтское происхождение, а в ВКЛ были представлены как славянский, так и балтский элементы. Последний сыграл важную роль в формировании ВКЛ, когда литовский князь Миндовг, «пользуясь тем общим переполохом, который произвели на Руси татары, [...] захватывает так называемую Черную Русь». Историк подчеркивал, что «таким способом Миндовг создал государство, которое с самого начала было не просто литовским, а литовско-белорусским» [Ігнатоўскі, с. 73]. «Единство и согласие между литовским и русским элементами государства зависели от того, что Литовско-Белорусское государство было построено больше путем согласия, чем путем угнетения и войны», — утверждал Игнатовский [Там же, с.81].

Таким образом, в отличие от дореволюционных исследователей, Игнатовский именвал ВКЛ «Литовско-Белорусским» государством, активно использовал термины «белорусские князья» и «белорусские земли».

Первый ректор Белорусского государственного университета В.И. Пичета придерживался более осторожных взглядов на белорусскую историю. Его идеи были впервые высказаны в двух работах: «История Литовского государства до Люблинской унии» (1921) и «Гісторыя Беларусі» (1924). Согласно взгляду В.И. Пичеты (уроженца Полтавы, публиковавшего свои работы на белорусском языке), Полоцкое княжество не рассматривается как отдельный период белорусской истории. Белорусский язык сформировался лишь в XIV в. в рамках Великого княжества Литовского. Автор утверждал, что ВКЛ было «Литовским государством», включавшим в себя и белорусские земли. С дру-

гой стороны, древний Смоленск, по мнению историка, являлся «главным очагом белорусского просвещения», а его жители разговаривали на «смоленско-полоцком диалекте» [Пічэта, с. 99]. Это еще более запутывало и без того сложную картину этногенеза белорусов.

Пичета основывался на трудах своего учителя, бывшего ректора Московского университета М.К. Любавского (1860–1936) — признанного специалиста по истории Великого княжества Литовского и одного из авторов трактовки ВКЛ как «Литовско-Русского государства». Однако термин «русский» в 1920-е годы прочно ассоциировался с дореволюционной Россией и упреками в «великодержавном шовинизме», что делало его применение нежелательным в научных публикациях.

Одной из первых попыток изложить научные представления о зарождении государственности Белоруссии можно считать работу М.В. Довнар-Запольского «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» изданную в 1919 г. У автора была вполне конкретная цель — дать обоснование попыткам провозгласить Белорусскую Народную Республику, принятым в 1918 г., и добиться ее международного признания. Ученик «патриарха» украинской историографии В.Б. Антоновича и профессор Киевского университета, Довнар-Запольский к 1919 г. был признанным ученым, хотя белорусская тема не была основной в его исследованиях. По мнению современных белорусских историков, научные взгляды Довнар-Запольского сформировались под влиянием идей его коллеги М.С. Грушевского — автора концепции «украинско-русской народности», который неоднократно подчеркивал роль восточнославянского компонента в истории ВКЛ [Носевич, Проблемы образования..., с. 39].

В своей работе Довнар-Запольский выдвинул теорию древней белорусской государственности, представленной Полоцким и Туровским княжествами, а позднее Великим княжеством Литовским. Образование государства на белорусских землях, согласно Довнар-Запольскому, произошло ненасильственным, мирным путем, что наводило на важную мысль о культурно-исторических различиях белорусов и их соседей: «Когда Литва подчиняла себе белорусские княжества, то на ее стороне была военная сила. Но литовцы и соседние белорусские княжества были хорошо знакомы друг с другом в результате прежних отношений. Отношения эти были больше мирного характера, чем враждебного. Поэтому русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые брали под свою охрану от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. [...] В результате литовцы появились не как завоеватели, а как элемент, который вносил определенный прочный правопорядок в народную жизнь. Само объединение Литвы и Руси являлось результатом не завоевания, но добровольного подчинения белорусских областей Литве» [Доўнар-Запольскі, с. 9].

Говоря о ранней белорусской истории, ученый значительно расширил представление В.У. Ластовского о предках белорусов. Белорусский этнос, согласно Довнар-Запольскому, сформировался не только на основе кривичей, но и соседних славянских племен — дреговичей и радимичей. Позднее их этнические особенности привели

к возникновению феномена белорусов как отдельного восточнославянского народа, обладавшего «суверенными правами» и государственностью [Там же, с. 8–9].

Теория Довнар-Запольского (так называемая кривичско-дреговичско-радимичская концепция формирования белорусской нации) была популярна в ранние годы становления советской Белоруссии. Идеи ученого временно потеряли актуальность в 1930–1940-е годы в связи с возникновением концепции «древнерусской народности», но после распада СССР вновь были востребованы белорусской национальной историографией.

В 1929 г. в Минске была опубликована книга основоположника белорусского национального дискурса А.И. Цвикевича «Западнорусизм. Очерки из истории общественной мысли в Беларуси в XIX и начале XX века». Именно в этой работе впервые содержалась попытка дать определение западнорусской идее и подобрать для нее подходящее название. Может показаться странным, но термин «западнорусизм» первыми применили его идеологические противники. С помощью новой наукообразной политической терминологии Цвикевич публично информировал советские органы, что «западнорусисты», то есть белорусы, обладающие русским самосознанием, не являются подлинными белорусами. Более того, русское самосознание делало их внутренними врагами «белорусской нации», а следовательно, и советской власти, которая в данный период активно конструировала эту нацию с помощью политики белорусизации. Уже тогда в нарождавшемся дискурсе белорусского национализма, действующего в советских формах, белорусы представляли как народ, принципиально отличный от русских в историческом, этническом и культурном отношении. Весьма сходными с практикой современного национализма были и методы Цвикевича: в публичной форме поставить перед властью вопрос об опасности идеологии своих противников и расправиться с ними, не прибегая к академической дискуссии.

По утверждению А.И. Цвикевича, под «западнорусизмом» следует понимать течение в истории белорусской общественной мысли, в соответствии с которым Белоруссия не является страной с особой национальной культурой и не имеет в связи с этим права на самостоятельное культурное и политическое развитие. Белоруссия культурно и государственно составляет часть России и поэтому должна рассматриваться как один из ее составных элементов. «Представители этого течения стремились доказать, что Белоруссия, или «Западная Россия», нераздельно связана с целым — «единой великой Россией» и что белорусы как одно из славянских племен органично входят в состав «единого русского народа», — утверждал автор [Цвiкeвiч, с. 7].

Это определение стало базовым для белорусских историографии и публицистики, в той или иной степени выступавших с критикой западнорусизма. По мнению современного белорусского историка А.Ю. Бендина, данное определение ни в коей мере нельзя считать научным. А.И. Цвикевич представил лишь ангажированную критику «западнорусской идеологии», исходя из априорного представления о безусловном преимуществе национального самоопределения и отдельной белорусской государственности [Бендин]. Абсолютно неверным представляется суждение Цвикевича о за-

паднорусизме как идеологии, отрицающей культурную уникальность белорусов. Самобытность белорусской культуры, историчность белорусов как народа многократно подчеркивались ведущими сторонниками западнорусской идеи, в том числе М.О. Кояловичем, Е.Ф. Карским, Е.Р. Романовым, А.П. Сапуновым и др. Более того, собранный этими учеными богатый исторический и этнографический материал в начале XX столетия лег в основу белорусского национального мифа¹.

Нациецентризм Цвикевича стал единственной оптикой, доступной автору при анализе западнорусской идеи. Подобные достаточно распространенные в его время взгляды были проявлением наивного идеализма белорусской интеллигенции и в дальнейшем не нашли своего воплощения в истории [Там же]. Физическое уничтожение последних представителей западнорусизма в 1930-е годы сопровождалось не менее масштабными репрессиями в отношении белорусских «буржуазных националистов», что оказалось весьма символическим ответом на взгляды А.И. Цвикевича. Очевидным победителем из этой борьбы вышла советская власть. Расправившись при поддержке националистов с историками «старой школы», она немедленно дезавуировала свою предыдущую национальную политику. Тем самым власть расчищала дорогу для новых версий белорусского прошлого, основанных на марксистской методологии и популярных в 1930-е классовых теориях. В эпоху «большого перелома» прежний националистический/революционный дискурс исчезает из актуальной исторической повестки. Западнорусизм, наряду с «буржуазным национализмом», вытесняется в область нежелательных общественно-политических идеологий и сохраняет этот статус до рубежа 1980–1990-х годов.

Литература

Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 2.

Аверьянов Ю.Г. Белорусы — «Народ Росейски». (О традициях общерусского этнического самосознания у белорусов). URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/156-l-r-11.html (дата обращения: 29.03.2021).

Агееў А.Р., Пушкін І.А. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917–1918 гг). Магілёў. 2017.

Аристов Н.Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855–1880) // Исторический Вестник. 1880. Т. 1. № 4. С. 665–680.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Мн. 2002.

Белозорович В.А. Концепция истории Беларуси в обобщающих научных трудах 1920-х гг. // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. Мн. 2018. С. 49–53.

Бендин А.Ю. Белорусские националисты и «западнорусизм»: опыт взаимоотношений. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/1086-belorusskie-natsionalisty-i-zapadnorusizm-opyt-vzaimootnoshenij.html# (дата обращения: 29.03.2021).

1 Основатель белорусской национальной школы В.У. Ластовский указывал «Чтения по истории Западной России» М.О. Кояловича в числе двух десятков русских, польских и украинских изданий, на которых основана его «Краткая история Белоруссии», опубликованная в 1910 г.

- Бок фон М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М. 2007. URL: statehistory.ru/books/Mariya-Bok-_Vospominaniya-o-moyem-ottse-P-A-Stolypine/ (дата обращения: 29.03.2021).
- Гернович Т.Д.* Роль М.К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнавство і спецыяльныя гістатычныя дысцыпліны. 2012. С. 204–209.
- Головач В.М.* Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза // Россия и современный мир. 2016.
- Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение. № 1. 1884.
- Григорьев Д.В.* Религиозная ситуация и подготовка конвокационного сейма в период междуцарствия 1632 года. // Вестник Башкирского университета. 2005. С. 76–78.
- Диариуш берестейского игумена Афанасия Филипповича* // Русская историческая библиотека. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб. 1878. Столбцы 49–156.
- Доўнар-Запольскі М.В.* Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Мн. 1994.
- Евангелие учительное. Перевод М. Смотрицкого. Евье. 1616. URL: search.rsl.ru/ru/record/01008116984
- Жух М.И.* К вопросу об этнической принадлежности кривичей // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия гуманитарные науки. 2013. № 1 (8). С. 8–17.
- Заблоцкая М.В.* Идеи «западноруссизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX — начале XX века // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов [и др.]. М. 2012. Т. XII. С. 157–177.
- Записки Иосифа, митрополита Литовского.* Т. 1. СПб. 1883. URL: zapadrus.su/bibli/istfbid/107-2010-08-26-19-29-04.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М. 2000.
- Иванова Г.О. М.О. Коялович и И.С. Аксаков о проблеме Западной России* // Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. URL: aksakov.info/index.php?id=237 (дата обращения: 29.03.2021).
- Из «Отчета о командировке с научной целью за границу на летние месяцы академика Е.Ф. Карского» // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. № 6–7. С. 98–100.
- Ігнатоўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн. 1991.
- Карев Д.В.* Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. (старые проблемы и поиски новых решений) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Минск. 2004. С. 154–157.
- Карев Д.В.* Россия в исторической мысли и историографической традиции Беларуси конца XIX — начала XXI в. // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского. Брянск. 2010. С. 161–166.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава. 1903.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. II. Язык белорусского племени. Варшава. 1908.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. Старая западнорусская литература. Петроград. 1921.
- Карский Е.Ф.* Рецензия на книгу В. Ластовского «История белорусской книги» // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. № 6–7. С. 101–105.

- Киевский Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского Народа и первоначальных князьях Богоспасаемого града Киева. Киев. 1823. URL: azbyka.ru/otechnik/books/file/26952-Киевский-Синописис.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
- Кольцов М.Е. И академик и герой // Правда. 1927. 13 мая. № 106 (3638).
- Коронкевич П.В. Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза). Гомель. 1917.
- Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. Диссертация кандидата исторических наук. М. 2015.
- Костомаров Н.И. Две русские народности (Письмо редактору) // Основа. СПб. 1861. № 3. С. 33–80.
- Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб. 1872.
- Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб. 1893. URL: prlib.ru/item/416937 (дата обращения: 29.03.2021).
- Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб. 1884.
- Куницкий В.В., Шумский Ф.А. К вопросу о провозглашении ССРБ 31 июля 1920 г. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VIII Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 декабря 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. Минск. 2015.
- Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев. 2015.
- Лавринович Д.С. История либерального движения в Беларуси начала XX века. Могилев. 2011.
- Лавринович Д.С. Проекты решения белорусского вопроса в годы Первой мировой войны. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/2213-proekty-resheniya-beloruskogo-voprosa-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Ластоўскі В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн. 1992.
- Ластоўскі В.Ю. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна. 1924.
- Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство — общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. N 2 (39). С. 97–111.
- Лукашенко: Беларусь пережила непростой период в своей новейшей истории без катастроф и потерь. URL: belta.by/president/view/lukashenko-belarus-perezhila-neprosto-j-period-v-svoej-novejshej-istorii-bez-katastrof-i-poter-108882-2012 (дата обращения: 29.03.2021).
- Лысенко Н. М.О. Коялович и Санкт-Петербургская школа церковной историографии Западной России // Христианское чтение. 2002. №21. С.3–20.
- Максимович М.А. Об употреблении названий «Россия» и «Малороссия» в Западной Руси // Собрание сочинений М.А. Максимовича. Т. II. Киев. 1877. С. 307–311.
- Максимович М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев. 1837. URL: prlib.ru/item/435135 (дата обращения: 29.03.2021).
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. М. 2012. С. 7–33.
- Носевич В.Л. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // Белоруссия и Россия: общества и государства. М. 1998. С. 11–30.

- Носевич В.Л. Проблемы образования Великого княжества Литовского: обзор белорусской историографии // *Lietuvos istorijos studijos*. Т. 22. 2008. Р. 39–57.
- Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мн. 2005.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб. 1843.
- Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб. 1882.
- Решетов А.М. Из архива академика Е.Ф. Карского // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. 1997. № 6–7. С. 88–91.
- Риттих А.Ф. Приложение к материалам, для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская. СПб. 1864.
- Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Минск. 2001.
- Самбук С.И. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. Мн. 1976.
- Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. Витебск. 1910.
- Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск. 1910.
- Смотрицкий М.Г. Грамматика. М. Печатный двор. 1648. URL: prlib.ru/item/330275 (дата обращения: 29.03.2021).
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб. 1887.
- Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22–24 мая 2001 г.). В 2 ч. Ч. 1, кн. 2 / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры; отв. ред. и сост. А. Ю. Бендин. Мн. 2002.
- Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // *Вопросы языкознания*. М. 1990. № 2. С. 122–139.
- Фролов И.А. Историография развития исторической науки в Республике Беларусь на современном этапе. // *Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской науки; материалы Международной научной конференции*. Мн. 2012. С. 682–687.
- Хотеев А. Взгляды Е.Ф. Карского на белорусский язык и культуру. URL: zapadrus.su/zaprus/strbel/304-2011-03-28-18-14-13.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Цьвікевіч А. Западнорусізм. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн. 1993.
- Черепица В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно. 1998.
- Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // *Журнал министерства народного просвещения*. Апрель, 1899. С. 324–384.
- Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собр. и привед. в порядок П.В. Шейном. Т. 1. СПб. 1887. URL: prlib.ru/item/874097 (дата обращения: 29.03.2021).
- Шимов В.В. Русь, идущая на запад // Доклад на первой конференции памяти Игоря Вацловича Оржеховского. — URL: zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/2012-05-02-16-44-55/609-l-r121.html (дата обращения: 29.03.2021).

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-66-79

УДК 93; 94

Антон Крутиков

Концепции истории Белоруссии. II. «Русский мир», «литвинизм», «Белорусская цивилизация»

Аннотация. На рубеже 1990-х годов Беларусь получила уникальный шанс возродить западнорусизм в качестве новой национальной идеи, основанной на многовековой культурной общности трех братских славянских народов. Однако быстрые изменения в исторической политике белорусского руководства привели к диффузии националистических концепций прошлого в историческую науку и официальную риторику. Выдвинутые президентом А. Лукашенко тезисы о «Белорусской цивилизации» были достаточно быстро отражены в официальной белорусской историографии. При этом символы сегодняшнего белорусского протестного движения — Т. Костюшко и К. Калиновский были внедрены в общественное сознание не внешними силами, а белорусскими учебниками.

Ключевые слова: Белоруссия, белорусская историография, исторические концепции, западнорусизм, белорусский национализм, литвинизм.

После распада СССР и возникновения независимой Беларуси политический контекст повлиял не только на рождение новых, альтернативных версий белорусского прошлого, но и на трактовку наиболее значимых достижений белорусской исторической науки. К таковым относились решения проблем этногенеза белорусов, специфики белорусской государственности и форм ее проявления в различные исторические периоды, а также эволюции белорусской культуры на протяжении столетий [Карев Белорусская историография, с. 154]. Независимая Беларусь была заинтересована в более прочном обосновании «исторической правомерности» существования белорусского государства, и здесь исторические концепции выполняли важную инструментальную функцию. В новых условиях востребованными оказались все три основные модели белорусского прошлого (советская, национальная и дореволюционная), а их причудливое сочетание в исторической политике стало заметным явлением общественной жизни.

Начиная с середины 1990-х годов политическое руководство Беларуси не раз демонстрировало примеры прагматичного отношения к собственной истории. Ключевые этапы развития исторической науки в республике имели непосредственную связь с важнейшими общественно-политическими процессами. Ряд современных исследователей дали этому объяснение, предложив собственные версии развития и периоди-

Сведения об авторе: Крутиков Антон Алексеевич — историк, эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorz1000@gmail.com.

зации новейшей белорусской историографии [Дворниченко, Кудрявцева, с. 939; Карев Белорусская историография, с. 154–157; Козляков, с. 222–223; Фролов, с. 682]. Их общий вывод состоял в том, что большинство распространенных моделей белорусского прошлого были призваны утвердить идею особого исторического пути республики, уникальности ее культуры и государственности.

Западнорусизм и «Русский мир»

События 1991 г. принесли в белорусское общество не только очевидные признаки «национального ренессанса». В общественно-политическом и научном дискурсе возродился интерес к западнорусской идее, традиционно выступавшей главным сдерживающим фактором белорусского национализма. Возвращение консервативных подходов к белорусской истории стало возможным на рубеже 1980–1990-х годов благодаря трудам историков Я.И. Трещенка, В.Н. Черепицы, А.Ю. Бендина и др. [Бендин, с. 25; Трещенок; Чарапіца, с. 150]. Первые годы строительства независимой Беларуси стали временем повышенного интереса к исторической науке в целом, введения в научный оборот ранее недоступных трудов, публикации новых работ по историографии, знакомства с именами ранее забытых историков, этнографов и лингвистов [Заблоцкая, с. 40].

Западнорусское наследие, несмотря на его актуальность, оказалось в трудном положении. Практически вся дореволюционная историография Белоруссии попала под удар достаточно радикальных (часто — националистических) нападков и откровенных манипуляций. «Особенностью историографии Беларуси, — писал на заре современного периода известный в среде националистов автор Михась Бич, — является длительное существование в ней двух антибелорусских концепций — великопольской и великороссийской, которые в конечном итоге приходят к отрицанию самого факта существования белорусского этноса и признанию Беларуси частью Польши или России» [Біч, с. 15]. Намекая на приверженцев преследуемой в годы советской власти «западнорусской» идеи, М. Бич выражал мнение тех авторов, которые видели в российской дореволюционной историографии враждебную силу.

В научной среде разгорелись нешуточные страсти вокруг ключевых фигур в белорусском историческом дискурсе. Стоит признать, что далеко не всегда к классикам западнорусизма применялись упрощенные оценки. Интерпретация их наследия оказалась более изощренной. Например, М.О. Коялович не только характеризовался (абсолютно справедливо) как «замечательный историк», но и был назван «основоположником белорусской национальной историографии». Аналогичный титул заслужил академик Е.Ф. Карский — убежденный противник насильственной белорусизации эпохи 1920-х, сторонник общерусской культуры, называвший белорусский язык «диалектом русского».

Критика этих авторов лежала в русле «национальной» оптики белорусских историков, не желавших рассматривать работы своих предшественников в качестве целостного и самостоятельного направления научной и общественной мысли. Так, классическая работа М.О. Кояловича «История русского самосознания» оказалась неудобной

и даже опасной из-за того, что ее когда-то хвалили И.С. Аксаков и Л.А. Тихомиров [Дворниченко, с. 219]. Карский же, как подчеркивали современные биографы, сформулировал свое кредо задолго до появления первого тома «Белорусов». Еще в 1894 г., обращаясь к коллеге, выдающемуся лингвисту и палеографу А.И. Соболевскому, ученый утверждал, что в своих будущих изысканиях хотел бы «держаться той же западнорусской области», что и в ранних работах [Янушкевич, Цвирка, с. 13]. По мнению белорусских исследователей, именно «западнорусское нутро» академика не позволило ему сделать успешную научную карьеру в первые годы советской власти [Там же, с. 17]. Однако в интересах белорусской идеи консерватизм Карского было гораздо удобнее объяснить политическими особенностями режима, при котором он работал. «В условиях царского режима Е.Ф. Карский в виде вынужденной уступки официальным кругам использовал термины «белорусское племя», «белорусское наречие», «западнорусское наречие». Но это была лишь внешняя оболочка трудов белорусского ученого. Его фундаментальные, основанные на огромном материале работы сами собой говорили о неопровержимой национальной самобытности белорусского народа и его языка», — утверждали авторы предисловия к изданию «Белорусов» 2005 г. [Там же, с. 30].

Как отмечал Д.В. Карев, представители «белорусской историографии эпохи капитализма вынуждены были работать за пределами края — в университетских центрах Российской империи (М.О. Коялович — в Петербурге, М.В. Довнар-Запольский — в Киеве, И.И. Лаппо — Дерпте)» [Карев, Белорусская и украинская историография... с. 172]. Объявленные «своими» белорусские ученые, таким образом, трудились на общерусском поле «вынужденно», в силу исторических обстоятельств, а в душе всегда оставались национальными патриотами. Совершенно игнорировался тот факт, что попытка объединить столь разнородных деятелей под белорусским знаменем была возможна (и то далеко не всегда) лишь на основе географического признака¹.

Таких примеров можно привести множество, и все они свидетельствовали о попытках «национализации» белорусской науки. Повторяя украинский опыт, белорусские ученые прибегали к подмене смыслов. Знаковый памятник XII в. — «Слово о полку Игореве», содержащий яркую характеристику князя Всеслава Чародея (неожиданно ставшего персонажем белорусской истории), обрел пророческое звучание: «Ибо сказал брат брату: Это мое, а то мое же». К глубокому сожалению, после 1991 г. у белорусских историков не оказалось иного пути легитимации исторического знания. Ведь иначе «первым опытом» национальной историографии пришлось бы признать брошюру В.У. Ластовского, опубликованную в Вильно в 1910 г.

Развитие этих процессов в белорусской науке в целом потребовало адекватного ответа со стороны представителей западнорусской идеи и приверженцев современного исторического консерватизма.

---

¹ Этот принцип часто нарушался. К «белорусским» общественным и политическим деятелям был отнесен, например, родившийся в Курляндии западнорусист В.К. Стукалич.

После изменения внутривнутриполитического курса в республике в результате президентских выборов 1994 г. консервативный подход, казалось, получил шанс на практическое воплощение. Наиболее объективная и взвешенная оценка белорусского прошлого была предложена в работах одного из учителей и наставников президента Беларуси А.Г. Лукашенко — историка Я.И. Трещенка. По его мнению, белорусскую историю невозможно понять и изучить в отрыве от российской, поскольку у них общие корни и одна общеевропейская цивилизационная основа. «Следует постоянно иметь в виду, — писал Я.И. Трещенок, — особый характер исторических связей Беларуси с Россией, существующих на протяжении ее истории. Сложившееся в древнерусский период единство восточного славянства оказалось настолько прочным и всеобъемлющим, что, несмотря на разделившие его политические границы, никогда совершенно не прерывалось и продолжало существовать в иных исторических формах своеобразного этнического союза братских народов. Без учета этого фактора невозможно воссоздать объективную историю Беларуси» [Трещенок]. Вместе с тем ученый подчеркивал, что европейская цивилизация не была однородной, в ней исторически сложились две традиции — западнохристианская, наследница западной (латинской) Римской империи, и восточнохристианская, воспринявшая прежде всего наследие восточной (эллинской) Византийской империи. Взаимодействие этих подсистем не могло не сказаться на белорусской и российской истории [Бондаренко, Дмитрачков, с. 95].

По сравнению с националистическими подходами, Я.И. Трещенок в своих работах дал принципиально иную оценку важнейших вопросов истории Беларуси (судьба белорусских земель в составе Древнерусского государства, этнический характер Великого княжества Литовского (ВКЛ), положение белорусских земель в Речи Посполитой и в Российской империи и др.). История Беларуси была изложена с позиций восточноевропейской православной цивилизации, раскрыты ее особенности, которые во многом обуславливались расположением Западной Руси на стыке западного и восточнохристианского мира [Там же, с. 96].

Анализ историографии и источников позволил Я.И. Трещенку сделать вывод, что в Белоруссии второй половины XIX — начала XX в. не могло сложиться единого национального движения. Фактически на западнорусских землях сформировались две идеи, или два белорусских проекта: католический и православный. Первый складывался на католической культурно-цивилизационной основе, а его авторы тянулись к Западной Европе; второй был связан с православным, или, как отмечал Я.И. Трещенок, «русским» миром. Идеологи этого мира, «западнорусисты», не только ориентировались на Россию, но и учитывали культурные особенности белорусов, выражая их национальные интересы. Поэтому, считал ученый, негативные оценки западнорусизма должны быть пересмотрены, ибо это течение не было антибелорусским, как в начале XX в. его представлял А.И. Цвикевич вместе со своими сторонниками [Там же].

В подтверждение правоты взглядов историка отметим, что в белорусском общественном сознании в годы СССР по-прежнему преобладали воспоминания о культурном и политическом единстве славянских народов, а также о преимуществах «социальной

стабильности». Именно эта коллективная память белорусского народа в значительной мере обеспечила победу А.Г. Лукашенко на президентских выборах 1994 г. и последующие успешные шаги в деле союзной интеграции в 2000-х [Павловец].

На этом фоне в 2000–2010-х годах духовно-политическое течение западнорусизма вновь оказалось востребованным в белорусском историческом и общественно-политическом дискурсе. Особенно актуально его идеи звучали на фоне псевдоисторических концепций, распространявшихся на территории славянских республик бывшего Советского Союза, в том числе в Беларуси. Идеология западнорусизма признавала национальные и языковые особенности белорусов и украинцев, но призывала их не забывать общерусские корни. Многовековая русская культурная и государственная традиция на белорусских землях стала той основой, на которой строила свою деятельность современная западнорусская интеллигенция.

Общественные процессы в Республике Беларусь показали, что понятие «русский мир» было востребовано и совпадало с мироощущением многих публичных интеллектуалов. В 2010 г. в Минске представители православной интеллигенции основали научно-просветительский проект «Западная Русь», направленный на популяризацию и распространение знаний о белорусской и восточнославянской истории. Среди его организаторов и наиболее активных участников были историки, писатели и публицисты И.Ф. Зеленковский, А.Ю. Бендин, А.Д. Гронский, политолог В.В. Шимов, профессор Минской духовной академии В.М. Теплова и др. Проект достаточно быстро приобрел известность не только в Беларуси, но и за рубежом, установив контакты с известными учеными и исследовательскими центрами в России, Чехии, Польше и Сербии. Западнорусизм в Беларуси в 2010-е годы постепенно расширил сферу своего проникновения в научное и общественное пространство, служа противовесом как идеологии украинского и белорусского национализма, так и теориям литвинизма и прежним советским подходам к белорусскому прошлому.

«Литвинизм» и советское наследие

Помимо западнорусской идеи, в новой независимой Беларуси оказались востребованы и взгляды основоположников белорусской национальной историографии М.В. Довнар-Запольского и В.У. Ластовского, а также их более поздние интерпретации и прочтения. Повышенной популярностью стали пользоваться «племенная» и родственная ей «субстратная» концепции белорусской истории. Последняя была тесно связана с работами советского археолога В.В. Седова и его представлениями о «балтском субстрате», лежащем в основе белорусского этногенеза. Практическим воплощением этих идей стала «литвинская концепция» — наиболее радикальная версия белорусского прошлого. Правящее сословие и основная масса населения Великого княжества Литовского были определены как народ «литвинов», имевший балтское происхождение. Именно этот народ, согласно сторонникам «литвинизма», стал предшественником нынешних белорусов. Современные же литовцы появились на страницах исторических источников значительно позже — в Средневековье для литовского населения суще-

ствовало множество различных локальных названий и самоназваний. В период ВКЛ государственные чиновники, отправляясь в литовские области, часто брали с собой переводчика, что подчеркивало языковые и культурные различия. Литвины объявляются неотъемлемой частью западной протестантско-католической цивилизации и важным элементом в истории Центральной и Восточной Европы. Современными «литвинами», по словам сторонников концепции, могут называть себя не только белорусы, ощущающие свои «литвинские» корни, но и жители сопредельных стран (Польша, Литва, Украина). В отношении зоны распространения этнонима «литвин» данная концепция предъявляла претензии не только на территорию современной Белоруссии, но и на часть Литвы (Виленский край) и польское Подляшье, охватывая тем самым земли сразу нескольких независимых государств.

Идеи «литвинизма» имели длительную предысторию и опирались на наработки белорусской национальной историографии первых десятилетий XX в. Еще М.В. Довнар-Запольский в своей «Истории Белоруссии» (написанной в 1920-е годы, но опубликованной лишь в 1994 г.) утверждал, что термин «литвин» впервые появился в области наиболее тесных контактов славянского и балтского элементов — в так называемой Черной Руси к юго-западу от Новогрудка. Эти земли первыми были подчинены литовскими князьями, и здесь влияние литовской культуры было особенно сильным. Позднее, как считал историк, этноним «литвин» распространился на более широкую белорусскую территорию: «И теперь часто на вопрос о народности наш белорус называет себя «литвин». И в прежнее время, особенно польские писатели, Литвой и литвинами называли Белоруссию и белорусов, несмотря на то, что они хорошо знали о существовании собственно Литвы, но последнюю называли Жмудью по господствующему в ней племени» [Довнар-Запольский].

Однако религиозный деятель XVII в. Мелетий Смотрицкий, живший в Речи Посполитой, описывая те же территории в полемическом труде «Верификация», называет «Литву» в числе «русских народов». Народ «Литвы» выступает лишь одним из «великих, густонаселенных и неисчислимых христианских народов — волынцев, подгорцев, подляшцев, полешуков, подольцев, низовцев, украинцев, Белой Руси и Черной, от бескидских Татр до Балтийского моря» [Verificatia niewinnosci, s. 279]¹. Ясно, что сложности с интерпретацией термина «литвин» в исторических источниках создают обширное поле для фальсификаций и слишком вольных исторических реконструкций прошлого, в том числе национального самосознания народов, живших много столетий назад. Споры вокруг «Литвы» и «литвинов» не прекращаются до сих пор. Их активными участниками зачастую оказываются представители академической науки, политики и общественные деятели не только из Беларуси, но и нескольких сопредельных государств.

Неудивительно, что борьба за историческое наследие древней Литвы стала одной из центральных тем для белорусской исторической науки. Как уже было отмечено, ее

---

1 В этом же сочинении Мелетий Смотрицкий апеллирует к «правам, свободам и вольностям народа нашего русского» (Ruskiego).

основные усилия оказались сосредоточены на утверждении идеи древности белорусского политогенеза и белорусской этнической общности.

В постсоветской Беларуси параллельно рассматривались несколько исторических предшественников белорусского государства. К таковым были отнесены Полоцкая земля и Великое княжество Литовское. Важной особенностью постсоветского периода стало то, что истоки белорусского политогенеза теперь начали искать вне древнерусского поля. Идеальную возможность оспорить факт древнерусского единства представляли как раз новые прочтения истории ВКЛ в духе «литвинизма» и родственных ему национальных концепций. Тем не менее многие белорусские историки не спешили с радикальной ревизией советских исторических идеологем, особенно когда они касались древней истории. Советская версия белорусского прошлого оказалась не менее важной для развития национальных процессов в независимой Беларуси, чем националистическая.

В начале 2000-х годов, следуя политике президента Беларуси А.Г. Лукашенко, белорусская историческая наука в очередной раз изменила вектор. Интегральные националистические установки периода 1990-х временно сменились реактивацией советских подходов и идеологем. В этих условиях поиски истоков белорусского этногенеза вновь приводили исследователей к периоду Великого княжества Литовского, в полном соответствии с советской концепцией «древнерусской народности», разработанной в 1940–1950-е годы. Данная концепция утверждала, что три современных восточнославянских народа — белорусы, русские и украинцы — возникли в результате постепенного распада единой этнической общности, сложившейся в эпоху Древней Руси. Белорусы объявлялись отдельным народом, сформировавшимся на древнерусской культурной основе. Становление белорусского этноса объяснялось консолидацией восточнославянского населения на западе Руси в результате развития торговых связей, роста производительных сил и товарно-денежных отношений в границах Великого княжества Литовского. Хотя вопросы хронологии этого процесса вызывали серьезные разногласия, советские историки в целом признавали, что этногенез белорусов (как и украинцев) охватывал XIV–XVI вв. [Пилипенко Этнография Белоруссии... с. 59–64]

Данная модель оказалась востребована и в независимой Беларуси, т.к. позволяла согласовать наработки «национальной» белорусской историографии с достижениями советской научной школы. Идеи древности белорусского этноса, уходящего своими корнями вглубь столетий, весьма удачно наложились на методологические и концептуальные особенности исторической науки современной постсоветской эпохи.

Впервые эти изменения проявили себя в начале 2000-х годов, когда появились новые обобщающие работы по белорусской истории. Говоря об этногенезе белорусов, их авторы утверждали, что «главную роль в формировании белорусского этноса и возникновении Белоруссии сыграло политическое объединение белорусских земель в составе одного государства — ВКЛ». Подчинение разрозненных восточнославянских княжеств и земель единой власти, по мнению авторов, остановило процесс феодального

дробления и содействовало созданию условий для укрепления социально-экономических и этнокультурных связей между разными частями белорусской территории и консолидации населения [Ковкель, Ярмусик, с. 30].

Белорусские историки опирались на классическую советскую терминологию и методологию, в рамках которой неоднократно прибегали к «воображаемым» идентичностям, используя такие понятия, как «белорусская шляхта», «белорусские земли», «белорусские города». Конфликт исторических и воображаемых идентичностей, заложенный еще в советскую эпоху, никуда не исчез и продолжил развитие в новейшей белорусской историографии. Перенесение в прошлое современных этнополитических реалий, помещение их в контекст истории ВКЛ XIV–XVI вв. демонстрировало уязвимость большинства современных концепций белорусского этногенеза.

Между тем реактивация «консервативной» советской модели национальной истории также работала на национальное строительство в современной Беларуси, хотя и не радикальными методами. Отражение в научных публикациях и школьных учебниках идеи о Великом княжестве Литовском как о «колыбели» белорусской нации привело к существенным изменениям в общественном сознании и национальной самоидентификации. Как часто бывает, медленный путь оказался даже более эффективным. То, чего не удалось достигнуть с помощью радикальных версий белорусского прошлого, помогли довершить «консервативные» советские трактовки. К концу 2000-х годов более трети населения республики относили период ВКЛ к «истокам» белорусской государственности, причем были популярны и иные версии древности белорусского политогенеза [Ластовский, с. 91]. В официальном патриотическом дискурсе произошло фактическое слияние национального и советского. Многие наблюдатели отмечали, что Беларусь лишь внешне сохраняла свой «классический» советский облик, содержание этой оболочки было совсем иным [Уварова, с. 185]. На рубеже следующего десятилетия медленный дрейф в сторону «мягкого национализма» становится магистральным направлением в развитии белорусской исторической науки и исторической политики руководства страны.

Здесь можно отметить одну интересную особенность. Историографическая ситуация в Белоруссии конца 2000-х годов зеркально отразила ситуацию конца 1920-х. Тогда белорусский национализм помог советской власти расправиться с последними представителями западнорусизма, признанного идейно опасным для формирующейся белорусской нации в ее советских формах. Теперь же возрожденный западнорусизм смог обуздать наиболее радикальные проявления белорусского национализма и стал союзником власти в трудный период становления белорусской государственности. Это была, по сути, практически сформировавшаяся новая национальная идея, основанная на переосмыслении исторического опыта Белоруссии в XX в. и многовековой культурной общности трех братских славянских народов. Однако представители этого направления не смогли (и не успели) приспособиться к слишком быстрым изменениям официального исторического курса. Постепенное разочарование в перспективах союзной интеграции, произошедшее на фоне объективных экономических вызовов

2008–2009 гг., подтолкнуло руководство Республики Беларусь к более дифференцированной и «многовекторной» исторической политике. В дальнейшем в белорусской науке доминировали совсем другие концептуальные основания.

«Белорусская цивилизация»

10 января 2012 г. президент Беларуси А.Г. Лукашенко на церемонии вручения премии «За духовное возрождение» упомянул о существовании «белорусской цивилизации». По мнению президента, белорусская культура является фактором, мобилизующим нацию и укрепляющим государственность. В выступлении были акцентированы важные особенности исторического опыта белорусов: «Белорусская цивилизация создавалась не огнем и мечом, а мудростью и словом. Именно наша земля дала человечеству таких светочей христианства, как Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский. Здесь появился на свет выдающийся просветитель Франциск Скорина, который 495 лет назад подарил восточным славянам первое печатное издание. Белоруссия обогатила мировую культуру поэзией Янки Купалы, Якуба Коласа, 130-летний юбилей которых мы отмечаем в нынешнем году» [Лукашенко заговорил о «белорусской цивилизации»].

Прозвучавшие тезисы были достаточно быстро отражены в официальной белорусской историографии. Упоминание президентом Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского и других персонажей древнерусской истории свидетельствовало о стремлении задействовать скрытый потенциал белорусского прошлого для укрепления национальной идентичности. Для этого в Беларуси существовали уже все необходимые предпосылки. Изменение образовательных и исторических парадигм в течение 2000-х годов подготовило общество к восприятию новых, альтернативных версий белорусского прошлого. По оценке современного исследователя А.Л. Ластовского, «топос» древней белорусской истории «обладает двумя важнейшими характеристиками: (1) незаполненность (что позволяет без особых проблем привнести в него нужное содержание) и (2) позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании» [Ластовский, с. 99]. В итоге белорусская историческая наука была призвана сосредоточиться на исследованиях, нацеленных на доказательство более глубокой древности белорусской культуры и государственности.

В 2016 г. в Беларуси был опубликован цикл научных работ «Истоки белорусской государственности: Полоцкая и Витебская земли в IX–XVIII веках», по-новому раскрывающий процесс формирования раннегосударственных образований у восточных славян. По словам заведующей центром археологии и древней истории Института истории НАН Беларуси О.Н. Левко, в работах обосновывается появление белорусской государственности уже в середине IX в. — с созданием Полоцкого княжества [Левко]. Становление Полоцка в качестве центра раннегосударственного образования осуществлялось, по ее мнению, на «местной племенной основе», в то время как в Новгороде и Киеве для этого приглашали варягов. «Даже в последующем Полоцкие земли, входя в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, развивались автономно», — отметила О.Н. Левко [Лукашенко: историю становления белорусского государства нужно

достоверно отразить...]. Левко не только отвергла принятую в российской историографии с XIX в. «норманнскую теорию», но и высказалась в пользу самостоятельного статуса Полоцка, игнорируя его подчинение Киеву в X–XIII вв. [Левко]. Развитие Полоцкой земли рассматривалось вне контекста Древнерусского государства и единой древнерусской народности. Полоцк был представлен как самостоятельный центр в истории восточного славянства, равнозначный Киеву и Новгороду.

В 2017 г. А.Г. Лукашенко выступил в поддержку новой исторической концепции, обосновывающей исключительность белорусской истории. Комментируя результаты исследования, проведенного историками и археологами НАН Беларуси, президент дал указание «достоверно отразить» в новых учебниках раннюю историю становления белорусской государственности.

Взгляды О.Н. Левко были поддержаны и на радикальном фланге, где они тесно смыкались с идеями белорусских националистических писателей и историков, авторов научно-популярных и художественных работ на историческую тематику. По словам одного из них, В.А. Орлова, древняя белорусская история прослеживается как минимум с IX в.: «Полоцкое княжество было типичным для своей эпохи раннефеодальным европейским государством. По своим размерам оно соответствовало таким тогдашним странам, как герцогство Баварское или королевство Португальское. [...] Власть Полоцка распространялась на нижнее Подвинье до самого Балтийского моря. Это значит, что Полоцкое княжество было морской державой» [Орлов]. Древний Полоцк в его работах наделяется полной самостоятельностью и рассматривается вне контекста Древнерусского государства: «В X–XIII вв. Полоцкой землей владела княжеская династия Рогволодовичей, а любые попытки Киева посадить тут своих ставленников неизменно завершались провалом». Оставаясь независимым от Киева, утверждает автор, Полоцкое княжество играло важную роль в восточнославянской истории, причем европейские монархи не считали его «задворками Европы» [Там же].

Диффузия националистических представлений о прошлом в белорусскую историческую науку и официальную патриотическую риторику ускорилась в конце 2010-х годов. В 2018 г. Институт истории НАН Беларуси во главе с его руководителем В.В. Даниловичем разработал «Концепцию истории белорусской государственности» — программный документ, выполненный в рамках «государственной программы научных исследований». В нем оказались затронуты вопросы «исторической правомерности» существования белорусского государства, причем результаты исследования были представлены как важное научное открытие. По словам В.В. Даниловича, белорусские ученые «впервые в истории мировой научной мысли предложили новую трактовку дефиниции государственность». Она определялась как «внутренняя потенциальная способность этнонационального сообщества и его элиты обеспечивать право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же — это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов» [Данилович, с. 10].

Концепция зафиксировала редкую историографическую ситуацию, когда развитие государственности рассматривается за рамками истории своего государства. Для этого были предложены специальные термины — «исторические» и «национальные» формы государственности, последние характеризовались более выраженным «содержанием титульного этноса». К «историческим» же формам относилась вся белорусская история до начала XX в. Стремление доказать древность белорусской государственной традиции привело к необходимости отказаться от советской версии белорусского этногенеза в рамках ВКЛ и «продлить» национальную историю в глубь веков. Именно в Белорусском Полесье в IV в., как утверждают авторы, археологами были выявлены «самые древние на сегодня славянские поселения» [Там же, с. 11]. Территория Беларуси является «колыбелью» всего восточного и европейского славянства.

Следуя этой логике, сложно объяснить, почему концепция не упоминает о Римской империи как о колыбели белорусов, т.к. именно на границах этой империи возникали провинциально-римские культуры I–IV вв., в том числе славянская. О существовании племенного союза антов, имевших зачатки государственности в IV в. (вождь, знать, войско) и о славяно-готских войнах, описанных готским историком Иорданом, авторы концепции ничего не упоминают. В дальнейшем, в VIII–IX вв., они фиксируют «массовое присутствие славян на территории Беларуси. Дреговичи, кривичи и радимичи сыграли важную роль не только в формировании белорусского этноса, но и в образовании древнейших протогосударственных структур на наших землях» [Там же].

Заметной особенностью новой концепции стало и отсутствие в ней концепта «Древнерусского государства» и, следовательно, «древнерусской народности». Авторы признают появление в IX в. исторически важных территориально-политических объединений — Киевского, Новгородского и Полоцкого княжеств, «которые играли ведущую роль в государствообразующих процессах у восточных славян». Затем Киевское и Новгородское княжества были объединены в рамках Киевской Руси. Что же касается Полоцка, то «княжество полочан послужило основой отдельной территориально-политической структуры — Полоцкой земли, государственное развитие которой проходило по тем же принципам, что и Киевской Руси. Полоцкая земля была ее равноправным партнером в межгосударственных отношениях» [Там же]. То есть история Полоцкой земли, средневековой «колыбели» белорусской государственности, выводится за рамки истории Древнерусского государства. Вместо Древней Руси на страницах концепции появляется «Киевская Русь» — совсем не идентичная ее трактовке историками XIX — середины XX вв. Политический подтекст такой подмены очевиден. Полоцкая земля объявляется самостоятельным государственным образованием, располагавшееся на территории современной Беларуси Туровское княжество — «автономией». Концепция полностью отвергает «норманнскую теорию» и повторяет тезисы О.Н. Левко о незначительной роли варяжского элемента в развитии древнего Полоцка, намекая на существенные цивилизационные различия между тремя группами восточного славянства.

Заслуживает внимания сходство основных положений этого исторического манифеста независимой Беларуси с идеями М.С. Грушевского, решавшего аналогичные зада-

чи в украинской исторической науке столетие назад. Удревнение истории (Грушевский ведет ее с V в., а Данилович — с IV в.), государствоцентризм, линейность исторического процесса, заданность ключевых событий являются их общими чертами.

Несмотря на рецепцию и переосмысление многих радикальных версий белорусского прошлого, предложенная Институтом истории НАН Беларуси концепция так и не ответила на вопрос о цивилизационном выборе современного белорусского общества и государства. Стоит лишь заметить, что содержащиеся в ней положения трактуют белорусов как народ, «в своих стремлениях не отличающийся от других народов Европы», что выглядит весьма двусмысленно на фоне текущего политического кризиса в республике [Там же, с. 12–13]. Если посмотреть внимательно на идеологию современного белорусского протестного движения, станет ясно, что его символы — Костюшко и Калиновский были внедрены в общественное сознание не благодаря «польской интриге» и «кураторам из Варшавы», а белорусским учебникам, начиная с 2000-х годов отражающим советские мифы и исторические клише. Появление подобных трактовок при существующих проблемах национальной самоидентификации, исторической памяти и общественного единства представляется рискованным для руководства современной Беларуси.

Впрочем, ситуативность национальной исторической политики, ее привязка к важнейшим общественно-политическим процессам была заметна уже давно. Прагматизм современных белорусских элит, лишенных собственной идеологии, в значительной мере влияет на определение основных контуров исторической политики в республике. Как отметил автор новой концепции В.В. Данилович, отношение к проблемам прошлого Беларуси «неотделимо от социально-политических реалий нашей страны» [Там же, с. 9]. Исходя из современного контекста, потенциал данной фразы еще далеко не раскрыт.

Несомненно, что политический режим, не имеющий сколько-нибудь надежных механизмов самовоспроизводства вне привязки к конкретной личности руководителя, после его ухода с политической арены может с легкостью отказаться от декларируемых ныне исторических лозунгов. Следовательно, будущее исторической науки в республике остается открытым, и ее дальнейший путь труднопредсказуем. Даже великий классик XIX в., сравнивая Русь с преодолевающей историческое пространство тройкой, едва ли мог предположить появление в следующем столетии трех самостоятельных восточно-славянских народов, оказавшихся в единой упряжке советского интернационализма и государственной исторической политики. Применительно к идеологическим и мировоззренческим установкам современной белорусской историографии фундаментальный вопрос Н.В. Гоголя «Русь, куда ж несешься ты?» остается во многом без ответа.

Литература

Бендин А.Ю. Нацыянальная адраджэнне ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х — пачатак 30-х гадоў) / А. Ю. Бендин // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі: зб. навуковых прац. Минск. 1996. С. 25–36.

- Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 5–24.
- Бондаренко К.М., Дмитрачков П.Ф. Личность и история // Беларусская думка. 2011. № 9. С. 94–97.
- Данилович В.В. Концепция истории белорусской государственности. // Наука и инновации. № 11 (189). 2018. С. 9–15.
- Дворниченко А.Ю. «Присвоение» истории или ее постижение? (Русская литуанистика XIX — начала XX века) // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 219–236.
- Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // Былые годы. 2019. Т. 53. Вып. 1. С. 935–945.
- Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск. 2005.
- Заблоцкая М.В. Историография западнорусизма как общественно- политической мысли Беларуси (вт. пол. XIX–XX в.) // Копытинские чтения — I, II: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / Под общ. ред. М.И. Матюшевой. Могилев. 2018. С. 39–41.
- Карев Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс. 2007.
- Карев Д.В. Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. (старые проблемы и поиски новых решений) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Минск. 2004. С. 154–157.
- Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Минск. 2000.
- Козляков В.Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории // Российские и славянские исследования. Вып. 4 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск. 2009. С. 221–232.
- Ластовский А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения № 4 (192), октябрь–декабрь 2009. С. 88–99.
- Левко О.Н. Истоки белорусской государственности: концепции и факты тысячелетней истории // Доклады Национальной Академии Наук Беларуси. Т. 62. № 5. 2018. С. 623–633. — URL: doklady.belnauka.by/jour/article/view/561 (дата обращения: 05.05.2021).
- Лукашенко заговорил о «белорусской цивилизации» // Regnum. 11.01.2012. — URL: regnum.ru/news/polit/1486734.html (дата обращения: 05.05.2021).
- Лукашенко: историю становления белорусского государства нужно достоверно отразить в новых учебниках // БЕЛТА. 28.02.2017. — URL: belta.by/president/view/lukashenko-istoriju-stanovlenija-belorusskogo-gosudarstva-nuzhno-dostoverno-otrazit-v-novyh-uchebnikah-235365-2017/ (дата обращения: 05.05.2021).
- Орлов В.А. Десять веков белорусской истории (862–1918): События. Даты. Иллюстрации. Вильнюс. 2001. — URL: litmir.me/br/?b=205306 (дата обращения: 05.05.2021).
- Павловец Ю. Концепция западнорусизма в процессе формирования современной белорусской идентичности // Русская IDEA. — URL: politconservatism.ru/articles/kontseptsiya-zapadnorusizma-v-protseste-formirovaniya-sovremennoj-belorusskoj-identichnosti (дата обращения: 05.05.2021).

Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск. 1981.

Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22–24 мая 2001 г.). В 2 ч. Ч. 1, кн. 2 / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. Минск. 2002. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/429-2011-08-29-12-22-47.html (дата обращения: 05.05.2021).

Фролов И.А. Историография развития исторической науки в Республике Беларусь на современном этапе // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / Редкол.: А.А. Коваленя и др. Минск. 2012. С. 682–686.

Чараніца В.М. Са скарбніцы кніжных паліц. Мінск. 1994.

Янушкевич Я., Цвирка К. Евфимий Карский и его «Белорусы» // Евфимий Карский. Белорусы. Минск. «Белорусский книгосбор». 2001. С. 5–30.

Verificatia năuinnosci — сочинение, изданное Виленским православным братством в защиту восстановленной иерусалимским патриархом Феофаном западнорусской иерархии, 1621 г. (изд. 1-е) // Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. Киев. 1887. VIII. С. 279–344.

Крутиков А. Концепции истории Белоруссии. II. «Русский мир», «литвинизм» и «Белорусская цивилизация» // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 66–79

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-80-94

УДК 94(44); 323/324

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. I. Парадоксы восприятия, исторической памяти, политической философии

Аннотация. *Первый президент Пятой республики, некогда вызывавший полярное отношение, теперь устойчиво лидирует в пантеоне исторической памяти французов и служит референтным образцом, к которому апеллируют политики всех мастей. Парадокс в том, что новый «культ де Голля» сложился на фоне отказа политического класса от голлизма и его вставания в альтернативную неолиберальную евроатлантическую парадигму. В таком контексте «одержимость де Голлем» получила глубоко различные смыслы: для одних это дискурсивный инструмент, для других — компенсаторная ностальгия, но для многих — выражение осознанного несогласия с векторами курса последних десятилетий. Феноменальная значимость де Голля в современной Франции связана с актуальностью и востребованностью его идейного наследия. Его политическую философию отличает синтез обычно противоположаемых начал, а ее краевольные идеи прямо перекликаются с фундаментальными дилеммами, которые ныне выдвинулись в центр противоречий внутри отдельных обществ и на международном уровне, в том числе между Россией и Западом. Первостепенный интерес представляет, в частности, диалектическое соединение, которое получили у де Голля национальное, европейское и глобальное измерения.*

Ключевые слова: *Ш. де Голль, историческая память, исторический дискурс, деголлевский миф, наследие голлизма, политическая философия.*

На протяжении 2020 г. во Франции, несмотря на нарушение нормального хода жизни «ковидокризисом», особенно много вспоминали и чествовали Шарля де Голля — поводом стали сразу три юбилейные даты: 130 лет со дня рождения, 50-ая годовщина смерти и 80-летие «воззвания 18 июня»¹. Колоссальная роль этого выдающегося государственного деятеля в новейшей французской истории не имеет аналогов. Дважды

Сведения об авторе: *Нарочницкая Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.*

¹ 18 июня 1940 г., за четыре дня до подписания последним правительством Третьей республики так называемого Второго компьенского перемирия, а фактически капитуляции, де Голль по лондонскому радио призвал соотечественников продолжать борьбу с нацистской Германией.

он спасал свое отечество от, казалось, неотвратимой исторической катастрофы. Несмотря на постыдную капитуляцию 1940 г. и сотрудничество режима Виши с нацистским рейхом, Франция благодаря де Голлю сохранила морально-политическое лицо, вошла в число держав-победительниц Второй мировой войны и постоянных членов СБ ООН. Его возвращение к власти в 1958 г. спасло раздираемую алжирским вопросом страну если не от гражданской войны, то от потери управляемости и непредсказуемого хаоса.

Де Голль сумел вывести Францию из глубокого кризиса, в который ее погрузили элиты и сама система Четвертой республики, и с минимальными, хотя и болезненными в гуманитарном плане потерями¹, завершить деколонизацию. Он разработал действующую в основе до сих пор Конституцию, ввел в стабильное русло внутривнутриполитический процесс, обеспечил ядерный фундамент военно-стратегической независимости, заложил разветвленную систему социальной защиты; 11 лет его президентства прошли под знаком форсированного развития в самых разных областях. Произведенный им поворот во внешней политике, его крупные начинания на всех ее направлениях оказали серьезное влияние на международные процессы и принесли Франции широко признанный рост глобального авторитета, как бы это ни отрицали противники его курса.

Вместе с тем в политической биографии легендарного француза были не одни триумфы и славные страницы. Как недавно напомнил один из его известных биографов Эрик Руссель, де Голль «всю жизнь сражался: с немецкими оккупантами и впадшим в склероз генеральным штабом, в 1940 г. с чиновниками-пораженцами, до самого конца войны с союзниками по антигитлеровской коалиции, после освобождения от оккупации с «политиканами» и начиная с 1958 г. вновь с ними же»; при жизни «его больше чем критиковали — атаковали, очерняли, покушались убить» [Roussel, p. 9–10]. Лидер «Свободной Франции» не только возбудил яркую ненависть вишистов и антипатию американцев, но и столкнулся с настороженностью и прямой обструкцией в собственных рядах. После ухода из послевоенного Временного правительства и создания оппозиционного Объединения французского народа недавнего освободителя лишили военных почестей и подвергли уничижающей критике, называя его альтернативное традиционным партиям движение «фашистским». За все годы Четвертой республики он ни разу не получил возможности выступить по французскому радио.

На посту главы государства де Голль пользовался рекордно высокой общественной поддержкой, к уровню которой не приблизился ни один последующий президент Франции. Однако степень его популярности серьезно варьировалась на разных этапах пребывания у власти и в разных социально-политических группах [см. Duhamel]. Более того, отношение к нему отличалось необычайной поляризованностью. «Последний ве-

1 Прежде всего имеется в виду трагедия более 1 млн франкоалжирцев (включая вынужденный исход, резню в Оране, попрание имущественных и личных прав), а также 200 тыс. «харки», сражавшихся против Фронта национального освобождения на стороне французской армии алжирцев-мусульман, которые не получили возможности уехать во Францию и подверглись репрессиям со стороны ФНО. Ряд решений де Голля, связанных с этими событиями, называют «непростительными» даже такие его почитатели и последователи, как Анри Гэно.

ликий француз», говоря словами еще одного его биографа Чарльза Уильямса, внушал «к себе и великую любовь, и великую ненависть» [Уильямс, с. 14]. Хорошо известны враждебность или настороженность к де Голлю сложившихся элит и его конфликтные взаимоотношения с ними [De Gaulle et les élites]. По выражению его внука Ива де Голля, генерал был «чаще ненавидим «правлящими классами», «посредниками», политическими партиями, сложившимися корпорациями, буржуа и частью армии — и массово любим французами» [Gaulle Y. de].

Отторжение встретили неординарные стратегические замыслы де Голля — найти альтернативу «режиму партий», продвигать конвергенцию капитализма и социализма, переустроить международную архитектуру. Эти его эксперименты первыми потерпели фиаско и были сочтены нереализуемыми. Впрочем, учитывая исторический масштаб таких сверхзадач и контекст большой политики с ее многоаспектной и разноуровневой борьбой интересов и ценностей, неуспех здесь еще не доказывает беспочвенность самих исканий.

Ни один другой политический руководитель Франции не был столь почитаем в своей стране и за рубежом, и ни один не становился объектом такого негативизма и противодействия. Между тем никто не придавал большего значения национальной консолидации, чем де Голль, никто не приложил столько усилий ради этой цели и никто так не преуспел в приближении к ней. Заложенные им устои Пятой республики надолго стали не только предметом, но и фактором межпартийного консенсуса. А сама его фигура, некогда порождавшая острые разногласия, сегодня называется «последним символом единства и консолидации» французов [см. напр. Flandrin].

Парадоксы, связанные с де Голлем и судьбой его наследия, на этом далеко не заканчиваются. При известной устойчивости ряда голлистских традиций внутренней и внешней политики, неприятие деголлевской стратегии развития не исчезало — скорее, оно приобрело избирательный характер и обходные формы. Эволюция голлистского движения завершилась его перерождением и растворением. Ситуация с «деголлевской легендой», или «деголлевским мифом» в современной Франции также неоднозначна — по сути память о де Голле и сегодня продолжает как объединять, так и разъединять одновременно.

«Деголлевский миф»

К последнему десятилетию XX в. признание заслуг и масштаба личности автора «воззвания 18 июня» и отца-основателя Пятой республики вытеснило открытый антидеголлевский антагонизм в маргинальные ниши крайних флангов. Президентство Ф. Миттерана закрепило относительный право-левым консенсус по поводу институционализированной части голлистского наследия. Произошло усвоение и «присвоение» голлистских принципов частью левой среды — не только из прагматизма, но и по существу. Одним из резонансных симптомов этого сдвига была вышедшая в 1990 г. книга Режиса Дебре «До завтра, де Голль», в которой этот известный интеллектуал, бывший революционер, соратник Че Гевары, а впоследствии советник президента Миттерана поста-

вил значение де Голля для XX в. вровень со значением Наполеона для XIX в. и назвал его «первым современником» будущего, «первооткрывателем завтрашних сюрпризов» [Debray]. Видным преемником и продолжателем голлистских идей еще раньше стал и остается Жан-Пьер Шевенман, в прошлом лидер левого крыла Социалистической партии, а затем министр ряда правительств 1980–1990-х годов. Многие левые и либералы, при жизни де Голля крайне скептически смотревшие на перспективы голлизма, публично признали свою «частичную неправоту», как это сделал, к примеру, автор трехтомного жизнеописания генерала Жан Лакутюр [Lacouture].

К 1990-м годам де Голль утвердился в общественном мнении в статусе одного из главных национальных героев и титанов мировой истории. «Генерал переживает сегодня посмертный апофеоз признания французов: никогда его слава не была столь неоспоримой, никогда еще его легенда так не торжествовала», — констатировал политолог Ален Дюамель [Цит. по: Garrigues]. Разумеется, не стоит понимать эти слова в смысле стопроцентного одобрения, отсутствия палитры разных «но». Тем не менее, с подразумеваемыми оговорками, они точно указывали на связанный с именем де Голля тренд в историческом сознании и общественно-политическом дискурсе современной Франции.

Речь идет не только о так называемой коммеморации, но и о нескольких процессах, имеющих различные, в том числе сталкивающиеся, смыслы и функции. Знаковыми явлениями конца XX — первых десятилетий XXI в. стали канонизация «последнего великого француза» в пантеоне памяти и мемориальной практике; формирование нового «деголлевского мифа» в его разных аспектах и версиях; ренессанс интереса к личности, взглядам, деятельности основателя Пятой республики; интенсивная исследовательская работа и рефлексия по этим вопросам; наконец, бум символических отсылок к де Голлю на уровне дискурсивной политики.

Массив посвященной ему литературы давно приобрел поистине необъятные масштабы и продолжает ежегодно расти. В юбилейном 2020 г. он пополнился рекордным числом публикаций — десятками книг и сотнями, если не тысячами, журнальных и газетных статей. При всей полифоничности этого потока, общим мотивом является признание не только огромной роли де Голля во французской истории, но и той феноменальной притягательности, которую его образ приобрел в сознании французов в настоящее время.

«В сегодняшней Франции де Голль повсюду», — передает свое впечатление британский профессор Джулиан Джексон, автор очередной, почти 1000-страничной биографии генерала, вышедшей в 2019 г. [Jackson, Introduction]. «Де Голль больше не принадлежит истории, он стал французской ностальгией», «навязчивой идеей», «обязательным референтным образцом», «де Голль вернулся» — наперебой констатируют в последнее десятилетие политологи, философы, историки, писатели, журналисты, вспоминая давнее предсказание Франсуа Мориака: «Де Голль останется здесь и тогда, когда его не станет»¹ [см. напр.: Devillairs; Jackson; Flandrin].

1 *Mauriac F. De Gaulle. Paris. 1964. P. 236.*

«В реестре нашей национальной памяти он устойчиво лидирует, опережая Наполеона, Людовика XIV и всех остальных», — подтвердил в 2020 г. председатель междуниверситетского Комитета парламентской и политической истории профессор Жан Гарриг. Причина, по его словам, заключается в том, что «деголлевский миф» объединяет в себе образы спасителя, мудрого законодателя, собирателя, пророка и с этой точки зрения не имеет аналогов во французском прошлом [Garrigues].

Но память о «последнем великом французе» имеет и другие уникальные черты. Прежде всего, спустя полвека она остается гораздо более значимым фактором текущих общественно-политических процессов в стране, чем бывает обычно с исторической памятью о выдающемся деятеле прошлого.

Самое очевидное, поверхностное проявление — участившиеся риторические апелляции к де Голлю французского политического класса. Не раз отмечалось, что с некоторых пор «как справа, так и слева, все оспаривают друг у друга наследие генерала ... каждый берет у него то, что его устраивает». В избирательной кампании 2017 г. его имя упоминалось практически ежедневно, а 7 из 11 кандидатов на пост главы государства, включая четырех лидеров первого тура (Эмманюэля Макрона, Марин Ле Пен, Франсуа Фийона и Жан-Люка Меланшона) прямо ссылались на него как на одного из «вдохновителей» своих политических программ [Michelon].

Э. Макрон с момента избрания стремился создать впечатление преемственности с создателем Пятой республики — через модель управления, дипломатическую активность, коммуникацию, внешнюю атрибутику. Здесь и демонстративное восстановление «вертикальности власти»; и заимствование элементов деголлевского «монархического» стиля; и попытки стать привилегированным собеседником лидеров мировых держав; и ряд жестов в пользу нормализации диалога с Россией; и обыгрывание понятий «нация» и «суверенитет»; и Лотарингский крест в логотипе Елисейского дворца; и композиция официального портрета действующего президента, где на его рабочем столе изображены раскрытые «Военные мемуары» де Голля.

Помимо видимого пласта, актуализация «деголлевской легенды» имеет глубинные измерения, которые в данном случае важнее. Парадоксально, но и принципиально важно, что «культ де Голля» складывался и крепнул параллельно с дрейфом Франции к иной, альтернативной голлизму парадигме — либерально-глобалистской в экономике, технократически-постмодернистской в ценностях и евроатлантистской в геополитике. Главным каналом, через который постепенно осуществлялась явная и неявная ревизия голлистских начал французской политики, стал европейский интеграционный проект. Сегодня курс Франции почти во всех областях в решающей либо заметной степени зависит от Европейского союза, чье развитие как минимум с 1990-х годов приняло направление, кардинально расходящееся как с буквой, так и с духом деголлевской концепции Европы и его идей в целом.

В таком контексте обращение к образу де Голля неизбежно получило совершенно разные смыслы и функции. Для одних оно выступает источником и символом несогла-

сия с векторами развития, разочарования в эволюции западной демократии и цивилизации, отчуждения от правящих элит; для других, прежде всего для политического класса, — средством легитимации в условиях возрастающей эрозии общественной поддержки.

Превратившиеся в общее поветрие отсылки к де Голлю официальных лиц и лидеров системных партий выглядят в содержательном плане парадоксально. Неслучайно все такие декларации повально трактуются комментаторами как инструментальная эксплуатация деголлевской ауры в электоральных или иных тактических интересах. В большинстве случаев, опуская нюансы, эта оценка вполне обоснованна. Популярный журналист Эрик Брюне даже посвятил целую книгу теме лицемерия политического класса, который продвигает совсем иные подходы, но «цитирует де Голля, потому что это модно» и улучшает имидж [Brunet].

По сути же, принятый в качестве аксиом корпус постулатов, который независимо мыслящие французы называют доксой, или *pensée unique*, кардинально расходится с политической философией основателя голлизма. Многие из его принципов и убеждений в лучшем случае не приветствуются в публичном дискурсе, в худшем — безапелляционно отождествляются с «крайне правым популизмом». Когда в 2018 г. «Республиканцы» выпустили листовки с вполне голлистским лозунгом «За то, чтобы Франция оставалась Францией!», это тут же навлекло на партийное руководство шквал обвинений в «популистском и идентитарном дискурсе» «крайне правого» толка и трения внутри самой партии¹.

Причудливым образом это совмещается с канонизацией де Голля, чья первейшая фундаментальная цель заключалась как раз в том, чтобы «Франция оставалась Францией»². Поскольку его фигура превратилась в «монумент», пишет Э. Руссель в книге «Де Голль, французский монумент», она «практически выведена за рамки критического обсуждения» [Roussel, p. 10].

Эта парадоксальная на фоне отказа от деголлевских идей ситуация продиктована не только признанием заслуг крупнейшего деятеля, но и неписаным табу на содержательную полемику по ключевым спорным вопросам французской и европейской политики в публичном пространстве. В профессиональной литературе пределы дискуссии шире, хотя и там она ведется чаще всего полуэзоповым языком. В массовом же медийном сегменте, кроме альтернативных СМИ, тема отказа от деголлевского наследия отсутствует и даже его релятивизация и отрицание выражаются в непрямых формах (которые могли бы составить предмет конкретного исследования на тему «дискурсивных практик» и технологий сознания).

1 Lepelletier P. «Pour que la France reste la France» : un tract des Républicains suscite la polémique // Le Figaro. 05.06.2018. — URL: [lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/06/05/25001-20180605ARTFIG00135-pour-que-la-france-reste-la-france-un-tract-des-republicains-suscite-la-polemique.php](https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/06/05/25001-20180605ARTFIG00135-pour-que-la-france-reste-la-france-un-tract-des-republicains-suscite-la-polemique.php) (date of access: 05.05.2021).

2 См. напр.: Charles de Gaulle: «Une certaine idée de la France». — URL: [ina.fr/video/I00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france-video.html](https://www.ina.fr/video/I00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france-video.html) (date of access: 05.05.2021).

Открытый (порой тотальный) негативизм в отношении де Голля, конечно, имеет свои каналы выражения, однако по большей части за пределами основного медийного поля. Лишь иногда радикальную антидеголлевскую критику тиражируют крупные СМИ, прежде всего леволиберальной, левопрогрессистской, проевропейской направленности¹. Но крайне редко ее можно услышать в публичном изложении представителями высшего истеблишмента.

На таком фоне особого внимания заслуживает открывающая посвященный де Голлю номер журнала *Pouvoirs* за 2020 г. статья депутата от партии *MoDem*, вице-председателя (с января 2021 г. — председателя) комитета по международным делам Национального собрания Жан-Луи Бурланжа [Bourlanges]. Бурланж представляет национальную идею и внешнюю политику создателя Пятой республики в весьма негативном, даже карикатурном свете. Де Голлю приписывается претензия на «руководство миром»; его «большая дипломатия» названа «стратегией назойливой мухи, одновременно изворотливой и грубой, наглой и платонической»; «школа величия» противопоставлена «школе мудрости» и т.п. [Bourlanges, с. 5, 12–15]. Бывшего министра иностранных дел Доминика де Вильпена, чья блистательная речь в Совете Безопасности ООН 14 февраля 2003 г. против интервенции в Ираке вошла в историю, вызвав аплодисменты зала — уникальный случай в работе СБ, — Бурланж именуется «карикатурным выражением того, что в действительности есть школа отрицания» [там же, с. 14]. Пристрастность и резкость оценок плохо вяжутся с образом профессора, хотя автор несколько лет преподавал в «Сьянс-По», и напоминают обвинения политических оппонентов в адрес де Голля 1960-х годов.

Не предвещает эта публикация новый дискурсивный контртренд к «десакрализации» главного национального героя? Так или иначе, есть все основания видеть в ней симптом возросшей обеспокоенности влиятельных французских и международных элит — Ж.-Л. Бурланж долго работал в структурах ЕС — имеющимся во Франции запросом на возвращение во внешней политике к духу голлизма, которому время от времени отдает дань официальная риторика и дипломатия президента Э. Макрона.

Для немалой доли французов, как минимум заметной части элитных групп и отдельных сегментов политического класса де Голль явно остается символом не только великого прошлого, преодоления испытаний, французской идентичности, но и ценностей и подходов, далеко не утративших своего значения. С ним, как с референтным образцом, эта часть общества соотносит ключевые решения и векторы дальнейшего развития. Без этого его «длинная тень над Францией», феноменальность которой еще в 1980-х годах отмечал классик американского франковедения Стэнли Хофман², вряд ли витала бы до сих пор в умах и речах французов. Даже те, кто не разделяет носталь-

1 В качестве примеров можно назвать выступление бывшего главного редактора *Liberation* Сержа Жюли на канале *France Inter* и публикацию «Мифы (и ложь) генерала» в *Croix* [Legrand; De Gaulle et les gauchistes...].

2 *Hoffman S. Gaullism by any other name // Foreign Policy. 1984–1985. №. 57 (Winter). P. 38–57.*

гию по голлизму, признают, как например Бертран Ле Жандр, что главный национальный герой почитаем во Франции не столько за то, чем он был, «сколько за то, что он олицетворяет» [Цит. по: Flandrin].

«Вопрос «Как поступил бы де Голль?» не является ни глупым, ни напрасным...», — настаивает широко известный оппозиционный публицист и философ Мишель Онфре [Onfray]¹. И тех, кто задается этим вопросом, немало — на этот сюжет вышел даже роман «Возвращение Генерала» Бенуа Дютёртра, написанный в жанре политической фантастики и сатиры на современное общество². Принципиальные, а отнюдь не формальные, призывы вернуться к логике «деголлевской линии» звучат и на уровне гражданского общества, и в среде политической оппозиции, и в экспертных обсуждениях многих актуальных проблем. Примеров такого плана в современной Франции с ее все еще насыщенной интеллектуальной жизнью хватило бы на не одно пространное исследование. Если от политического движения голлизма сохранились лишь разрозненные «обломки», то влияние голлистского течения мысли на общественное сознание и политическую культуру французов гораздо значительнее³.

Историк Пьер Нора, консультировавший Э. Макрона по вопросам мемориальной политики, признавая востребованность голлизма, объясняет ее идеологическим вакуумом: «За какой вариант идеологии может зацепиться нация? Она больше не верит ни в социализм, ни в либерализм, ни в христианство, ни в коммунизм. Ни во что. Макрон имеет дело с распадающимся социумом. Следовательно, голлизм остается единственно возможным референтным образцом» [Цит. по: Flandrin]. Другие видят в «деголлевском мифе» прежде всего компенсаторное «противоядие» против депрессивных настроений, охвативших Францию на фоне ее упадка, ее прогрессирующего «выхода из истории» [Debray; Le Gendre].

Причины феноменальной значимости де Голля в сегодняшней Франции имеют множество граней. Она связана с его местом в национальной истории и ностальгией по былому величию; с кризисом элит и выстроенной ими системы; с закатом «великих идей» и дефицитом политических альтернатив в целом; с неудовлетворенностью вектором развития и протестными настроениями; с углублением разного рода расколов в обществе и потребностью в консолидирующем начале... Перечисление можно продолжать,

1 Onfray M. Les extraits de son nouveau livre explosif sur de Gaulle et Mitterrand // Le Figaro. 30.10.2020. — URL: lefigaro.fr/histoire/michel-onfray-les-extraits-de-son-nouveau-livre-explosif-sur-de-gaulle-et-mitterrand-20201030 (date of access: 01.06.2021). (это статья в Фигаро)

2 Duteurtre B. Le Retour du Général. P. 2010.

3 См.: Нарочницкая Е.А. Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // Франция на пороге перемен. М. ИМЭМО РАН. 2016. С. 210–220; Она же. «Суверенизм» против «глобализма» // Франция при президенте Эммануэле Макроне. М. ИМЭМО РАН. 2018. — С. 152–160; Она же. Крымский вопрос и позиция Франции // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №3. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/603/3_2019_1_7_24.pdf (date of access: 05.05.2021). Она же. Политическая философия Ш. де Голля — взгляд из XXI века. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188–198.

но в конечном счете особенно важным в этом ряду является содержание деголлевского идейного наследия, которое выглядит даже актуальнее и общезначимее, чем 50 лет назад.

Разумеется, конкретная сторона действий и планов де Голля неотрывна от контекста более чем полувековой давности; несет она и печать сугубо французской специфики. Но его краеугольные идеи прямо перекликаются с фундаментальными дилеммами, которые ныне выдвинулись в центр противоречий внутри отдельных обществ и на международном уровне, в том числе между Западом и Россией. Причем круг таких вопросов как нельзя обширен: судьба государств, наций и цивилизаций в эпоху пресловутой глобализации; формат и философия европейского проекта; параметры мироустройства и принципы международных отношений; но также — трактовка политики, демократии, правового государства; роль партий, адекватность классических идеологий и лево-правых делений; концепты народа и популизма; вопросы идентичности; подход к иммиграции; социокультурные вызовы научно-технической революции, смысл и направление прогресса и другое.

Как известно, при жизни де Голля нередко считали «принадлежащим XIX столетию». Более полувека спустя его все чаще называют «человеком позавчерашнего дня и дня послезавтрашнего», который опередил свое время, мысля процессами и вызовами, широко осознанными лишь десятилетия спустя. На его «даре предвидения» останавливались Жерар Барди, Марк Ферро, Арно Тессье, Эрик Бранка, Эрик Руссель и другие известные авторы посвященных де Голлю исследований, а историк Франсуа Керсоди даже насчитал 87 сбывшихся прогнозов генерала [Bardy; Ferro; Kersaudy; Roussel; Teyssier]. Это парадоксальное обстоятельство дополнительно указывает на потенциал политического мировоззрения «последнего великого француза».

Политическая философия: парадоксы или «гармоничные сочетания и синтез»?

Будучи не кабинетным теоретиком, а историческим деятелем в подлинном смысле слова, де Голль не оставил систематизированного изложения своих теоретических взглядов, что заметно осложняет их полное выявление и интерпретацию. Однако его эпистолярное творчество, дополненное многотомными изданиями речей и выступлений, аудиозаписями, массивом писем, воспоминаниями современников, рассекреченными архивными материалами, пронизано мыслями, которые складываются как минимум в эскиз политической философии с отчетливыми контурами и стержневыми принципами.

Де Голль обладал исключительной для военного или политика эрудицией, феноменальной памятью, панорамностью мышления и, вопреки утверждениям оппонентов о «раз и навсегда усвоенных» им представлениях, независимым, острым и живым умом. Хотя нигилизм ради отрицания был ему чужд, рабом даже самых авторитетных для него концепций он не становился — напротив, критически осмысливал все интеллектуальные источники, принимая лишь те элементы, которые его убеждали, и соединяя их по-своему. Будучи противником догматизма и высоко ценя интуицию, де Голль к тому

же до конца жизни соотносил свои убеждения с меняющейся реальностью и адаптировал их к задачам практической политики.

Его главные свершения, замыслы, неординарные поступки предопределялись в том числе мировоззрением, которое, в свою очередь, получало в них отражение — иногда зримое, а иногда требующее расшифровки. «Человек умолчаний», как назвал основателя голлизма Ф. Керсоди [Kersaudy], далеко не всегда полагал нужным раскрывать ход своих мыслей. Анализ практических действий немало добавляет к пониманию ряда элементов и эволюции деголлевских взглядов, тем более что декларативно-риторические (дискурсивные) элементы в принципе недостаточны для выявления логики человеческой деятельности.

Наличие у де Голля собственной политической философии было признано не сразу и остается полем разногласий. В академической историографии рассматривать в этом ракурсе, например, его международную стратегию начали не во Франции, а за рубежом, причем, как ни парадоксально, в США. Именно там в конце 1960–1970-х годов вышли «ревизионистские» по отношению к политизированной антидеголлевской публицистике университетские исследования Антона Депорта, Эдварда А. Коллоджея, Лоиса Паттисон де Менила, Филиппа Черни, в которых признавалось определенное новаторское содержание голлизма [см. Нарочницкая].

Для французов такой взгляд в принципе не был открытием — его изначально разделяли, осмысленно или интуитивно, многие голлисты и их сторонники. Так, в подобном ключе политика де Голля еще раньше была представлена в работах историка и левого голлиста Поля-Мари де Ля Горса [La Gorce De Gaulle... Idem. La France...]. В 1979 г. в ходе опроса парламентариев от неоголлистской партии более двух третей из них согласились, что де Голль не просто «по-своему применил известные политические принципы», а «создал «новую политическую философию»¹ [Новиков, с. 25]. Однако в партийно не ангажированном интеллектуальном и академическом сообществе Франции этот тезис, по ряду причин, стал предметом рефлексии лишь позже, уже на новом уровне освоения источников, с опорой на результаты бурно растущего массива детальных исследований отдельных аспектов деятельности и взглядов первого президента Пятой республики.

Стоит обратить внимание, что сам де Голль считал голлизм не доктриной, а «системой мышления, целеполагания и действия» («un système de pensée, de volonté et d'action»)² — то есть не чем иным как политической философией. Голлистское движение, в свою очередь, отличалось особенно широким разбросом позиций даже при жизни его создателя и тем более в последующем. Не случайно во Франции одинаково-

1 Небезынтересно, что этот опрос «Голлизм глазами голлистов» инициировал и провел с разрешения Фонда де Голля находившийся там в научной командировке советский франковед из Иркутска Г.Н. Новиков [Новиков, с.25].

2 *Gaulle Ch. de. Conférence de presse du général, 9 septembre 1968 // Discours et Messages. T. V. 1970. P. 332*

во широко используются два нетождественных понятия — «gaulliste»/«голлистский» и «gaullien»/«деголлевский, относящийся к де Голлю». Сам он предпочитал последнее и даже говорил, что у него «не было предшественников и не будет преемников» [цит. по: Gaulle Y.].

Сложность и спорность определения деголлевской философии связана с тем, что составляющие ее принципы и подходы, если брать их по отдельности, трудно назвать оригинальными и лишь неординарное по своему алгоритму соединение обычно противоположаемых начал придает его идейной системе новое качество. Неслучайно де Голль производил впечатление и цельности, и противоречивости одновременно. Впрочем, «противоречивым» или «амбивалентным» его особенно часто называли в порядке селективной критики, имея в виду, как Ч. Уильямс [Уильямс], неоднозначность действий, раздвоенность, элементы непоследовательности, лавирование и т.п. И хотя такие моменты также не могли не присутствовать в насыщенной политической биографии генерала, здесь мы имеем в виду совсем не это, а «противоречивость», или парадоксы, более высокого порядка.

Еще такой знаток Франции, как С. Хофман, находил «поразительными» свойственные деголлевской мысли «гармоничные сочетания и синтез». Именно в силу этого свойства, полагал он, «виртуоз политики» де Голль смог «развязать гордиев узел, сделав выбор в пользу современного и интернационального подхода при сохранении суверенитета и, в культурном плане, своей «идеи Франции»» [Hoffmann S., Hoffmann I.; Goldhammer]. В российском франковедении тезисы Хофмана были подхвачены и в ряде аспектов плодотворно развиты в ярком очерке иркутского профессора Г.Н. Новикова, по словам которого «голлизм предстает как синтез противоречивых элементов. В нем можно видеть одновременно проявление макиавеллизма (не в вульгарном, но в научно-историческом смысле) и христианского гуманизма, консерватизм и социально-прогрессистские идеи, особую форму французского национализма и интернационализма» [Новиков, с. 30].

Действительно, понятие синтеза — и/или уравновешенности разных начал — выхватывает общую системную черту мировоззрения де Голля, которая обнаруживается в его подходах ко всем сферам политики и, по-видимому, дает один из ключей к пониманию потенциала его идейного наследия.

Возможное возражение состоит в том, что все условные «измы» редко встречаются в чистом, идеально-типическом виде и конкретным мыслителям и политикам обычно присущи комбинации идей разных школ. Но из этого еще не следует, что деголлевский случай банален. Как правило, для идеологических конфигураций характерны явные доминанты, а немногие элементы иного порядка занимают в них сугубо подчиненное место; к тому же, для «промежуточных» взглядов типичны абстрактность и конъюнктурная эклектичность.

Мышление де Голля, даже если оно не вполне свободно от тех же дилемм, выбивается из этого ряда. Во-первых, у него присутствует многократный дуализм антитез, при-

чем антитезы равно ярко выраженных: консерватизма — и постоянной нацеленности на обновление; редкой историчности мышления — и неприятие жесткого детерминизма, признание вариантности будущего; рациональности — и идеалов; реализма — и волевого целеполагания, способности идти против течения; стратегического видения — и прагматизма; культа сильной власти — и абсолютного уважения к волеизъявлению народа; нациецентризма — и универсализма; государственничества — и признания основополагающей ценности личной свободы; реал-политического подхода — и ценностно-гуманистического, и т.д.

Во-вторых, соотношение альтернативных начал носит у де Голля динамический характер, варьируясь в приложении к различным ситуациям. Отсюда — хорошо известные расхождения исследователей в оценке деголлевского кредо в стереотипных терминах. Его место на шкалах «авторитаризм — либеральная демократия», «консерватизм — прогрессизм», «идеализм — рационализм» и т.д. нельзя определить однозначно. Отсюда же — эффект полифоничности деголлевского наследия и «деголлевской легенды», в которой самые разные течения могут отыскать созвучные своим взглядам элементы.

Но диалектическое, подчиненное определенной логике соединение разных начал не равнозначно случайной эклектике, оно меняет конечный смысл исходных компонентов, создает нечто большее, нежели их простую сумму, в данном контексте — отдельную политико-философскую парадигму. Вопрос о том, насколько удачным и проработанным было соединение тех или иных антитез у де Голля, является открытым, но потенциал самого принципа их соединения вряд ли можно отрицать.

В-третьих, у де Голля все это представлено не столько в виде абстрактных тезисов, сколько в рамках философии политического действия, конкретизировано в стратегии и тактике, в практических решениях. Неприятие доктринального догматизма, поиск динамического сочетания ценных элементов разных идейных школ, в преломлении к меняющейся многовариантной реальности и конкретным задачам — стержневые принципы построения его политической философии.

Своего рода синтетичность заметна и в его общем подходе к историческому процессу и стратегии исторического действия. Как известно, один из исходных философско-методологических споров вращается вокруг того, какое начало является ведущим в общественном развитии — экономическое, политическое, социальное, культурно-цивилизационное...? На современном Западе доминирует выросший из материализма и давно возобладавший здесь экономический детерминизм, к которому недавно добавились постмодернистский конструктивизм и упование на новейшие технологии, сулящие невиданные возможности в управлении социумом и личностью.

Де Голль, напротив, был убежден, что в конечном итоге «руководят миром идеи», что политике надлежит главенствовать над экономикой, а в ходе прогресса предстоит «обеспечить окончательное торжество духа над материей» [Gaulle Discours et Messages,

Т. I, p. 144]. Эта позиция определялась его взглядом на человека как существо, наделенное разумом, душой и свободой, — взглядом, основанным на христианском миропонимании и упрочившимся под влиянием разных интеллектуальных источников, в частности, идей Рене Шатобриана и Анри Бергсона. С этими убеждениями была связана вера де Голля в роль личности в истории, в то, что воля способна в ключевые моменты решающим образом изменить ход событий. Одновременно, в когнитивном, аналитическом, практическом планах для него были принципиально значимы все измерения общественной реальности. Именно это следует из типичных для де Голля перечислений всевозможных детерминант: демографических, политических, экономических, военно-стратегических, культурных, социальных, антропологических и т.д. — из его пристального внимания к разным областям, от обороны до экономики и культуры, из многоаспектности его реформ, из соединения геополитического и цивилизационного ракурсов. Иерархия сфер менялась лишь в текущей повестке, в зависимости от условий момента.

Обращаясь к идейному наследию французского деятеля, имеет смысл начать с его философии международной политики — сферы, которой он лично руководил и занимался, в которую внес капитальный, резонансный и долговременный вклад и где ностальгия по его подходам в современной Франции наиболее ощутима. В свою очередь, особый интерес во внешнеполитическом мышлении де Голля представляет диалектическое соединение, которое получили в нем национальное, европейское и глобальное измерения.

Как показали уже его работы 1930-х годов, ему было свойственно не только внимательно анализировать конкретный вопрос, невзирая на доминирующие стереотипы, но и вписывать его в более широкий контекст, мыслить крупными категориями во временном и территориальном смысле. «Де Голль планетарен, всемирнен», — подчеркивает М. Ферро, объясняя, почему в 1940 г. малоизвестный бригадный генерал открыто восстал против пораженческой линии правительства — в отличие от маршала Петена, казалось бы, не менее отважного патриота, националиста, героя войны 1914–1918 гг. [Ferro, p. 56]. Действительно, в своем историческом воззвании к соотечественникам де Голль подчеркивал глобальный характер начавшегося столкновения и предсказывал вовлечение в него всех планетарных сил, выводя отсюда и возможность, и императив продолжения борьбы [Gaulle L'appel...]. Ему сразу было ясно то, о чем многие тогда еще не задумывались: «...судьба нашей цивилизации поставлена на карту в нынешней войне, и она же будет основной проблемой послевоенного мира» [Gaulle Discours et Messages, T. I. P. 144]. (Но заметим, что разный выбор, сделанный де Голлем и Петеном в 1940 г., вытекал также из других капитальных различий их национального мировоззрения).

Миромасштабность мышления де Голля, предопределившая в годы президентства его особый интерес к внешней политике, хорошо известна. Ричард Никсон вспоминал: «Я встречал многих руководителей всего мира, и большинство из них казались мне по существу провинциалами. ... во время этих встреч... они размышляли лишь о своих

собственных странах и об отношениях с Соединенными Штатами. Де Голль обладал общим видением. Разумеется, он не выпускал из виду отношения между Францией и США... Но весь мир не был ему чужим. Он знал Латинскую Америку, Азию, Африку, и, само собой разумеется, Европу. В этом отношении он был одним из гигантов в области стратегической мысли» [цит. по: Новиков, с. 46].

Конечно, планетарный подход не был монополией де Голля. В разнотипных версиях — имперских, религиозных, идеологических, иных — глобалистские импульсы проявлялись в истории человечества с древности. Последнее же столетие, можно сказать, целиком прошло под знаком кристаллизации, столкновения и смены разных мировых проектов. Однако деголлевский универсализм стоит на их фоне особняком, указывая на возможность еще одной парадигмы. Прежде всего, в отличие от либерального, марксистского и технократического космополитизма/глобализма, он был слит с национальной идеей, которую де Голль вновь поднял на щит, одновременно стараясь переосмыслить ее в ключе, отличном от традиционных модулей экспансии, господства и раздела сфер влияния. Его национальная концепция — тема следующей статьи данного цикла.

Литература:

- Нарочницкая Е.А.* Франция в блоковой системе Европы, 1960–1980-е гг. М. 1993.
- Новиков Г.Н.* Два этюда о де Голле и голлизме. Иркутск. 2001.
- Рубинский Ю.И.* Де Голль и его преемники // Рубинский Ю.И. Приметы времени. В 3-х томах. Т. 3: Франция на новых рубежах. 2018. С. 5 - 259.
- Уильямс Ч.* Последний великий француз. Жизнь генерала де Голля. М. 2003.
- Bardy G.* De Gaulle avait raison, le visionnaire. P. 2016.
- Bonjour De Gaulle, bonjour ! — Revue politique et parlementaire. Dossier. 2020. (N 1094–1095).
- Bourlanges J.-L.* Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P.5–15.
- Brunet E.* L'Obsession gaulliste. 2016.
- De Gaulle et les élites / Sous la dir. de Berstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P. P. 2008.
- De Gaulle et les gauchistes, avec Serge July // France-Inter. 12.07.2020. — URL: franceinter.fr/emissions/de-gaulle-2020/de-gaulle-2020-12-juillet-2020 (date of access: 05.05.2021).
- De Gaulle, 40 ans après : un héritage toujours disputé // franceinfo. 01.11.2011. — URL: francetvinfo.fr/politique/de-gaulle-40-ans-apres-un-heritage-toujours-dispute_1619375.html (date of access: 05.05.2021).
- Debray R.* A demain de Gaulle. 1990.
- Devillairs L.* La nostalgie De Gaulle // Études. Février. 2021. — URL: revue-etudes.com/article/la-nostalgie-de-gaulle-23210 (date of access: 05.05.2021).
- Duhamel A.* Le général de Gaulle et l'opinion // Academie Sciences Morales et Politiques. Institut de France. 01.11.2020. — URL: academiesciencesmoralesetpolitiques.fr/2020/11/01/5-novembre-2018-alain-duhamel-le-general-de-gaulle-et-lopinion/ (date of access: 05.05.2021).
- Ferro M.* 1940–1944: un historien engage. Entretiens avec Marc Ferro // Herodote.net. 27.04.2021. — URL: herodote.net/Entretiens_avec_Marc_Ferro-synthese-2870.php (date of access: 05.05.2021).

- Flandrin A.* Le général de Gaulle, grand inspirateur d'Emmanuel Macron // *Le Monde*. 18.01.2021. — URL: lemonde.fr/idees/article/2021/01/08/le-general-de-gaulle-grand-inspirateur-d-emmanuel-macron_6065561_3232.html (date of access: 05.05.2021).
- Garrigues J.* Jean Garrigues: pourquoi les Français aiment tant Charles de Gaulle // *Le Figaro*. 09.11.2020. — URL: lefigaro.fr/vox/histoire/jean-garrigues-pourquoi-les-francais-aiment-tant-charles-de-gaulle-20201109 (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Ch. de.* Discours et Messages. T. I-V. 1970.
- Gaulle Ch. de.* L'appel du 18 juin du général de Gaulle. 18.06.1940 // *Gouvernement.fr*. — URL: <https://www.gouvernement.fr/partage/8708-l-appel-du-18-juin-du-general-de-gaulle> (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Y. de.* Le général de Gaulle était détesté par les classes dirigeantes et adoré par le peuple // *Le Figaro*. 18.06.2020. — URL: lefigaro.fr/vox/histoire/yves-de-gaulle-charles-de-gaulle-etait-un-createur-d-univers-20200618 (date of access: 05.05.2021).
- Goldhammer A.* Les leçons de Stanley Hoffmann pour la France d'aujourd'hui // *Slate*. 15.09.2015. — URL: <http://www.slate.fr/story/106831/stanley-hoffmann> (date of access: 05.05.2021)
- Hazareesingh S.* Le mythe gaullien. P. 2010.
- Hoffmann S., Hoffmann I.* De Gaulle, artiste de la politique. Paris. 1973.
- Jackson J.* De Gaulle. Une certaine idée de la France. Paris. 2019.
- Kersaudy F.* De Gaulle avait un don de visionnaire / Propos recueillis par Grépinet M. // *Paris Match*. 05.01.2020. — URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Politique/De-Gaulle-avait-un-don-de-visionnaire-1667552> (date of access: 05.05.2021).
- La Gorce P.-M. de.* De Gaulle entre deux mondes. Paris. 1964.
- La Gorce P.-M. de.* La France contre les empires. Paris. 1969.
- Lacouture J.* «De Gaulle avait du génie, Mitterrand du talent». Interview par R. Dely // *Libération*. 10.01.1996. — URL: liberation.fr/evenement/1996/01/10/de-gaulle-avait-du-genie-mitterrand-du-talent_160479/ (date of access: 05.05.2021).
- Le Gendre B.* Charles de Gaulle, ou les pouvoirs du mythe // *Le Monde*. 17.06.2010. — URL: lemonde.fr/livres/article/2010/06/17/charles-de-gaulle-ou-les-pouvoirs-du-mythe_1370632_3260.html (date of access: 05.05.2021).
- Legrand Th.* Les mythes (et mensonges) du général // *La Croix*. 20.08.2020. — URL: la-croix.com/Debats/mythes-mensonges-general-2020-08-20-1201109954?utm_medium=affiliation&utm_campaign=crx+abo+conversion+ete+juin+2019 (date of access: 05.05.2021).
- Michelon V.* VIDÉO - De Gaulle président ! Comment 7 des 11 candidats se réapproprient le général // *LCI*. 20.04.2017. — URL: lci.fr/elections/videos-presidentielle-2017-de-gaulle-president-comment-7-des-11-candidats-se-reapproprient-le-general-fillon-melenchon-macron-dupont-aignan-cheminade-hamon-le-pen-2044676.html (date of access: 05.05.2021).
- Onfray M.* Vies parallèles. De Gaulle Mitterrand. 2020.
- Roussel E.* De Gaulle, monument français. P. 2020.
- Teyssier A.* De Gaulle ne voulait pas qu'on l'emprisonne dans cette date du 18 Juin // *Marianne*. 18.06.2020. — URL: marianne.net/culture/arnaud-teyssier-de-gaulle-ne-voulait-pas-qu-l-emprisonne-dans-cette-date-du-18-juin (date of access: 05.05.2021).

ВЕКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-96-109

УДК 008; 93/94

ХАУКЕ РИТЦ

Технологии создания несвободного мира. I. Первичный код

Аннотация. Современная технологическая революция обладает настолько специфическими чертами, что ставит под вопрос наши представления о цивилизации в гораздо большей степени, чем все предыдущие революционные технологические прорывы. Не ведет ли она к разработке технологии создания нового мира, в котором не будет места свободе человеческой личности, и что сделало возможной такую траекторию технического прогресса? Чтобы ответить на последний вопрос, необходимо обратиться к логике развития естественных наук и особенностям доминирующей сегодня научной картины мира. В первой части статьи автор анализирует истоки научного метода, то есть базовые предположения о природе нашей реальности, которые предшествуют всем научным исследованиям и бессознательно структурируют их подход к реальности.

Ключевые слова: цивилизация, свобода, естественные науки, технологический прогресс, материализм, дух, сознание, внешний мир, внутренний мир.

Современный технологический скачок

Обратимся к предыстории сегодняшнего технологического развития, рассмотрение которой поможет яснее понять логику развития естествознания¹ в целом, а значит, и вызванного им технического прогресса. Принципиальный вопрос заключается в следующем: содержали ли сами основы научной картины мира Нового времени (на разных этапах ее становления, от Возрождения и Просвещения до индустриализации) те принципы, которые в дальнейшем предопределили траекторию технологического прогресса и привели к нынешней технологической революции? Этот вопрос сам по себе не нов, в немецкой философии он был поднят довольно давно: катастрофы XX столетия, в первую очередь Холокост, и изобретение атомной бомбы побудили к дискуссии о связи между возникновением и развитием естественных наук в начале Нового времени и ци-

---

Сведения об авторе: Ритц Хауке (Ritz, Hauke) — немецкий философ, культуролог и политолог, доктор философии по философии истории; лектор Гиссенского университета имени Юстуса Либиха; приглашенный лектор факультета глобальных процессов МГУ (2015), участник форума «Петербургский диалог»; член Зиновьевского клуба; hauke-ritz@versanet.de.

---

1 Термины «естествознание» и «естественные науки» используются ниже как синонимы, поскольку различные естественные науки связаны между собой общими эпистемологическими проблемами.

визационными катаклизмами XX в. Начало полемике на эту тему было положено еще до Первой мировой войны в работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [Weber, Вебер], а ее ответвления продолжались до падения Берлинской стены [См.: Ritz]. Центральным мотивом стала тогда критика модерна, его амбивалентности и разрушительного потенциала. Затем «победоносное шествие» постмодерна — как в академических теориях, так и в отношении к жизни — на тридцать лет закрыло дискуссию об основах нашей цивилизации. Однако происходящий в настоящее время технологический переворот заставляет ее возобновить.

Что общего у современной технологической революции с предыдущими и чем они отличаются друг от друга? В основе почти всех технических изобретений лежит, в той или иной форме, уплотнение — сжатие либо пространства, либо времени, либо того и другого. Например, паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, а позже и использование электричества позволили сжать и уплотнить как пространство, так и время.

Однако сегодня, в отличие от XIX в., новые технологии разрабатываются и начинают применяться гораздо быстрее, практически без переходных периодов. В эпоху глобализации они почти мгновенно распространяются в мировом масштабе, навязывая присущие им принципы различным культурам. Чаще всего имплицитные последствия технических инноваций задаются в культурном плане державой, обладающей технологическим лидерством. К примеру, интернет и смартфон внесли немалый вклад в распространение индивидуализма американского образца во всем мире.

Вместе с тем новые технологии, с которыми мы сталкиваемся сегодня, имеют важную особенность, уже существовавшую, но не так четко выраженную на предыдущих стадиях технологического развития. Они обеспечивают беспрецедентную централизацию информации — что, в свою очередь, имеет далеко идущие политические последствия.

Примером является сбор огромных объемов данных, ставший возможным благодаря интернету. В сочетании с распространением искусственного интеллекта и широким внедрением технологии 5G, методы data mining делают возможным создание «общества слежки», которое еще поколение назад казалось вымыслом из научно-фантастических романов. Тренд приобретает еще более тревожные очертания, если принять в расчет прогнозы создания квантового компьютера, которое увеличит уже имеющиеся серьезные вычислительные мощности до немыслимых масштабов. Впервые в истории человечества деятельность миллиардов людей сможет быть зафиксирована в едином центре, записана и частично автоматически обработана с помощью компьютерных программ. Сбор данных никогда еще не отличался таким глобальным охватом и точностью, а концентрация знаний почти неизбежно ведет к концентрации власти¹.

---

1 Представление о том, что законы о защите персональных данных, принятые в отдельных государствах, а также на уровне ЕС, могут обуздать такое развитие событий в современных условиях, выглядит наивным. Разведывательная деятельность, осуществляемая спецслужбами, ведется, например, вне правовой сферы. Кроме того, юридические барьеры, с которыми сталкиваются собирающие данные службы внутри своей страны, могут быть легко обойдены, в частности, с помощью международного сотрудничества отдельных спецслужб.

Тенденцию усиливают достижения в области генной инженерии и искусственной репродукции. Эти технологии, которые пока еще только начинают вносить революционные изменения в нашу жизнь, по самой своей имманентной логике также ведут к централизации знаний, власти и общественных отношений. Правда, предшествующие технические революции — создание паровой машины и двигателя внутреннего сгорания, изобретения современной химии и др. — в свое время тоже умножали потенциал разрушения и саморазрушения человеческого рода, что и сделало в итоге возможным ведение мировых войн. Однако прежние технические новшества сами по себе не входили в противоречие с гуманистической системой ценностей. По крайней мере, казалось, что разрушения, вызванные использованием этих технологий, были обусловлены скорее способом их применения, а не фактом их существования как такового. В XX столетии, несмотря на колоссальную скорость технического прогресса, можно было еще надеяться, что рано или поздно техника будет поставлена на службу гуманистическому развитию человечества.

Применение атомных бомб над японскими городами Хиросима и Нагасаки, причем одной из держав — победительниц нацизма, резко подорвало веру в гуманистическую направленность технического прогресса. Вообще появление атомной бомбы стало технологическим продолжением того, что фактически началось во время правления нацистской Германии: истребительные войны против славянских народов, холокост и медицинские эксперименты на людях. Впервые нечто демоническое стало проглядывать в технологии как таковой, а не только в ее использовании. Снимки человеческих теней на руинах, оставленных атомной вспышкой в Хиросиме, как и последствия испытания водородной бомбы «Касл Браво» на атолле Бикини, производили впечатление адской фантазмагии. Правда, вскоре привыкли и к существованию этой новой технологии. А поскольку ядерной войны не случилось, восстановилась и общая уверенность в пользе технического прогресса. Пожалуй, только в протестах против атомной энергетики сохранилось что-то от изначального ужаса перед ядерной технологией.

Преобразование общественной реальности, которое уже происходит и которое предвещают искусственный интеллект, сбор данных и 5G, вновь рождает подозрения, что техническое развитие современного мира окажется сродни «Фаустовой сделке». Оживший страх перед «демоном технологии» имеет основания: современная техническая революция действительно бросает капитальный вызов гуманистической системе ценностей нашей цивилизации, с которой она, по всей видимости, несовместима. Новые технологии изменяют практически все аспекты социальных отношений. Там, где эти технологии проникли в повседневную жизнь, очертания постгуманистической цивилизации уже явственно проглядывают, к чему мы еще вернемся ниже.

В этом контексте необходимо осознать, что ценности гуманизма представляют собой нечто большее, чем просто идеология или культура определенной эпохи. Они являются итогом длительного культурно-исторического развития, истоки которого отчасти лежат в древнегреческой философии, но в наибольшей степени — во влиянии христианства на европейскую культуру. В Новое время христианское понимание человека

постепенно трансформировалось в гуманистические идеалы Просвещения, сохраняя при этом в общих чертах свою христианскую суть. Просвещение придало христианским ценностным представлениям светскую современную форму, в которой они были имплицитно встроены даже в атеистическое мировоззрение.

Так, из христианской идеи равенства перед Богом в течение XVIII–XIX вв. постепенно сформировалось просветительское представление о всеобщем равенстве перед законом. Из представления о человеке, сотворенном по образу и подобию Божьему, вытекало понятие человеческого достоинства, что в дальнейшем сделало возможным появление учения о правах человека.

Завет любви к ближнему и социальная доктрина церкви создали почву для возникновения социальных утопий Нового времени. Они, в свою очередь, дали импульс длительному политическому противоборству, накал которого ослабел лишь с формированием социального государства.

В конечном счете, и христианское Средневековье, и гуманистический модерн объединяло признание уникальности каждого человека. Соответственно, за человеком признавалась ответственность и способность признать вину. В Новое время этот образ человека все более политизировался, постепенно становясь основой политических и социальных проектов, формировавших Европу со времен Французской революции до конца холодной войны. Каким бы новым ни был модерн, он оставался в логике преемственности европейского развития Запада. Только зарождение постмодерна в 1970 — 1980-х годах и связанное с ним мироощущение постистории ослабили связь между модерном и предшествовавшими эпохами [Taubes, s. 50].

Сегодняшние технологии сбора и обработки персональных данных, управляемых алгоритмами, исходят из совершенно иного представления о человеке и предполагают абсолютно иное отношение к истории человечества. Сегодня человека рассматривают лишь как среднестатистического представителя вида, чье потребительское поведение, предпочтения и даже умственное развитие в принципе можно предсказать, сравнивая его данные с миллионами других. В рамках такой концепции человека связь с историей прошлых поколений и эпох, передававших друг другу эстафету цивилизации, оказалась разорванной.

На этом фоне «эхо-камеры» интернета, чье влияние постоянно растет за счет самореперенции, предвещают возникновение общества, в котором процесс образования для каждого индивида с самого детства будет автоматически регистрироваться и управляться извне. В данных условиях свобода человека, как ее понимали до сих пор, в сущности, уже невозможна.

Антагонизм между техническим развитием и человеческими параметрами цивилизации приобретает сегодня беспрецедентный характер, и эта ситуация несопоставима с последствиями предшествующих технических революций, от появления паровой

машины до новейших открытий в химии и электротехнике. В этой связи необходимо задаться вопросом, насколько современное направление технического прогресса пре-
допределено сутью и духом самого естествознания.

Логические посылки естественно-научной картины мира

Естественно-научный метод принято считать объективным и нейтральным. Однако не стоит забывать, что естествознание, как и любая система мышления, основывается на определенных постулатах и допущениях, неизбежно предполагающих существование некой реальности и исключающих другую. Логические посылки, на которые опирается естественно-научный метод, можно идентифицировать. При этом не имеет значения, какие убеждения разделяет тот или иной ученый: религиозен ли он, воспитан ли в духе гуманизма, верит ли в свободу человека или отрицает ее. Решающее значение имеют только основополагающие принципы самого естественно-научного метода, которому должен следовать ученый, если он хочет, чтобы его работа получила научное признание.

На каких же исходных предположениях основывается естествознание? Какую роль приобрели естественные науки в Новое время? В какой степени особенности эпохи модерна были заданы триумфом естествознания?

На протяжении двух тысячелетий, между расцветом греческой философии и появлением естествознания в эпоху Возрождения, любая форма учености, в соответствии с устоявшимися традициями, должна была опираться и опиралась на систему идей. Осмысление реальности всегда было связано с попытками приписать ей некий смысл и расшифровать ее. Действительность существовала при условии собственной осмысленности.

Гениальность такого ученого, как Галилео Галилей, заключалась в том, что он порвал с этой условностью и исследовал действительность, не опираясь на идейную систему. Вместо этого Галилей рассматривал феномены такими, какими они явлены в реальности, пытаясь лишь понять их свойства и функции. Вопрос о глубинных причинах и существовании законов природы был отброшен, а во главу угла был положен эмпирический опыт [Niederer].

Отказ от познания идей привел к тому, что окружающий мир был в некотором смысле лишен сакральности. В профанированном мире, где наблюдаемые феномены больше не нужно было сводить к схоластическим идеям, естественные науки могли развиваться без ограничений. Исключив вопрос о глубинном смысле, ограничившись описанием и объяснением явлений и процессов, естественные науки получили возможность давать сопоставимые друг с другом, опирающиеся друг на друга и, главное, практически применимые результаты.

Другой важный элемент естественно-научной методологии заключается в предпочтении простого объяснения сложному. Этот принцип сформулировал еще Рене Декарт

в трактате «Рассуждение о методе» (1637 г.), где он назван третьим основным правилом научного мышления: «Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу» [Descartes, s.13¹].

Преимущества этого метода очевидны. Умозрительные, но не доказуемые рассуждения становятся неправомерными. В исследовании необходимо учитывать очевидное и простое, прежде чем переходить к сложному. Следовательно, комплексные феномены изначально следует разложить на относительно простые взаимосвязи.

Однако грань, отделяющая разумное применение картезианского принципа от его догматизации, размыта. В догматическом понимании, он означает, что исследовательская работа, для того чтобы считаться научной, должна разложить сложное на как можно более простые элементы. Но если сложное всегда расчленяется на простое, оно в итоге теряет свой комплексный характер и само предстает как нечто простое.

Например, эволюционная теория объясняет всю сложность жизни конкурентной борьбой видов и, таким образом, сводит ее к механизму естественного отбора. Зигмунд Фрейд, в свою очередь, пытается вывести сложные феномены человеческой психики, носящие в том числе духовный характер, из влечений, преимущественно сексуальных. Сегодня теория З. Фрейда, несмотря на свой редуционистский подход, располагается между естественными и гуманитарными науками. Современная психология переосмыслила себя как естественную науку, за счет чего тенденция сводить сложное к простому стала еще заметнее. Даже в области эстетики, традиционно относившейся к гуманитарной сфере, были предприняты попытки заимствовать редуционизм естественных наук. Так, отдельные теоретики пробовали объяснить феномен искусства средствами семиотики — как форму использования знаков [Goodman]. Другие утверждали, что хоть скоро произведение искусства обусловлено нормами и традициями, возникшими в ходе исторического развития, то, следовательно, оно может быть сведено к ним [Danto]. Считается, что подобный редуционизм обладает явными преимуществами по сравнению с теми теоретическими подходами, которые ищут смысл в художественном произведении.

Хотя существует множество примеров, когда вывод сложного из простого оказывается удачным, тем не менее следует задаться вопросом, не ведет ли редуционизм естественно-научного метода и его перенесение в определенные области гуманитарных наук к упрощению мира в целом. Не содержит ли в себе этот принцип отрицание существования чего-то более высокого и сложного? Если, например, как утверждает дарвиновская теория, человек просто происходит от обезьяны, то тем самым косвен-

---

1 Русский перевод: *Декарт Р.* Рассуждение о методе // *Декарт Р.* Сочинения в 2 томах. М. 1989. Т. 1. С. 250–296.

но предполагается, что человек — всего лишь несколько более смышленная обезьяна. Последнее, в свою очередь, обесмысливает тайну человеческого бытия, которая занимала теологию и философию на протяжении многих веков.

Проблему усугубляет еще одна методологическая черта естественных наук — тенденция к познанию реальности путем расчленения явлений на отдельные элементы. В уже упомянутом трактате Р. Декарта данный метод назван вторым принципом научного мышления [Descartes, s. 13]. Естественно-научная методология пытается постигать феномены, дробя их на отдельные компоненты, чтобы затем, двигаясь в обратном направлении, понять их взаимодействие.

Альтернативный подход основан на представлении, что целое всегда есть нечто большее, нежели совокупность составляющих его частей. Иначе говоря, целостность не может быть познана посредством расчленения на отдельные элементы — она может быть лишь разрушена. Так, музыкальное произведение трудно понять по отдельным нотам, а роман — по отдельным главам; их можно понять только при прослушивании или прочтении целиком, причем в той последовательности, в которой расположены ноты или главы. Только через объединяющую их структуру возникает целостный образ, который отсутствует в отдельных элементах.

Однако естественные науки, как правило, не следуют этому представлению. Вместо этого предполагается, что целое является и может быть только суммой отдельных компонентов и растворяется в них без остатка. В естественно-научной картине мира человек, например, является суммой функций своих органов, поэтому, согласно данному представлению, замена отдельных органов в ходе трансплантации кажется вполне оправданной. Однако в реальной жизни трансплантация органов — это весьма амбивалентный процесс, противоречия которого обычно не могут быть поняты в научном мировоззрении, но тем не менее сохраняются.

Сугубо функциональная ориентация естественных наук толкает к тому, чтобы считать познанием целого выявление простой причинно-следственной связи между его отдельными элементами. Как только живые многоплановые явления оказываются сведены к абстрактной функциональной причинно-следственной цепочке, естественные науки считают их уже познанными. В отдельных случаях феномен считается понятым, если можно найти математическую формулу, способную смоделировать его функции. Тот факт, что подлинное бытие и сущность явления отнюдь не выявляются при таком редукционизме, обычно забывается. Данный тренд, начавшись уже во времена Г. Галилея, постепенно усиливался на протяжении Нового времени и достиг своего пика в наши дни. В современной физике многие идеи почти полностью основаны на математических моделях. В качестве примера можно указать на теорию Большого взрыва: это явление, относящееся к невообразимо далекому прошлому, нельзя наблюдать, его можно только вычислить, и тем не менее его рассматривают как нечто, существование чего уже доказано.

Математическая модель здесь оказывается онтологизированной, то есть рассматривается как нечто сущее. При этом до сих пор неясно, в какой степени математические формулы соответствуют реальной действительности и имеется ли в ней что-то, что в принципе не может быть зафиксировано математически. В нашем представлении, таким феноменом, который не поддается математизации, является, например, сама жизнь.

Здесь мы подошли еще к одному логическому основанию естественно-научной мысли, коренящемуся в теории атомизма. Учение об атоме как элементарной единице бытия восходит к древнегреческому философу Эпикуру: уже у него «в центре этики стоял индивид, а в центре натурфилософии — атом» [Richter, s. 43]. Учение о мельчайших частицах было вновь подхвачено в начале Нового времени — в плоскости как натурфилософии, так и политической философии, — оказав наибольшее влияние на англосаксонский мир.

Там оно произвело двоякое действие. С одной стороны, оно способствовало появлению политических теорий, в которых общество сводилось к его наименьшей единице — индивиду, в силу чего отношения индивида с обществом можно было рассматривать только в контексте либеральной теории общественного договора. С другой стороны, оно благоприятствовало гегемонии естественно-научной мысли над гуманитарным знанием, поскольку перенос атомизма на общественную сферу создал трудности с обозначением коллективных процессов, таких как культурное развитие, не говоря уже об их истолковании.

Альтернативы атомизму, также имеющие свои корни в античном наследии и позволяющие лучше понять и описать культурные процессы, сформировались в XVIII–XIX вв. в немецкой философии [Ibid]. На протяжении XIX и в начале XX столетия они тоже пользовались большим влиянием, которое, однако, было утрачено в геополитических и исторических условиях, возникших после Второй мировой войны и на заре холодной войны.

Согласно теории атомизма, все предметы состоят из атомов, которые, в свою очередь, рассматриваются как неживая и инертная материя. Жизнь естественные науки трактуют как нечто вторичное, возникающее лишь тогда, когда атомы соединяются в молекулы, затем в аминокислоты и в конечном счете в более сложные клетки и организмы. Однако если основа реальной действительности — атомы — рассматривается как нечто неживое, то и живая материя оказывается лишь квазиживой. Жизнь возникает в лучшем случае за счет возрастающей сложности, комплексности, но по сути производна от неживой материи. Неживое рассматривается как первичное явление, за которым следует живое — как явление всего лишь вторичное.

В основе естественных наук лежит своего рода неписанный тезис о том, что живое представляется живым лишь потому, что из-за сложного, комплексного характера его не удастся понять до конца. Но как только наука окажется в состоянии полностью постичь эту сложность живого, живое можно будет признать фактически мертвым.

Уже Р. Декарт полагал, что животные представляют собой всего лишь сложные механизмы. То, что он распространял данное видение на человеческий организм, явствует из его необнародованного из страха перед инквизицией сочинения «Трактат о человеке» («*Traité de l'homme*»), которое было обнаружено и опубликовано после его смерти под латинским названием «*De homine*»¹. Тем не менее Декарт четко отделял от этой механистической концепции статус человеческой души, признавая за ней собственную форму существования — *res cogitans*, в отличие от *res extensa*. Однако современное естествознание не последовало за дуалистическим учением Р. Декарта о двух субстанциях, мыслящей и вещной, а придало его механистическому взгляду на организмы универсальный характер.

В свете этого неудивительно, что естественные науки сегодня в целом очень хорошо могут объяснить неживое, одновременно испытывая трудности с пониманием живого. Этот недостаток особенно очевиден, когда речь идет о попытках медицины и физики объяснить человеческое сознание. Поскольку, согласно господствующей парадигме, живое состоит из неживого (в данном случае — из атомов), то в рамках научной картины мира сознание также должно являться результатом синергии неживой материи.

Из этого проистекает подход, разделяемый сегодня многими нейробиологами, которые склонны отрицать сознание, понимая под ним лишь некий фильм в нашем мозге, генерируемый биохимическими реакциями. По их мнению, этот «фильм сознания», будучи субъективной реальностью для отдельно взятого человека, фактически является биохимически обусловленной иллюзией, необходимой для активации высших функций разума и, соответственно, инструментом эволюции природы. Естественные науки, таким образом, рассматривают сознание только как вторичное явление, которое можно объяснить через явление первичное — биохимические реакции в мозге. Сознание при этом не рассматривается как самодостаточная реальность, а считается феноменом, производным от неживой материи.

Другая, более глубокая причина того, что естественные науки не могут признать сознание как независимую величину, заключается в том, что они в принципе исходят из монистической картины вселенной. Однако космос может быть устроен монистически только при условии исчезновения противоположности между внешним и внутренним миром. Для этого требуется подчинение одного мира другому: внешнего — внутреннему или наоборот. Поскольку естествознание привязано к эмпиризму, мыслимым для него является только монистический космос, в котором внутренний мир считается подфункцией внешнего мира. Это предполагает, что человеческое сознание тоже должно быть каким-то образом сведено к компоненту внешнего мира.

Такое подчинение внутреннего мира миру предметному становится возможным за счет общепринятого сегодня отождествления сознания с мозговой деятельностью, хотя сложность душевных процессов до сих пор едва ли удастся объяснить с помо-

---

¹ В русском переводе: Декарт Р. Человек. М. 2012.

щью наблюдения за мозгом. Выявленные взаимосвязи носят главным образом функциональный характер и дают основания сводить ментально-эмоциональные процессы к деятельности мозга лишь в крайне ограниченной степени. Кроме того, существуют ментальные феномены, которые, похоже, противоречат прямому приравнению сознания к состоянию клинической смерти (предсмертные переживания, внезапное прояснение сознания у людей с тяжелыми повреждениями мозга [MacIsaac] и т.д.). Тем не менее, на уровне обыденных представлений привычное отождествление сознания и мозга впервые позволило закрепить монистическую структуру мира.

Сведение природы сознания к процессам внешнего мира кардинально меняет понимание роли субъектности/субъективности в процессе познания. Традиционно познание всегда было связано с познающим, а потому и с конкретными способностями последнего. Познающий был способен к индивидуальному, самобытному взгляду на действительность, зависящему от его внутреннего мира.

Естественно-научный метод идет прямо противоположным путем, рассматривая субъективность исследователя как препятствие для познания и пытаясь найти способы ее устранения. С этой точки зрения, в идеале исследователю надлежит подходить к предмету наподобие измерительного прибора (нейтрально и в некотором смысле безучастно), чтобы по возможности познать его таким, каков он есть на самом деле, то есть как чисто внешний феномен, не зависящий от проявлений внутреннего мира человека. Таким образом, место былой субъективности занимает внутренне нейтральная процедура, которая лишь регистрирует феномены. Белый халат естествоиспытателя, работающего в лаборатории, символизирует исключение человеческой субъективности, вынесение ее за скобки эксперимента.

Проблема здесь, однако, в том, что в действительности избавиться от субъективности невозможно, она постоянно вторгается в различные области и этапы процесса научного познания в виде идеологий, табу, рационализации. И пусть даже порой ее удается устранить, плата за исключение субъективности слишком велика. Для достижения хотя бы видимости бессубъектного познания наука вынуждена постоянно отвергать то первичное знание, которое люди имеют о себе в своем внутреннем мире.

Считается, что естествознание не может опираться на первичное знание, которое каждый человек имеет о себе, не может гармонизировать или взаимодействовать с ним; напротив, научный процесс познания предназначен противостоять этому первичному знанию человека о себе самом, отрицать его достоверность, подвергать сомнению его существование¹. Поскольку лишь таким образом возможно достичь кажущегося освобождения от субъективности.

---

1 Тот факт, что, например, кризис искусства действительно является кризисом субъективности, которая в наши дни все меньше соотносится с первичным знанием человека о себе, подробно проанализирован философом Дитером Генрихом [См.: Henrich].

Первичное знание, которое каждый человек имеет о себе, — это, например, знание о своем собственном сознании. Каждый человек знает не только то, что у него есть сознание, но и что это сознание представляет собой некое внутреннее пространство, противопоставленное внешнему миру. Однако это первичное знание отвергается в естественно-научной картине мира, ведь в монистической вселенной внутренний мир не может иметь статус первичного феномена.

Такое отрицание внутреннего мира и его привязывание к миру внешнему, в свою очередь, имеет важнейшие последствия для нашего сознания свободы. Сознание свободы также является первичным знанием и также ставит под угрозу монистический космос естественных наук, а потому отвергается ими в принципе — до всякого научного исследования и эксперимента на эту тему.

Поскольку естественные науки очень успешно выявляют причинно-следственные связи во внешнем мире и в неодушевленной материи, это открывает для них легкий способ решить дилемму. Решение заключается в том, чтобы универсализировать полученное опытное знание о причинно-следственных связях и перенести его на всю действительность. Выдвигается гипотеза о том, что весь внешний мир в конечном счете представляет собой последовательность причин и следствий. Хотя эта причинно-следственная связь в определенных случаях, в отдельно исследуемых феноменах является познаваемой и, следовательно, конечной, она — если положить ее в основу мира — оборачивается бесконечной цепью причин и следствий, которую можно только принять, но не доказать.

Однако в такой бесконечной последовательности причин и следствий по существу не может быть жизни в подлинном смысле и, тем более, сознания. Ведь если последовательность причин и следствий бесконечна и в принципе включает в себя все: весь внешний мир, а также внутренний мир, относящийся к внешнему миру, — то она включает в себя и жизнь со всеми ее проявлениями, а значит и сознание. Каждое движение живого существа, каждая мысль и решение человеческого сознания оказываются включенными в бесконечную последовательность причин и следствий и поэтому predetermined заранее. Сознание, свобода, а также знание о свободе сознания могли бы существовать в таком мире в лучшем случае как иллюзии, но не как элементы реальности.

Если существует сознание как самостоятельная величина, сознание, наделенное свободой, которое знает о том, что оно существует, опирается на себя самое и утверждает себя в своем обладании свободой, то такое сознание способно любым своим свободным действием пробить границы внешнего мира и разорвать его бесконечную причинно-следственную цепь. Однако естественные науки, как правило, в это не верят. Они исходят из того, что внутренний мир человеческого сознания может считаться частью внешнего мира, а значит, сознание также оказывается включенным в причинно-следственную цепь природы — как принято считать, бесконечную.

Поскольку естественные науки пока не могут доказать существование бесконечной причинно-следственной цепи, данное допущение носит метафизический характер [Falkenburg, s.45 ff]. Однако в отличие от философской метафизики естествознание, как правило, не осознает того, что опирается на базовые метафизические допущения. Иными словами, естествознание, в силу присущей ему бессознательной метафизики, редуцирует человека до его внешних проявлений. Приписывая даже внутренний опыт человека внешнему миру, естественные науки рассматривают его лишь как составную часть бесконечной причинно-следственной цепи природы, что означает серьезное обесценивание человеческого опыта.

Негативное отношение естественных наук к самосознанию человека, которым он наделен как носитель сознания, проявляется и в отрицании вопроса о существовании Бога. Изначально естественные науки не были атеистичны: знаменитые ученые, такие как Николай Коперник и Исаак Ньютон, открыто заявляли о своей вере в Бога. Коперник считал, что его гелиоцентрическая космология демонстрирует гармонию Божьего творения, а Ньютон в своей теории даже оставил пространство для божественного вмешательства. Однако в той мере, в какой естественные науки воспринимали мир через призму монизма, они должны были отвергнуть как опыт сознания и опыт свободы, так и значимость вопроса о существовании Бога. В период Просвещения в XVIII в. многие ученые оспаривали духовную власть церкви, а позже пытались с ней конкурировать, что способствовало закреплению естественных наук на позициях атеизма.

При серьезном подходе к объективности наука едва ли могла бы возражать против агностицизма. Агностицизм, который оставляет вопрос о существовании Бога открытым, в сущности совместим с научной методологией. Однако на деле все обстоит иначе. Современные естественные науки не признают агностическую точку зрения, они утвердились на позициях атеизма, несмотря на то что отсутствие Бога столь же недоказуемо, как и его существование. В естественно-научных исследованиях Бога нельзя допускать даже как недоказуемую возможность. Само упоминание вопроса о Боге в научных учреждениях сегодня чревато тем, что профессиональное соответствие ученого будет поставлено под сомнение.

Даже крупные физические открытия XX столетия мало что изменили в материалистической и монистической ориентации естественных наук. Теория относительности по сути совместима с образом детерминированного, неживого и не обладающего сознанием космоса. Некоторым из основных посылок естественно-научного мышления, о которых шла речь, по-видимому, противоречит квантовая механика. В то время как традиционное естествознание придерживается принципа, что каждое событие, при наличии соответствующих приборов, может быть описано четкими параметрами, квантовая механика исходит из того, что, имея дело с атомами, можно измерять только вероятности, а не точные числа. Таким образом, ставится под сомнение и предположение о бесконечной причинно-следственной цепи, охватывающей весь мир. Более того, квантовая механика признает, что сам процесс наблюдения уже может оказывать влияние на наблюдаемый объект, и, таким образом, отрицает возможность познания, полностью очищенного от субъективности.

Тем не менее, несмотря на широкое техническое применение, квантовая механика не повлияла всерьез на коллективную картину мира. Вряд ли представители естественных наук пересмотрели свой скептицизм по отношению к существованию души только из-за принципа неопределенности. Это может быть связано и с тем, что квантовая механика, основанная на математике, в плане абстрактности превосходит даже традиционное естествознание и уже поэтому вряд ли может стать альтернативой. К тому же квантовая механика применима лишь на уровне мельчайших частиц. Чтобы создать действительно новую картину мира, необходимо — как убедительно показал философ Йохен Кирххофф [Kirchhoff] — доказать прослеживаемые связи и переходы между процессами, происходящими на микро- и макроуровнях. В качестве математической модели принципиально не наблюдаемых процессов на уровне атомов квантовая механика являет собой чистую абстракцию, которая не может оказать полноценного воздействия на культуру из-за ее слабой связи с реальностью. Неудивительно, что современное естествознание все еще остается в рамках научной картины, рассматривающей мир как гигантскую систему производных, каждый следующий элемент которой обусловлен предыдущим.

Резюме

Все изложенное выше показывает, что, несмотря на разность областей исследования, естественные науки базируются на едином и вполне определенном мировоззрении. В этом естествознание принципиально не отличается от других умозрительных систем, будь то религиозные или философские. Удивляет это лишь потому, что именно естественные науки когда-то демистифицировали многие метафизические постулаты религии и философии.

Действительно, научное познание начиналось как свободный от предрассудков мыслительный процесс, оспаривающий религиозные догмы. Однако чем больше естественные науки стремились постичь мир как принципиально неживую, детерминированную, бессубъектную, несвободную и лишенную сознания систему производных, тем больше они вовлекались в создание новой метафизики, которая в ходе индустриализации постепенно приняла догматическую форму.

В этой связи встает ряд вопросов. В какой степени отрицание свободы со стороны естественных наук влияет сегодня на общий вектор технического прогресса? Можно ли делать выводы о направлении и логике развития самого технического прогресса, основываясь на картине мира, лежащей в основе естествознания? Существует ли связь между основными постулатами естественно-научной картины мира и появившейся технологической возможностью создания общества контроля / слежки [См.: Snowden], в котором все виды общественной активности будут фиксироваться и оцифровываться? Не может ли естествознание, отрицающее свободу человека в принципиальном плане, в конечном итоге породить и технологию несвободного мира? Возможен ли иной технический прогресс — если внести изменения в соответствующую естественно-научную парадигму? Возможен ли такой технический прогресс, который соответствовал бы достоинству человека и не вел бы к вторжению в его частную жизнь?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо более подробно рассмотреть отношение к религиям в естественно-научной картине мира. Об этом речь пойдет во второй части данного исследования.

Авторизованный перевод с немецкого
Елены Медведевой

В основу статьи положен доклад автора на международной конференции «Развитие цифровых технологий и современный социум: прогресс или дегуманизация?» («Technologieentwicklung, Kapitalismus und die Gesellschaft – Progress oder Dehumanisierung?»), организованной Фондом Розы Люксембург в Москве и состоявшейся 11 ноября 2019 г.

Литература

- Вебер. М. Избранные произведения. М. 1990. С. 44–271.
- Danto A.C. Die Verklärung des Gewöhnlichen — Eine Philosophie der Kunst. Frankfurt a. M. 1991.
- Descartes R. Abhandlung über die Methode richtig zu denken und die Wahrheit in den Wissenschaften zu suchen. Berlin. 2016. S. 13
- Falkenburg B. Ist die Natur kausal geschlossen? in: Mythos Determinismus — Wieviel erklärt uns die Hirnforschung? Berlin, Heidelberg. 2012, S. 45 ff.
- Goodman N. Sprache der Kunst — Entwurf einer Symboltheorie. Frankfurt a. M. 1997.
- Henrich D. Versuch über Kunst und Leben: Subjektivität — Weltverstehen — Kunst. München. 2001.
- Kirchhoff J. Räume, Dimensionen, Weltmodelle: Impulse für eine andere Naturwissenschaft. Klein Jasedow. 2007.
- Maclsaac T. Do Alzheimer's, Dementia Prove the Soul Doesn't Exist? // The Epoch Times. 02.09.2014.
- Niederer U. Galileo Galilei und die Entwicklung der Physik // Vierteljahrsschrift der Naturforschenden Gesellschaft in Zürich. 1982. №127/3. S. 205–229.
- Richter E. Deutsche Vernunft Angelsächsischer Verstand — Intime Beziehungen zwischen Geistes- und Politikgeschichte. Berlin. 2015.
- Ritz H. Der Kampf um die Deutung der Neuzeit. Paderborn. 2015.
- Snowden E. Permanent Record — Meine Geschichte. Frankfurt a. M. 2019.
- Taubes J. Ästhetisierung der Wahrheit im Posthistoire // Streitbare Philosophie: Margherita von Brentano zum 65. Geburtstag. Berlin. 1988.
- Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen. 1905.

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-110-127

УДК 008; 316.7

Яков Шемякин

Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях»

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения понятий культурного трансфера и диалога культур и их взаимосвязи как социокультурных реальностей в условиях «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба — Латинской Америки и России. Автор обосновывает мысль о том, что идентичность субъектов межкультурного взаимодействия является необходимой предпосылкой и ключевым условием осуществления культурного трансфера, иллюстрируя это положение латиноамериканскими и российскими примерами. В центре внимания — проблематика диалога культур. Автор полагает, что в основе всех сложностей, связанных с попытками реализации на практике идеала диалога — проблема, которую У.О. Куайн охарактеризовал как проблему «радикального перевода», т.е. понимания текстов, созданных представителями иной культуры, основанной на качественно иных представлениях о мире и жизни.

Ключевые слова: культурный трансфер, диалог культур, идентичность, универсальное, локальное, «радикальный перевод», ресемантизация.

Одной из самых обсуждаемых в мировом гуманитарно-научном сообществе тем стала тема культурного трансфера, что обусловлено ростом интенсивности взаимодействия различных культур на нынешнем этапе глобализации. Одним из создателей теории культурного трансфера является видный французский историк и филолог Мишель Эспань, чья книга «История цивилизаций как культурный трансфер» недавно увидела свет в русском переводе [Эспань]. Концепция М. Эспаня, бесспорно, оказала значительное влияние на всю сферу гуманитарных наук, поспособствовав сосредоточению внимания исследователей на подвижности культурных пространств. Однако в трудах французского ученого проявилась одна тенденция, с которой, по моему мнению, никак нельзя согласиться.

Идентичность как необходимое условие осуществления трансфера

«Говоря о культурном трансфере, — подчеркивает Эспань, — важно помнить, что речь не идет о том, чтобы рассмотреть ... отношения между культурными пространствами,

Сведения об авторе: Шемякин Яков Георгиевич — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук; shemyakin3@gmail.com.

будь они национальными или менее определенными этническими, лингвистическими, религиозными. Еще более важно не пытаться сравнивать эти пространства. Предмет рассмотрения гораздо более специфичен: необходимо выявить те точки, где две или более культуры действительно соприкасаются» [Эспань, с. 736]¹.

Почему же, по мнению Эспаня, «важно не пытаться сравнивать культурные пространства»? Согласно его утверждению, попытка сравнивать «только акцентирует идентичности национальных групп, в то время когда речь идет скорее о выявлении взаимодействий и взаимовлияний»; «исследования культурных взаимодействий ..., как правило, грешат излишним вниманием к замкнутости, закрытости культурных полюсов, каждый из которых обладает будто бы национальной идентичностью» [Эспань, с. 686, 39].

Можно, конечно, согласиться с тем, что «далеко не все возможно сравнивать и не все сопоставления имеют под собой почву» [Там же]. Но разве возможно изучать процесс взаимодействия без понимания того, кто взаимодействует? Трансфер предполагает пересечение границ культурных пространств. Но эти границы всегда отделяют «свое» от «чужого», что, как убедительно показал М. Эспань, предполагает соответствующую ресемантизацию. Подобное переозначивание при переходе границы культурного пространства неизбежно потому, что любое из таких пространств — это пространство субъекта межкультурного взаимодействия, который является субъектом именно потому, что имеет собственное неповторимое культурно-историческое «лицо». То есть идентичность.

Последняя является, таким образом, необходимым условием трансфера, представляющего собой, несомненно, неотъемлемую составляющую цивилизационного процесса. Но история цивилизаций — отнюдь не только культурный трансфер. Это прежде всего процесс формирования и утверждения идентичности каждой из цивилизаций, неотделимый от взаимодействия с иными человеческими мирами.

Сосредоточение внимания исследователей на феномене «подвижности культурных пространств» [Эспань, с. 687] может быть вполне оправданно в рамках решения конкретной исследовательской задачи. Но абсолютизация этого вектора искажает реальную картину межкультурного взаимодействия, которое в любом случае является взаимодействием идентичностей — сложившихся, формирующихся или даже постепенно дезинтегрирующихся. Следовательно, культурный трансфер неизбежно предполагает диалог различных традиций.

Диалог культур как предпосылка и условие культурного трансфера

Теме диалога посвящены горы литературы. Идеал диалога общепризнан в мировом сообществе. И тем не менее, сложностей как в понимании проблематики, так и (тем более) в том, что касается попыток практического воплощения этого идеала, сегодня не

---

1 Здесь и далее цитаты из книги приводятся со стилистическими погрешностями, к сожалению, присутствующими в данном издании; исправлены только синтаксические ошибки. — Прим. ред.

меньше, чем раньше. Это не случайно. В основе всех сложностей, связанных со стремлением осмыслить и реализовать принцип диалога, — проблема, которую Уиллард ван Ормен Куайн охарактеризовал как проблему «радикального перевода», т.е. понимания текста, созданного представителем иной культуры [Куайн, с. 43], основанной на качественно иных представлениях о мире и жизни. Куайн пришел к выводу, что «всякий межъязыковой перенос производится на основе принципа неопределенности» [Стайнер, с. 372]. «Нет никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предложений, невосприимчивых к независимому контролю» [Куайн, с. 94].

Особое значение имеет то обстоятельство, что в условиях глобализации умоглядная, на первый взгляд, проблема «радикального перевода» превращается, по точной оценке И.В. Следзевского, «в гигантскую по своим масштабам проблему культурной эквивалентности смыслов диалога» [Следзевский, с. 138]. Одни и те же, общие для всех культур общечеловеческие понятия (добро, истина, красота, любовь и т.д.) могут получать совершенно разные интерпретации у представителей разных цивилизаций, отличающихся подходами к решению ключевых вопросов человеческой экзистенции.

В этом случае «предпосылочное знание» (т.е. знание, получаемое человеком в процессе социализации в силу принадлежности его к тому или иному культурному космосу) [См., например: Osterhammel Die Entzauberung... Osterhammel Geschichtswissenschaft jenseits... Саид; Ионов Цивилизационное сознание... с. 14,21,28,31,33,36 и др.; Ионов Память... с. 32–53; Вжосек Классическая... с. 5–13; Вжосек. Культура... с. 147 и др.], на основе которого происходит самоидентификация, может превратиться (и, как показывает печальный опыт, слишком часто превращается) в фактор отторжения чуждых смыслов и, тем самым, в препятствие для диалога, а, следовательно, и для процесса культурного трансфера.

* * *

По М. Бахтину, «жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге». Человек «вкладывает всего себя в слово и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [Бахтин Эстетика...с. 337]. «Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Там же, с. 330]. Согласно Бахтину, «человек... реально существует в формах я и другого» [Бахтин Человек... с. 12].

Из этих положений вытекает, что понятие диалога охватывает не только сферу взаимоотношений между людьми, но и диалог человека с самим собой. Следуя за ходом мысли Бахтина, можно сделать заключение, что в душе каждого индивида происходит диалог различных ипостасей его личности. Всякий человек многолик. Но все многообразие его ликов тяготеет к двум полюсам, двум ипостасям: в одной человек выступает

как универсальное родовое существо, *homo sapiens*; в другой — как индивидуальный представитель той локальной общности, в рамках которой он сформировался и к которой он принадлежит. Как правило, конкретный человек принадлежит одновременно к нескольким общностям, которые в рамках его индивидуальности образуют иерархию различных уровней локального. Так или иначе, и универсальное, и локальное измерения его жизни имеют сложную структуру.

Кроме того, в работах последних лет автор этих строк пришел к заключению, что в основе культур и цивилизаций (на всех уровнях — от индивида до общностей различного уровня и масштаба) лежит диалог трех парадигм универсального: наследия архаики, 1-го (по К. Ясперсу) и 2-го (по Ш.Н. Айзенштадту и др.) «осевого времени» [Шемякин Глобальное... с. 18–27, 30; Шемякин Культура...].

В развитие этой концепции подчеркнем: взаимодействие упомянутых трех парадигм есть важнейшая составляющая диалога универсального и локального. Универсальное и локальное во всех их проявлениях — составляющие единого процесса диалогического общения, единого полилога, и соотносятся они друг с другом по принципу сферы, то есть, они взаимообусловлены. Данный полилог лежит в основе всех разновидностей диалога в человеческой жизни. Соответственно, культурный трансфер всегда происходит в силовом поле взаимодействия универсального и локального и трех парадигм универсального.

* * *

При диалоге универсального и локального происходит двойная ресемантизация: переосмысление и переозначивание универсального в соответствии с локальными представлениями и условиями и переозначивание самих локальных реалий, в том числе специфических форм самовыражения той или иной общности, согласно свойственной данной общности взаимосвязи трех парадигм универсального.

В рамках полилога этих парадигм в локальном контексте центральное значение приобрело переозначивание основных элементов картин мира, свойственных мировым религиям, с точки зрения архаической парадигмы. Прежде всего — перетолковывание христианской концепции социума в парадигме восприятия социальной общности как организма (тела), с трактовкой социальной иерархии в соответствии с представлениями о функциях органов тела. Классическим примером здесь может служить картина мира, представленная в знаменитой «Голубиной Книге», где освященная церковью концепция мироздания и социального устройства переосмыслена с точки зрения восходящей к глубинам архаического сознания индоевропейской трактовки рождения мира из тела Первочеловека [Топоров Мировое дерево... с. 127–147 и др.; Иванов, Топоров, с. 456]. Анализируя содержание этого памятника народной религиозной поэзии, В.Н. Топоров выделил серию «космологических вопросов и ответов, в которых содержится также отождествление элементов Космоса и Бога, наделенного антропоморфной внешностью...» [Топоров Мировое дерево... с. 130; Голубиная книга... с. 35–36].

Творческая аналогия как способ осуществления культурного трансфера

Главный принцип, в соответствии с которым происходит культурный трансфер, был охарактеризован крупнейшим мексиканским поэтом и мыслителем, лауреатом Нобелевской премии О. Пасом как творческая аналогия. В основе этого метода — поиск «точки встречи»¹ различных традиций, в том числе изначально очень далеких друг от друга, отличающихся противоположными подходами к ключевым экзистенциальным проблемам. По словам О. Паса, «аналогия созидает по принципу единства или соответствия противоположностей...» [Пас, с. 145], обнаружения того, что их соединяет. То есть, если говорить языком гегелевской диалектики, — общего основания сторон противоречия, само существование которого является условием его возможного разрешения. Именно это общее основание порождает первичный импульс, побуждающий к началу взаимодействия и, соответственно, к возможности трансфера в самых различных областях — от быта до духовной культуры. Данное основание обусловлено, по-видимому, единством психофизиологической природы всех представителей *homo sapiens* и вытекающими из него общими потребностями. Наряду с витальными потребностями, которые объединяют человека со всем миром живого (в пище, воде, сексе, продолжении рода), существует и собственно человеческая потребность в обретении смысла существования. Результаты фундаментальных исследований свидетельствуют, что стремление так или иначе удовлетворить ее — определяющая бессознательная мотивация поведения «человека разумного» [См.: Бессознательное... с. 321–323].

Однако обрести смысл существования в ситуации столкновения первоначально чуждых друг другу культур невозможно без преодоления логики их тотального противостояния, в которой проявляет себя разрушительная, энтропийная тенденция. Как показывает опыт человеческой истории, абсолютное, нигилистическое отрицание Другого, культуры, основанной на качественно иных представлениях о мире и жизни, чревато разрушительными последствиями, духовным распадом как для объекта отрицания, так и для того, кто отрицает. На мой взгляд, ярким подтверждением этого тезиса служит история взаимодействия культур в Новом Свете, начиная с эпохи конкисты вплоть до наших дней. Эта история изобилует выразительными примерами преодоления ситуации первоначального взаимного отторжения в результате двойной ресемантизации: переозначивания элементов автохтонных культур в системе образов христианской мифологии и переосмысления этих образов в соответствии с индейскими представлениями о мире и жизни.

Приведу несколько примеров, иллюстрирующих эту мысль.

В условиях, когда рыцари как «военной», так и духовной конкисты утверждали свою культуру как победители, главными формами, в рамках которых происходило взаимодействие европейской (иберийской) и автохтонных культур, закономерно стали те

---

¹ Этот метод нашел широкое признание, в том числе — в современной латиноамериканской мысли [См., например: Chacón Mata, p. 52–53, 57; Beuchot, p. 62].

элементы христианской традиции, которые были наиболее близки мифологической подпочве самой европейской цивилизации, а тем самым и мифологическому духовному космосу индейцев. Ключевую роль здесь сыграли такие христианские образы, как Богоматерь (в очевидной взаимосвязи с образами богинь плодородия и Матери-Земли — Тонацин у ацтеков, Пачамамы в Андском регионе и т.п.) и святые (в связи с культом предков).

Именно образы Девы Марии и святых стали теми основными символами, с которых начался процесс установления первоначально симбиотической взаимосвязи, а впоследствии — и синтеза автохтонных и иберийских культур. Примерами могут служить история возникновения культа Девы Гваделупской, а также огромная популярность многочисленных святых, особенно местных (во многих случаях отождествившихся в народном сознании с персонажами индейского мифологического пантеона), в «народном католицизме». Согласно легенде, Дева Мария явилась бедному индейцу Хосе Диего на холме Тепейак, где до конкисты был храм Тонацин. Эта история стала темой и сюжетом для народных театрализованных представлений (ауто и колокио), танцев (митоте, сарао). Тема «гваделупского явления» стала предметом осмысления на этапе формирования мексиканской литературы. В творчестве наиболее известных ее представителей, отличающемся, по словам В.Б. Земскова, экстравагантной и «чрезмерной» метафоричкой, отчетливо ощущается опосредованная связь с поэтикой ацтекских «песен цветов» [История литератур... с. 414]. Так, в произведении одного из ведущих представителей зарождавшейся культуры, поэта и мыслителя XVII в. Карлоса де Сигуэнсы и Гонгоры «Индийская весна. Священно-историческая поэма о святейшей Деве Марии» «мотив цветка, одного из корневых образов ацтекской поэзии, составлял основу поэтической ткани повествования о чудесном явлении Девы индейцу Хосе Диего» [История литератур... с. 414]. Характерный штрих: практически на всех известных изображениях Девы Гваделупской она предстает смуглянкой, являя собой зримое символическое воплощение процесса, определившего главную черту идентичности латиноамериканской цивилизации — метисации, причем как биологической, так и духовной.

Примерами творческой аналогии (см. выше) О.Пас называл «поэтическую метафору и эротическое объятие» [Пас, с. 147]. Взаимодействие испанской и автохтонных культур было (и остается во многом по сей день) интенсивным процессом циркуляции и постоянного переозначивания метафор в общем семантическом поле. Примером же воплощения в реальности творческой метафоры эротического объятия стал процесс метисации в Испанской Америке, утверждение (прежде всего в повседневной практике) идеи единства человеческой природы и ценности человеческой жизни во всех ее проявлениях, вопреки всем попыткам разрушить «мир индейцев» (*república indígena*) или изолировать его от мира белых.

Значительно сложнее, чем с образами Богоматери и святых, обстояло дело с трансфером в индейскую среду центрального символа христианства — образа самого Христа, особенно догмата о Св.Троице [См. Шемякин Европа и Латинская Америка... с. 92–95]. Но и здесь происходило постепенное встречное движение. По-видимому, осо-

бое значение имело «узнавание» индейцами в символе распятия хорошо им знакомого архетипического образа Мирового Древа. Очевидно, первостепенное значение имело то обстоятельство, что символ креста выполняет одну и ту же функцию в образной системе как христианства (распятие), так и в доколумбовых религиях (Мировое Древо). Разумеется, содержание, вкладываемое в этот символ в том и другом случае, отличается коренным образом. Но в духовном космосе как испанцев, так и индейцев крест обозначал сакральный центр мира, ось, вокруг которой организуется вся пространственно-временная структура мироздания. Так, вертикаль строится в представлениях о Мировом Древе на основе различения основных пространственных зон: верхней (небесное царство), средней (земля, мир людей) и нижней (подземное царство с многочисленными хтоническими сущностями). Эта структура восходит к истокам древнейшей индоевропейской традиции V–IV тысячелетий до н.э. и присутствует, пусть и символически переосмысленная, в христианстве [Гамкрелидзе, Иванов, с. 851–852]. В основе своей она аналогична и в индейских мифологиях, хотя базовая схема троичного деления мировой вертикали усложнена: достаточно вспомнить 13 небес и 9 подземных миров в мифологии майя и науа [Мифы народов мира... с. 519].

Через образы Девы Марии, святых и (в какой-то мере) Христа индейцы подключались к духовному ядру христианской цивилизации, проявляя собственную культурно-историческую индивидуальность в интерпретации этих образов, которая заметно отличалась (причем с самого начала) от ортодоксальной. Но это был не единственный канал коммуникации и взаимодействия между двумя человеческими мирами.

Многие конкистадоры и католические монахи воспринимали (особенно в первые десятилетия конкисты) действительность автохтонных культур как «царство сатаны». Но даже такое восприятие не исключало проникновения элементов индейских верований в духовный мир европейцев. Дело в том, демоническое, сатанинское начало было включено в христианский духовный универсум, пусть и в качестве отвергаемой, загниваемой в подполье, но тем не менее неотъемлемой его части. Поэтому те элементы автохтонных (а впоследствии и африканских по происхождению) верований, которые были несовместимы с католической системой ценностей, оказались включены в общую структуру европейско-христианской цивилизации в качестве одного из проявлений демонической периферии культуры.

В результате в Латинской Америке возникла в высшей степени причудливая амальгама европейских, индейских и африканских представлений о различного рода духах [См., например: Revista... р. 227–228]. В данном случае имело место непосредственное соединение мифологического сознания автохтонных народов и потомков африканских негров-рабов с сохранившимся под спудом христианства языческим пластом самой европейской культуры.

Надо сказать, что в процессах, происходивших в Новом Свете, обнаруживаются прямые параллели с тем, что происходило в ходе становления новой цивилизации на просторах Восточноевропейской равнины. Образование новой культурной реально-

сти здесь также началось тогда, когда были найдены знаковые структуры, приемлемые для всех основных участников взаимодействия (к числу которых принадлежали древняя славянская языческо-мифологическая традиция и восточное христианство византийского происхождения и характера), способные стать символами их единства. На Руси в этой роли в первую очередь выступали культы святых заступников, «которые взяли на себя покровительствующие функции добрых славянских божеств» [Милюков, с. 348, 350]. Впоследствии ключевое значение для Руси — России приобрела символическая форма, в рамках которой осуществлялся синтез восточнохристианской традиции в ее кирилло-мефодиевской разновидности, античного наследия и архаических языческих верований восточного славянства. Речь идет об образе Софии — Премудрости Божией, который занимает главное место в духовном мире и деятельности Св. Кирилла [Топоров Святость и святые... с. 65, 78–80, 97, 233]. Образ-символ Софии оказался тесно связан с культом Богородицы, которая во многих случаях отождествлялась в народном сознании с Матерью-Землей. Этот феномен прослеживается вплоть до XX в. [Власова, с. 604] В.Н. Топоров подчеркивал в этой связи: «...обращают на себя внимание переключки между мифологическим образом Земли и позднесофиологическими попытками понимания Земли как Софии» [Топоров Святость и святые... , с. 78].

Так же как и в Латинской Америке, в духовном космосе России-Евразии элементы древней языческо-мифологической восточнославянской традиции продолжали играть активную роль во взаимодействии различных цивилизационных начал. Хотя высший уровень пантеона божеств восточнославянской мифологии был полностью разрушен массивным наступлением православной церкви в ходе христианизации X–XIV вв., сохранился целый сонм «низших» духов земли, воды, леса и т.д. По свидетельству известной исследовательницы верований восточных славян (в том числе и тех форм, которые продолжали существовать в XIX–XX вв.) М. Власовой, «отношение к разнообразным духам природы и дома после принятия христианства оказалось двояким: с одной стороны, от них ограждались молитвой и крестным знаменем, с другой, с ними христосовались на Пасху. И в качестве нечистой силы лесные, водяные, домовые духи продолжали играть важную роль в жизни крестьян, о чем свидетельствует и популярная поговорка: «Богу молись, а черта не гневи» [Власова, с. 605]. В многочисленных праздниках крестьянского календаря «почитание христианских святых, Бога, Богородицы слито с почитанием сил природы» [Там же, с. 603]. То же самое можно сказать о многих памятниках семейной обрядовой поэзии и о заговорах, которые являются древнейшим жанром фольклора. Его отличительная черта — словесные формулы, с помощью которых люди пытались воздействовать на окружающий мир, на собственную судьбу. Они сочетались, как правило, с магическими действиями. И хотя «большое влияние на заговоры оказало христианство (появились образы Христа, святых, Богородицы)», языческая основа заговоров «сильно повлияла на христианские наслоения — молитвы. Так, языческий заговор — это требование, и христианская молитва в заговорах часто переосмысливается в требование» [Славянский фольклор... с. 91–92].

* * *

Все приведенные примеры — иллюстрации трансфера, который происходил между двумя духовными вселенными: архаической и первой «осевой» (христианской) парадигмой универсального. Такой трансфер не мог быть простой передачей информации (даже понимаемой в самом широком смысле, как передача не только сведений, но и смыслов). Для преодоления «стены», ограждающей иную картину мира, необходимо было создать воображаемую реальность, что предполагало активное подключение фантазии, вымысла. Именно они играли роль «мостов», по которым проникали в первоначально чуждую среду новые для нее идеи и образы. Это соображение совпадает с выводом, к которому пришел в результате своего фундаментального исследования Дж. Стайнер: «Считаю, что сообщение информации, наглядных и верифицируемых «фактов» — лишь одна функция (и, возможно, не основная) человеческой речевой деятельности. Потенциалы вымысла, контрафактивности, неведомой будущности характерны для истоков и природы речи. Именно они отличают речь от иных сигнальных систем, используемых животными. И именно они определяют уникальность (и часто неоднозначность) человеческого сознания и придают творческий импульс отношению этого сознания к «действительности» [Стайнер, с. 595–596].

Пожалуй, самой яркой иллюстрацией той роли, которую играло творческое воображение в возведении «мостов» между первоначально, казалось бы, бесконечно далекими друг от друга человеческими мирами, может служить практически вся «литература открытий и конкисты». В ней получили новую жизнь все персонажи европейской мифологии, особенно античной. Конкистадоры и первооткрыватели Америки искали и «находили» в Новом Свете амазонок, песьеголовцев и т.д.¹

Культурный трансфер в цивилизационном «пограничье»: основные особенности

Закономерности, которые были проанализированы выше, относятся к любому процессу межкультурного взаимодействия. Однако в разных типах цивилизаций культурный трансфер происходит по-разному. Есть существенные отличия в том, как разворачивается этот процесс в великих «классических» цивилизациях Востока (конфуцианско-буддийская Восточная Азия, индо-буддийская Южная Азия, мир ислама) и Запада и в цивилизационном «пограничье» (Россия-Евразия, Латинская Америка, Балканская культурно-историческая общность)².

---

1 См. цикл книг А.Ф. Кофмана, посвященных эпохе конкисты и историко-культурному типу конкистадора, в которых можно найти массу ярких иллюстраций этого тезиса [Кофман Америка несбывшихся чудес; он же. Испанский конкистатор... он же. Рыцари Нового Света; он же. Под покровительством Сантьяго... а также История литератур Латинской Америки...].

2 Определенные черты «пограничности» сохраняет и Пиренейская Европа, хотя начиная с 60-х годов XX в. доминирующей тенденцией ее развития является интеграция в цивилизационную систему Запада.

Напомню, что «классический» и «пограничный» цивилизационные типы различаются принципиально разным соотношением основополагающих системообразующих принципов единства и многообразия. Все цивилизации представляют собой огромные по своим масштабам человеческие миры, отличающиеся бесконечным многообразием, но единые в глубинной своей основе. Однако в «классических» цивилизациях доминирует начало единства, существует некий прочный духовно-ценностный стержень, пронизывающий многообразие, скрепляющий его. В «пограничных» цивилизациях картина обратная: многообразие преобладает над единством, которое, однако, тоже вполне реально¹.

Данное коренное структурное отличие наиболее ярко и зримо проявилось в принципиально различном решении проблемы «Другого». Именно подход к этой проблеме и обуславливает характер протекания культурного трансфера. Образ «Другого» — неотъемлемая часть любого процесса самоидентификации. Через сопоставление с этим образом, во многих случаях перерастающим в противопоставление ему, утверждается собственная идентичность.

Для великих «классических» цивилизаций («субэкумен» по терминологии Г.С. Померанца) во многом характерны «исключающие» дискурсы². В их основе утверждение идеи собственной исключительности. «Другой» включен в картину мира осуществляющей самоидентификацию цивилизации, но лишь в качестве реальности, абсолютно ей чуждой и в любом случае занимающей неизмеримо более низкое место в иерархии бытия («варвары» в противоположность «эллинам», а также продолжавшие эту линию дискурсы в истории Запада; «варвары» в истории Китая, противопоставляемые «Срединной империи» как образцу организации человеческого общества; «дар-аль-харб» — еще не подвластная нормам истинной веры «территория войны», т.е. все немусульмане в истории исламского мира)» [Шемякин Культура... с. 60].

В «пограничье» ситуация принципиально иная: «Другой» воспринимается здесь (причем независимо от характера отношения к нему) как неотъемлемая часть собственного жизненного и культурного пространства, он включен в собственный мир каждого из участников взаимодействия [Там же, с. 60–61].

Свойственное цивилизационному «пограничью» решение проблемы «Другого» прямо обусловлено его ключевой характеристикой — доминантой многообразия при парадоксальном сохранении единства *sui generis*. При подобном соотношении этих основополагающих начал культурный трансфер может играть культуросозидающую роль в том случае, если в полной мере задействован специфический механизм обеспечения целостности цивилизационной системы.

1 Данная концепция разрабатывалась автором этих строк на протяжении последних трех с лишним десятилетий [См. Европа и Латинская Америка..., а также статьи в научных журналах, в том числе из последних публикаций: Шемякин Россия и Латинская Америка... Shemyakin Identidad...].

2 По крайней мере, для западной, китайской и исламской. В случае с индийской субэкуменой ситуация сложнее и требует отдельного рассмотрения, которое невозможно осуществить в рамках данной работы в силу ограниченности объема.

В основе этого механизма — повышенная (во всех случаях по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада) способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера. Достаточно вспомнить в этой связи, что происходило с ортодоксальными — католической и православной — версиями христианства соответственно в Латинской Америке и в России [Земсков О литературе...Земсков Образ России... Кофман Латиноамериканский... Шемякин Европа и Латинская Америка... с. 83–116, 233–272; Шемякин Вера и рацио... Шемякин,Шемякина Соотношение веры и рацио...].

Означенная способность обуславливает такую характеристику, как повышенная проницаемость границ культурной системы, как внутренних (которые в условиях «пограничной» реальности проходят не только между людьми-носителями тех или иных традиций, но и внутри человеческих душ), так и внешних (в этом случае повышенное восприятие инокультурных заимствований сочетается одновременно с повышенной способностью к переработке этих заимствований в соответствии со спецификой местной социокультурной «почвы», к превращению «внешнего» во «внутреннее»).

Оперировать знаковыми структурами не может какая-либо организация или социальный институт. Это может делать только конкретный живой человек. Поэтому цивилизационное «пограничье» характеризуется качественно иным, по сравнению с субэкуменами, соотношением индивидуального и надиндивидуального уровней цивилизационного процесса. Различие между ними относительно: во всяком человеке есть надличностный пласт — общепринятые, официально санкционированные нормы и ценности, которые в «классических» цивилизациях составляют основу единства личности. В условиях «пограничья» этот пласт ослаблен и не может в полной мере выполнять свои интеграционные функции. В подобной ситуации ключевое значение приобретает «собственно индивидуальный» слой, также присутствующий в любом человеке, его личное «пространство свободы», свободы в интерпретации общепринятых норм и ценностей, которая в условиях кризиса культурной системы превращается в их отрицание [См. подробнее: Шемякин Конфликт интересов... с. 388–390, 395]. Свободное оперирование знаковыми структурами может осуществляться лишь в «пространстве свободы» личности.

* * *

Отношение к «Другому» определяет и характер диалога (а тем самым и условия трансфера) различных традиций. В процессе их взаимодействия в Новом Свете очень важную роль играло невербальное общение. В эпоху конкисты слова первоначально в наибольшей степени выражали специфику столкнувшихся миров (свойственные участникам взаимодействия представления о мире, человеке, сакральной сфере), будучи вербальным выражением символов. Словесное общение не столько являлось средством коммуникации, сколько создавало барьер непонимания. Напротив, невербальное общение позволяло смягчить остроту столкновения качественно различных символов, намечая выход из тупика противоположных подходов к ключевым экзистенциальным проблемам.

Едва ли не самым ярким доказательством значимости невербального общения в Латинской Америке является процесс метисации: в ходе межрасовых и межкультурных контактов слова, очевидно (особенно на первых этапах), играли меньшую роль, чем «язык тела». Как справедливо отмечал известный культуролог и литературовед А.Ф. Кофман, «эротическая конкиста» отнюдь не сводилась к грубому насилию. Достаточно вспомнить только один из приведенных Кофманом примеров, касающийся завоевателя Мексики Э. Кортеса, у которого было 5(!) детей-метисов. «Разговор о метисном потомстве Кортеса имеет полное право фигурировать под рубрикой «созидательная деятельность» — так созидалась будущая метисная мексиканская нация, и Кортес, можно сказать, личным примером стимулировал этот процесс. Важен, впрочем, не столько сам факт смешения кровей — куда важнее отношение нашего героя к своим внебрачным детям и индейским «женам»... Кортес не только их признает, но и демонстрирует отеческое к ним отношение... Когда Кортес, а вслед за ним другие испанцы признавали метиса своим ребенком, они совершали, по сути, глубоко символический культурный акт, означавший, с одной стороны, признание собственной принадлежности Новому Свету, а с другой — признание человеческой полноценности индейцев. То был первый шаг на пути сотворения будущей латиноамериканской культуры» [Кофман Под покровительством Сантьяго... с. 208].

Главной областью, в которой разворачивался процесс метисации, стала сфера многообразных жизненных практик в стихии повседневности. Процесс, долгое время развивавшийся вопреки официальным идентификационным стратегиям, воплощенным в различных «проектах» (Л. Сеа) устройства латиноамериканской жизни [Сеа, с. 108–175, 225–295].

Есть и другие доказательства особой роли невербального общения в утверждении свойственного «пограничью» отношения к Другому. Так, чилийский ученый П. Моранде [Morandé, p. 149] еще в первой половине 80-х годов XX в. поставил вопрос о характере коммуникации, установившейся, вопреки логике противостояния, между европейской, индейской и негритянской традициями. По его мнению, решающее значение имело не «общение в слове», не выработка некой единой основы для диалога в результате взаимодействия мировоззрений, а общее участие в религиозных ритуалах. Именно такой ритуал открывал ворота в «стенах», окружавших чужую жизнь, и одновременно играл роль «моста», по которому двигался (в обоих направлениях) поток ресемантизируемых символов. Особое значение имело использование католическими монахами опыта организации в автохтонной традиции массовых праздников, индейского театра.

Ключевая роль невербального общения в латиноамериканском диалоге наиболее ясно видна в «короле» латиноамериканских праздников — карнавале. И этим он принципиально отличен от европейского карнавала. Вот что писал по данному поводу В.Б. Земсков: «Европейский карнавал очень «разговорчив», здесь большую роль играет слово; всякая словесная ритуальная формула может быть развернута в речевой, песенный, мелодический «дискурс», в «говорение» (достаточно вспомнить, например, классический европейский карнавал в «Гаргантюа и Пантагрюэле» и его анализ

М.М. Бахтиным). Ничего подобного нет в карнавале латиноамериканском. Здесь ключевая роль принадлежит Ритму, Жесту, Пантомиме, Моторике, Танцевальному ходу. Речевые формулы..., как правило, лишены рационального смысла и являются ритмической звуковой поддержкой Движения, направляемого ударными инструментами... слабость вербального аспекта латиноамериканского карнавала — это отражение и воплощение в специфической карнавальной форме исходного отсутствия «общего слова», феномена взаимопонимания и изначального преобладания жестуальности, пантомимы, движения, ритмики» [Земсков О литературе и культуре... с. 562–563].

Впрочем, это отнюдь не означает, что латиноамериканский карнавал вообще не связан со Словом. «Есть в карнавале минуты, паузы «космического молчания», когда вообще без всякого звукового сопровождения работает в заданном ритме, трудится, творя себя, многоногое и многорукое тело. Но это одновременно и момент соприкосновения с запредельным, с областью взыскуемого Духа. Когда после «космического прободения» снова взрываются музыка, ритмика и младенческое речевое оформление, Слово как бы рождается снова, выплавляется из магмы звуковой какофонии, т.е. это одновременно и творение почвы для Логоса» [Там же]. Имеется в виду латиноамериканский Логос, иными словами, создание духовно-ценностной основы цивилизации.

Исследование феномена латиноамериканского праздника привело отечественных латиноамериканистов к выводу, что он играл (и продолжает играть) роль важнейшего культуросозидающего фактора, более того — «цивилизационно-строительной машины» [Там же, с. 566]. И происходит это потому, что именно «в празднике рушатся, казалось бы, доходящие до небес стены, разделяющие различные этнокультурные и этно-религиозные миры» [Симонова, с. 81].

Закljučая этот цикл рассуждений, отметим: карнавал изначально появился в Новом Свете в результате трансфера исходной европейской культурной формы, которая, однако, была коренным образом преобразована в ходе становления латиноамериканской «пограничной» цивилизационной идентичности [См.: Земсков О литературе и культуре... с. 553–570; *Iberica Americans. Праздник...*].

* * *

Сосредоточим внимание на определенном аспекте рассматриваемой проблематики. А именно — на проблеме подражания инокультурным образцам. Тема особенно актуальная для цивилизационного «пограничья», особенно для «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба — России-Евразии и Латинской Америки, поскольку многие основные формы организации жизни были первоначально позаимствованы ими у Запада. Применительно к России это явление выразительно описал А.Б. Зубов: «Совсем не случайно, что все, связанное с технологией, пришло в Россию с Запада... И корабль, и выборы, и телефон, и крекинг нефти, и воинский строй, и каменное зодчество, и регулярная планировка, и компьютер, на котором пишется эта статья, — все, в конечном счете, оттуда» [Зубов, с. 111]. Собственно, эти слова можно с полным осно-

ванием отнести и к Латинской Америке. О. Пас писал в этой связи, что «все по-настоящему оригинальное в Америке — включая, понятно, Северную, относится к доколумбовой эпохе» [Пас, с. 45]. Способность русских, как и латиноамериканцев, к созиданию новых, ранее не бывших форм жизни, как неоднократно отмечали мыслители обоих цивилизационных «пограничий», действительно очень слаба. Но это отнюдь не означает неспособности к историческому творчеству. Как нам уже приходилось отмечать, формообразование «предполагает или создание новых, ранее не бывших форм, или интерпретацию уже существующих» [Шемякин, Шемякина Россия-Евразия... с. 109]. Интерпретация необходимым образом включает в качестве предварительного условия подражание заимствованному образцу. Все исторически зафиксированные примеры заимствования тяготеют к двум полюсам: простому копированию чужих форм без учета местной специфики («механический мимесис» по А. Дж. Тойнби), и творческому усвоению чужеродного образца, предполагающему внесение в него изменений, необходимых для его адаптации к воспринимающей культуре.

Здесь следует сделать оговорку: в культурах, обладающих четко очерченной исторической индивидуальностью, мимесис, как правило, постепенно теряет характер простого копирования, начинается трудный процесс укоренения иноцивилизационных новаций на местной почве. Примером может служить превращение первоначально чуждых западных форм, трансформируемых в соответствии с логикой воспринимающей их среды, в составляющую социально-генетического кода российского и латиноамериканского «пограничий» [Шемякин, Шемякина Россия-Евразия... Статья 1, с. 108–119; они же, Россия-Евразия... Статья 2, с. 83–94; Шемякин Россия и Латинская Америка...]. Очень точно охарактеризовал логику развертывания этого процесса В.Г. Белинский. Полемизируя со славянофилами, он писал: «Говорят, что Петербург выражает собою только внешний европеизм. Положим, что и так; но при развитии России, совершенно противоположном европейскому, т.е. при развитии сверху вниз, а не снизу вверх, внешность имеет гораздо высшее значение, большую важность, нежели как думают». Так, если бы не было этапа подражания «латино-немецким» поэтическим конструкциям у русских поэтов XVIII в., «если бы у нас не было заведено этой мертвой, подражательной, чисто внешней поэзии, то не родилась бы у нас живая, оригинальная и самобытная поэзия Пушкина... внешнее иногда влечет за собой внутреннее» [Физиология Петербурга...с. 53].

* * *

Творческая интерпретация опыта иных культур возможна в том случае, если в полной мере задействован механизм обеспечения целостности «пограничной» цивилизационной системы, который был охарактеризован выше и нормальное функционирование которого является обязательным условием осуществления трансфера, а соответственно и всех разновидностей диалога. В свою очередь, предпосылкой «включения» этого механизма, прежде всего способности исторического субъекта к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, является резкое усиление (даже на фоне нынешней общей ситуации на планете) интенсив-

ности взаимодействия различных традиций в «пограничье» — того, что Ф. де Соссюр называл «силой общения» [Соссюр Труды по языкознанию... с. 241].

Общение же происходит посредством языка. Даже при невербальных способах общения он остается той средой, в которой осуществляется трансфер. Язык — один из главных культурообразующих факторов. Однако, как показал Г.С. Померанц [Померанц, с. 125–126], реализовать эту свою функцию он может только в единстве с двумя другими факторами аналогичного рода — основным Священным Текстом той или иной цивилизационной традиции и Шрифтом как главным внешним проявлением знакового самовыражения цивилизации, ее хабитуса (по О. Шпенглеру и А. Тойнби) [Тойнби, с. 290–291]. Как уже приходилось писать автору данной статьи [Шемякин Конфликт... с. 377], характер соотношения этих трех параметров — один из важнейших элементов идентификационной структуры цивилизации. Именно они представляют собой главный «строительный материал» при возведении «стен», защищающих внутреннее пространство того или иного культурного мира.

Соотношение их существенно различается в разных цивилизационных типах. Великие «классические» цивилизации (субэкумены) характеризуются жесткой функциональной взаимосвязью названных факторов, причем сами эти факторы являются воплощением принципа доминанты единства. Их «лицо» определяют: один определяющий основу всей лингвистической сферы Язык (арабский, латынь, санскрит, китайский); один главный Священный Текст (будь то Библия, Коран, Веды или корпус изречений Конфуция), играющий роль исходного и основного центра смыслообразования; Шрифт, в котором проявляются главные черты свойственной той или иной субэкумене эстетики восприятия жизни и мысли (латинский шрифт, иероглифика, арабский шрифт, деванагари). В своей взаимосвязи они образуют единое информационное поле, причем циркуляция информации понимается наиболее широко — как движение смыслов. В субэкуменах преобладает одна из двух (впервые выделенных Ф. де Соссюром [Соссюр Курс... с. 17–19, 21–23, 27, 30, 32–33]) качественно различных ипостасей языка — та, где он предстает как система, будучи воплощением принципа единства в лингвистической сфере, в противоположность другой его ипостаси — речи, которая является воплощением многообразия [См.: Арутюнова, с. 415].

В цивилизациях «пограничного» типа совершенно другая ситуация. Здесь наличествует не один определяющий всю лингвистическую сферу язык, а две формы языкового космоса, в которых реализуется главный принцип «пограничья» — доминанта многообразия: языковый союз и языковое варьирование. Налицо очевидное преобладание «языка-речи» над «языком-системой», причем устная речь имеет большее значение для человеческого общения, чем письменная [Шемякин Язык как фактор... с. 114–128]. Строение духовного космоса, вместо доминирующего в смыслообразовании Священного Текста, определяет диалог текстов культурных традиций, отличающихся различными и/или противоположными решениями ключевых вопросов человеческого существования. Хабитус цивилизации определяется не жесткой однозначной взаимосвязью Шрифта с Языком и Текстом, а многообразием форм такой связи, более

гибкой, чем в «классическом» случае. В результате в цивилизационном «пограничье» существует не одно информационное поле, как в великих культурных мирах — субэкуменах, а комбинация качественно различных информационно-смысловых полей, в чем проявляется определяющая структурная характеристика данного цивилизационного типа — доминанта многообразия при сохранении единства *sui generis* [См., подробнее: Шемякин Субэкумены... с. 119–129].

Литература

- Арутюнова Н.Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 2002.
- Бахтин М.М. Человек в мире слова. М. 1995.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.
- Бессознательное: Природа. Функции. Методы исследования. Т. 4. Тбилиси. 1985.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М. 2012.
- Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб. 1998.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси. 1984.
- Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М. 1991.
- Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.
- Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб. 2014.
- Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб. 2015.
- Зубов А.Б. О природе русской цивилизации // «Рубежи». 1997. №8–9.
- Иванов В. В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. М. Т. 2. 1988.
- Ионов И.Н. Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. Вып. 54. М. 2016.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М. 2007 / История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость. М. 1985.
- Кофман А.Ф. Америка несбывшихся чудес. М. 2001.
- Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М. 2012.
- Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М. 1997.
- Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб. 2017.
- Кофман А.Ф. Рыцари Нового Света. М. 2007.
- Куайн У.О. Слово и объект. М. 2000.
- Мильков В.В. Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличия от иных идейно-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М. 1997.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М. 1991.
- Пас О. Поэзия. Критика. Эротика. М. 1996.
- Померанц Г.С. Великие нации живут мировыми задачами // Западники и националисты: возможен ли диалог? М. 2003.

- Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Спб. 2006.
- Сей Л. Философия американской истории. М. 1984.
- Симонова Л.Н. Экономика Бразилии преодолела рецессию. Итоги двухлетнего правления Мишела Темера и взгляд в будущее // Латинская Америка. 1997. № 12.
- Славянский фольклор: Тексты. М. 1987.
- Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М. 2010.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург. 1999.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. 1977.
- Стайнер Дж. После вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М. 2020.
- Тойнби А. Дж. Постижении истории. М. 1991.
- Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М. 1995.
- Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М. 2010.
- Физиология Петербурга. М. 1984.
- Шемякин Я.Г. Вера и рацио в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. №3. С. 78–92.
- Шемякин Я.Г. Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М. 2018.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.
- Шемякин Я.Г. Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М. 2018.
- Шемякин Я.Г. Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М. 2019.
- Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения // Мир России. 2016. № 1. С. 154–180.
- Шемякин Я.Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 113–123.
- Шемякин Я.Г. Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт ибероамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте // Вопросы Иберо-романистики. Вып. 17. М. 2019. С. 114–128.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Россия-Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 108–119.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Россия-Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье. Статья 2. // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 83–94.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Соотношение веры и рацио в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 58–77.
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. 2018.
- Veuchot M. Derechos humanos: historia y filosofía. México. 1999.

- Chacón Mata A.* El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. 2011. Vol. 22(2).
- Historia de la iglesia de la América Española. T.1. Madrid. 1965.
- Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М. 2002.
- Morandé P.* Cultura y modernización en América Latina. Santiago de Chile. 1984.
- Osterhammel J.* Die Entzauberung Asiens. Europa und asiatischen Reiche im 18 Jahrhundert. München. 1998.
- Osterhammel J.* Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Göttingen. 2010.
- Revista española de antropología Americana. 1984. Vol. 14.
- Shemyakin Y. G.* Identidad: la base civilizacional del desarrollo sostenible // Iberoamérica. 2019. N 4. P. 86–104.

Шемякин Я. Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях» // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 110–127

**НА ШАХМАТНОЙ
ДОСКЕ**

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-129-144

УДК 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Ключевые разломы в системе международных отношений

Аннотация. На плотном отрезке времени, отмеченном повсеместным распространением пандемии коронавируса, произошло ускорение процесса изменений сложившегося мирового порядка, во многом трансформировалась сама система геополитических связей. Фундаментальные последствия этих тектонических сдвигов, начавшихся за несколько лет до появления COVID-19, еще предстоит в полной мере осмыслить и оценить. Но уже сегодня можно зафиксировать тренды, развитие которых чревато глубокими разломами в международных отношениях и напрямую затрагивает геостратегические интересы Российской Федерации.

Ключевые слова: кризис мирового порядка, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, индо-тихоокеанская стратегия, США, Китай, интересы России.

Коррозия геополитической стабильности на фоне роста международной неопределенности и конфронтационности все явственнее приобретает тотальный характер, поскольку в той или иной степени присутствует практически во всех уголках земного шара. Однако доминантой такого развития событий стали, на наш взгляд, перемены на европейском континенте, представляющем собой историческое ядро так называемого коллективного Запада, а также в крупнейшем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Ускорившееся в условиях пандемии коронавируса наложение разнонаправленных и противоречивых событийных рядов способно еще больше повысить градус конфликтности и вызвать новых «черных лебедей» — непредсказуемые негативные эффекты, потрясения и кризисы на международной арене.

Очередное «похищение Европы»

Не секрет, что в последние годы Европейский союз (и Европа в целом) стал терять вес в мировой экономике и политике. В основе этого явления лежит ряд факторов, одни из которых носят объективный характер, а другие — закономерное следствие

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

далеко не всегда продуманных и рациональных политических действий правящих кругов самих европейских государств и их главного союзника в лице Соединенных Штатов.

К наиболее существенным объективным причинам нового «похищения Европы» можно в первую очередь отнести радикальные изменения в соотношении экономических и научно-технологических потенциалов между главными мировыми игроками в пользу Китая и ряда других азиатских стран. Среди же субъективных следует назвать *Brexit*, политический «развод» Брюсселя с Москвой, но главное — демонстративно пренебрежительное отношение к Евросоюзу со стороны администрации Д. Трампа, материализовавшееся в срыве подписания соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) [Яковлев Трансатлантическое партнерство...], в торговых войнах и ограничениях на импорт в США товаров из государств-членов ЕС, в «выкручивании рук» Европе по поводу наращивания военных расходов в рамках НАТО и т. д. В результате евро-атлантическая солидарность стала «трещать по швам» [Яковлев Время европейских тревог...].

В финансово-экономической сфере особое беспокойство в европейских столицах вызвали практикуемые американскими властями так называемые вторичные санкции — введение ограничений против тех компаний, стран или физических лиц, которые «делают бизнес» с подсанкционными экономическими акторами. Именно при Д. Трампе в августе 2017 г. механизм вторичных санкций был закреплен федеральным законом № 115–44 [Countering America's...] и принял законченный экстерриториальный характер — стал все шире применяться в отношении компаний, банков и отдельных лиц зарубежных государств, включая членов Европейского союза.

Хотя экстерриториальный эффект санкционного законодательства США в правовом смысле не признается руководящими органами Евросоюза, огромное финансово-экономическое влияние Вашингтона вынуждает европейские компании подчиняться его давлению — вплоть до уплаты штрафов в пользу американской казны за сделки с предприятиями подсанкционных стран либо отказа от таких (нередко весьма выгодных) сделок. В частности, оказавшись под американским прессом, ряд ведущих европейских транснациональных корпораций (ТНК) понесли крупные убытки от аннулирования бизнес-проектов в Иране. Германская машиностроительная компания *Siemens* потеряла 1,5 млрд долл., разорвав контракт в сфере железнодорожного строительства; французская энергетическая *Total* лишилась 2 млрд долл., вложенных в газовое месторождение *South Pars*; европейская авиастроительная *Airbus* потеряла заказ стоимостью 19 млрд долл. от иранской *Iran Air* [Geranmayeh, Hackenbroich].

Однако в конечном счете попытки Белого дома с помощью методов «трампономики» и неопротекционизма экономически «прижать» Евросоюз и получить односторонние выгоды провалились, о чем убедительно свидетельствуют данные о торговле США с ЕС-27 (без Соединенного Королевства) в 2016–2020 годах (табл. 1).

Таблица 1

Торговля США с ЕС-27 (товары, млрд долл.)

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт	216,0	227,6	253,1	268,9	233,0
Импорт	370,2	390,6	436,6	461,7	424,6
Сальдо	-154,2	-163,0	-183,5	-192,8	-191,6
Товарооборот	586,2	618,2	689,7	730,6	657,6

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Как видим, несмотря на введенные ограничения и барьеры (а чаще — на угрозы их применения), импорт США из стран Евросоюза в 2016–2019 гг. вырос почти на 25% и составил исторически рекордную сумму, превысившую 491 млрд долл. Более того, в 2019 г. беспрецедентного размера (почти 193 млрд долл.) достигло отрицательное для Соединенных Штатов сальдо в торговле с ЕС.

Точки над *i* расставил коронакризис, в период которого, по мнению газеты *The New York Times*, администрация Д. Трампа еще больше обострила и без того «антагонистические» отношения с Евросоюзом, запретив (без консультаций с Брюсселем) европейцам посещать Соединенные Штаты и угрожая введением новых ограничений в торговле [Swanson]. Результат не заставил себя долго ждать: по итогам 2020 г. товарооборот между США и ЕС-27 снизился на 10%, но при этом американский торговый дефицит остался на прежнем беспрецедентно высоком уровне (см. табл. 1).

Не увенчался заметным успехом и курс Д. Трампа на то, чтобы критически сузить бизнес-возможности европейских ТНК, осуществляющих производственную деятельность на самом американском рынке. Дело в том, что подобные шаги — например, повышение таможенных тарифов на поставляемые запасные части для заводов европейских автомобильных ТНК, расположенных на территории США, — вели к сокращению занятости среди местных работников и непосредственно ударяли по карману американских потребителей. В итоге от этих планов Белому дому пришлось отказаться. Как отмечалось на страницах влиятельного журнала *Foreign Policy*, поход за «европейскими скальпами», задуманный Д. Трампом, по большому счету не состоялся [Johnson]. Таков был реальный, а не пропагандистский результат «трампономики» на европейском направлении.

Вместе с тем несомненно: внешнеполитическая расстыковка Вашингтона с Брюсселем при Д. Трампе (так называемый *decoupling*) нанесла ощутимый вред политико-дипломатическому комплексу евро-атлантических отношений, основательно испортила имидж США в глазах большинства европейцев. Согласно проведенным опросам, они стали считать, что «американская политическая система пришла в негодность», что Соединенные Штаты демонстрируют «геополитическую слабость» и проигрывают экономическое и технологическое соревнование с Китаем, что «Европа не может полагаться на США в вопросах своей безопасности» [Krastev, Leonard]. Последнее мнение особен-

но примечательно, и далеко не случайно лидеры ведущих стран-членов ЕС (Германии, Франции, Испании и др.), высокопоставленные чиновники Еврокомиссии, депутаты Европарламента все чаще и настойчивее говорят о необходимости создания собственных (подлинно европейских) современных вооруженных сил как условия достижения Европой «стратегической автономии» [Феномен Трампа, с. 466–482].

Победа Дж. Байдена на президентских выборах 2020 г. и его настойчивые заверения в том, что теперь в отношениях между Соединенными Штатами и Европейским союзом будет «все как в добрые старые времена», сняли отдельные отрицательные коннотации. Но в целом евро-атлантический союз и при новой Вашингтонской администрации находится не в лучшей политической форме. Как замечают многие европейцы, «президент в США другой, но страна осталась прежней», то есть по ряду характеристик именно той, которую в течение четырех лет своего президентства упорно формировал и оставил в наследство своему приемнику Д. Трамп [Krastev, Leonard].

Вашингтону и Брюсселю с приходом правительства демократов предстояла очень нелегкая работа по восстановлению во многом утраченного взаимного доверия, сглаживанию наиболее острых углов и перезагрузке американо-европейских отношений. Политический кризис, который возник в рамках евро-атлантизма при Д. Трампе, в самом начале деятельности администрации Дж. Байдена вступил в резонанс с тяжелыми последствиями коронакризиса — социально-экономическим результатом распространения пандемии COVID-19. И США, и ведущие страны-члены Евросоюза оказались в числе государств мира, в максимальной степени пострадавших от эпидемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2

COVID-19: страны с наибольшим числом заражений и летальных исходов (количество и % от мирового показателя на 1.01.2021)

№	Страна	Число заражений	%	№	Страна	Число смертей	%
	Весь мир	83963772	100,00		Весь мир	1827540	100,00
1	США	20128693	23,97	1	США	347788	19,03
2	Индия	10286709	12,25	2	Бразилия	195411	10,69
3	Бразилия	7700578	9,17	3	Индия	148994	8,15
4	Россия	3153960	3,76	4	Мексика	126507	6,92
5	Франция	2697014	3,21	5	Италия	74621	4,08
6	Британия	2549689	3,04	6	Британия	74237	4,06
7	Турция	2220855	2,65	7	Франция	64892	3,55
8	Италия	2129376	2,54	8	Россия	56798	3,11
9	Испания	1928265	2,30	9	Иран	55337	3,03
10	Германия	1762637	2,10	10	Испания	50837	2,78
	США и Европа	31195674	37,2		США и Европа	612375	33,5

Источник: Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Center. Available at: coronavirus.jhu.edu/ (accessed 02.01.2021).

Как показывают данные международной статистики, к началу текущего года на Соединенные Штаты и пять европейских стран — Францию, Великобританию, Италию, Испанию и Германию — пришлось свыше 37% всех случаев заражения COVID-19 и 33,5% смертельных исходов. И это при том, что на указанные шесть государств приходится менее 8,4% населения Земли. Такие факты в сопряжении с другими негативными показателями, мягко говоря, не способствуют росту авторитета коллективного Запада, что все чаще фиксируют исследования зарубежных экспертов [Dimitrova].

К ослаблению международных позиций Европейского союза ведет явно затянувшийся политико-дипломатический конфликт с Российской Федерацией. Замороженные диалоги по линии Брюссель — Москва, серьезно ослабленные основные механизмы торгово-экономического взаимодействия с Россией, все более частое обращение к инструментам внешнеполитического давления — все это создает труднопроходимые препятствия на треке российско-евросовских отношений в многостороннем формате, а также мешает развитию двусторонних межгосударственных связей РФ со странами-членами Евросоюза. Не внушает оптимизма и обозримое будущее. В том числе и потому, что с подачи отдельных авторитетных *Think Tanks* в европейском политическом истеблишменте пробивают себе дорогу такие контрпродуктивные подходы к России, как «принципиальное безразличие» и «жесткий курс» [Leonard].

Результат очевиден: санкции и контрсанкции уже привели к заметному сокращению торгово-экономических связей между Россией и Евросоюзом. Если в 2013 г. доля ЕС-27 в общем товарообороте РФ превышала 42%, то в 2019 г. она составила порядка 39%, а в 2020 г. на фоне пандемии и на новом витке противостояния между Брюсселем и Москвой сократилась до 33,9%. В стоимостном выражении российско-евросовская торговля в 2013–2020 гг. упала на 46%: с 355 млрд до 193 млрд долл. (табл. 3).

Таблица 3

Торговля Российской Федерации с ЕС-27 (товары, млрд долл.)

Показатель	2013	2019	2020
Общий товарооборот РФ	842,3	666,2	567,1
Товарооборот с ЕС-27	354,9	260,6	192,5
Доля ЕС-27 (%)	42,1	39,1	33,9

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Нет необходимости доказывать, что сокращением экспорта Евросоюза в Россию воспользовались экономические конкуренты Европы, прежде всего Китай и страны Юго-Восточной Азии, в последнее время активно осваивающие сравнительно емкий российский рынок. Это и понятно, поскольку именно азиатские государства перехватили стратегическую инициативу в системе глобальных торгово-экономических связей, сделав АТР стержнем современных мирохозяйственных взаимодействий.

Индо-Пацифика: концепция и практика

Выдвижение АТР в центр мировой экономики и торговли предопределило еще один важнейший разлом в системе международных отношений — обострение конкурентной борьбы между Вашингтоном и Пекином за доминирование в этом районе мира [Heydarian].

На протяжении первых двух десятилетий текущего столетия государственные и частные китайские компании планомерно вытесняли американские корпорации с рынков АТР. Примером может служить динамика торговли с США и КНР стран-членов созданной в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которую входят Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины (табл. 4).

Таблица 4

Торговля стран АСЕАН с США и КНР (товары, млрд долл.)

Показатель	Торговля с США			Торговля с КНР		
	2001	2019	2020	2001	2019	2020
Экспорт	68,7	185,0	115,4	16,6	202,2	129,5
Импорт	48,6	111,9	74,2	19,4	305,0	166,5
Сальдо	+20,1	+73,1	+41,2	-2,8	-102,8	-37,0
Оборот	117,3	296,9	189,6	36,0	507,2	296,0

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Подчеркнем, что благодаря участию в АСЕАН группы крупных и экономически активных государств это объединение вместе с построенными вокруг него международными структурами (Восточноазиатский саммит, Форум АСЕАН по безопасности, механизм взаимодействия министров обороны АСЕАН с партнерами) традиционно играет центральную роль в процессах сотрудничества в АТР.

В 2001–2019 гг. товарооборот США с государствами АСЕАН увеличился в 2,5 раза, тогда как аналогичный показатель КНР вырос в 14 раз и в 1,7 раза превысил объем торговли Соединенных Штатов с АСЕАН. Таким образом, менее чем за два десятилетия Китай стал главным торговым партнером стран Юго-Восточной Азии и значительно преуспел в продвижении своих интересов в целом в АТР.

В пику попыткам Пекина консолидировать свое экономическое и политическое влияние в АТР Вашингтон начал все активнее продвигать геостратегическую концепцию Индо-Тихоокеанского региона — ИТР (*Indo-Pacific Region*) [Батюк].

Строго говоря, идея ИТР не нова, она (с разной степенью интенсивности) раскручивается Белым домом уже второе десятилетие, особенно — с 2008 г., когда понятие «Индо-Пацифика» было включено во внешнеполитический дискурс администрации Б. Обамы. Но именно в последние годы, буквально на наших глазах, на карте мира

происходит рождение нового мегарегиона, простирающегося от западного побережья США до западных берегов Индии, включающего обширные акватории Индийского и Тихого океана и 24 островных и континентальных государства с общим населением около 2,7 млрд человек [Indo-Pacific Region...].

Геоконцепт ИТР формировался параллельно (и в тесной связке) с политико-дипломатическими усилиями правительств США, Австралии и Японии по созданию в этом районе земного шара так называемого «Демократического ромба безопасности Азии» в составе указанных трех государств, а также Индии как «сходно мыслящей демократической морской державы» [Karur].

Начиная с 2012 г. японский премьер-министр С. Абэ сделал концепцию институционализации ИТР лейтмотивом внешнеполитической деятельности Токио в сфере международной безопасности, в то же время подчеркивая, что она не направлена против какой-то конкретной страны. Более определенную позицию заняло правительство Австралии, которое в 2013 г. включило понятие «Индо-Пацифика» в периодически публикуемую Белую книгу по обороне. В издании 2016 г. обеспечение «стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» фигурировало в числе трех стратегических целей международной оборонной политики Канберры, а в качестве главной угрозы назывались возросшая военная мощь и расширяющееся присутствие в ИТР Китая [Australian Government...].

Торпедировав планы по созданию Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП), администрация Д. Трампа взяла на вооружение идею ИТР, о чем американский президент официально заявил в ноябре 2017 г. в Дананге (Вьетнам). С этого момента тезис о «Свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе» стал одним из приоритетных во внешнеполитических выступлениях высокопоставленных представителей вашингтонского истеблишмента. Например, растущую глобальную значимость ИТР отметил министр обороны США Дж. Мэттис в Сингапуре в начале июня 2018 г. По сути, тогдашний глава Пентагона сформулировал стратегию сдерживания КНР, включившую в себя не только противодействие политико-экономическому влиянию Пекина, но и последовательное увеличение американского военно-морского присутствия в Индо-Пацифике. С этой целью старейшее и самое крупное Тихоокеанское командование США было дополнительно усилено и преобразовано в Индо-Тихоокеанское командование (*USINDOPACOM*) [Remarks by Secretary...].

Далее события развивались по нарастающей. 1 июня 2019 г. Пентагон опубликовал пространный документ (64 страницы) под названием «Индо-Тихоокеанский стратегический доклад. Готовность, партнерство и продвижение региональной сети», ставший важной составной частью обновленной военно-политической стратегии Вашингтона на обозримую перспективу. В докладе констатировалось, что в ИТР наблюдался опасный для США сдвиг в региональном балансе сил в пользу других стран, включая Китай — «ревизионистскую державу», Россию — «ожившего злого актера» и Северную Корею — «несостоявшееся», а потому вдвойне опасное государство. Чтобы остановить и повернуть вспять неблагоприятное для Соединенных Штатов и их союзников разви-

тие событий, авторы доклада предлагали не только укреплять военное сотрудничество с «мощной группой союзников и партнеров», но и наращивать на пространстве ИТР критически важные торгово-экономические связи [The Department of Defense...].

Особое место в планах Вашингтона заняла Индия, чей колоссальный демографический потенциал, динамично растущая экономика, сильный ИТ-сектор, накопленная (в том числе благодаря многолетнему сотрудничеству с Россией) значительная оборонная мощь и, главное, длительная напряженность в отношениях с КНР (особенно после проигранной Индией пограничной войны 1962 г.) могли в обозримом будущем сделать эту «крупнейшую мировую демократию» противовесом китайскому влиянию в ИТР.

Как отмечалось в аналитических разработках Фонда Карнеги (*Carnegie Endowment for International Peace*), в стремлении «разыграть индийскую карту» США рассчитывали использовать все более отчетливые «великодержавные амбиции Индии», намерения Нью-Дели дипломатическим путем и с помощью инвестиций теснее привязать к себе расположенные в Индийском океане островные государства (Шри-Ланку, Мальдивы, Сейшелы, Маврикий), а также сделать заявку на геополитическое присутствие в юго-западной части Тихого океана. Индия, отмечали эксперты Фонда, в стратегическом плане рассматривает Индо-Пацифику как «театр новых экономических и политических возможностей» [Vaquah].

В то же время, форсированный экономический рост в Индии и Китае способствовал расширению торговых и инвестиционных связей между двумя крупнейшими азиатскими державами. Как и в отношениях с десятками других государств на всех континентах, китайские компании развернули мощную экспансию на индийских рынках, благодаря чему уже в конце первого десятилетия XXI в. Китай стал для Индии главным торговым партнером, заметно опередив Соединенные Штаты. В 2010-х годах эта тенденция закрепились: в 2019 г. китайский товарный экспорт в Индию практически вдвое превысил аналогичный показатель США (табл. 5).

Таблица 5

Торговля Индии с США и КНР (товары, млрд долл.)

Показатель	Торговля с США			Торговля с КНР		
	2001	2010	2019	2001	2010	2019
Экспорт	8,4	23,6	54,3	0,9	17,4	17,3
Импорт	3,2	22,6	34,9	1,8	41,3	68,4
Сальдо	+5,2	+1,0	+19,4	-0,9	-23,9	-51,1
Оборот	11,6	46,2	89,2	2,7	58,7	85,7

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Усилившаяся торгово-экономическая связанность Индии и Китая, наряду с растущим сотрудничеством КНР с государствами АСЕАН, существенно затруднили реализацию планов Вашингтона по переводу имеющей очевидную антикитайскую подоплеку индо-тихоокеанской концепции в русло реальной политики.

«Стратегический алмаз» для сдерживания Китая

Сильный геостратегический ход был сделан Пекином 15 ноября 2020 г., когда на саммите АСЕАН в Ханое в режиме онлайн руководители Китая, а также Австралии, Новой Зеландии, Республики Корея, Японии и 10 стран-членов АСЕАН заключили соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). По сути, речь шла о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли. В условиях мирового наступления сторонников протекционизма во главе с уходящей администрацией Д. Трампа это выглядело заявкой на реанимацию экономической глобализации, но уже под эгидой Китая и преимущественно в региональном разрезе [The meaning of RCEP...].

Заметим, что почти на всех этапах в длившихся с 2012 г. переговорах о ВРЭП принимала участие Индия, пока воздержавшаяся от подписания соглашения, но предусмотрительно оставившая за собой возможность сделать это в будущем. Однако и без Индии масштабы ВРЭП впечатляют: на страны-участницы приходится порядка трети населения планеты и свыше 30% мирового ВВП.

По условиям соглашения о ВРЭП, в ближайшие два десятилетия в торговле между его участниками будут отменены пошлины на большинство промышленных товаров, а также осуществится либерализация обмена многими коммерческими услугами, включая финансовые и телекоммуникационные. Кроме того, вступят в действие новые современные правила ведения электронной коммерции, реализации инвестиционных программ, внутрирегиональной миграции рабочей силы, защиты прав интеллектуальной собственности. Все это придает ВРЭП сравнительно продвинутый институциональный характер, а для компаний и банков КНР, как самого мощного участника и главного бенефициара данного интеграционного проекта, значительно расширяет возможности дальнейшей торгово-экономической экспансии на рынках государств Тихоокеанской Азии [McDonald].

Следующий шаг, усиливающий глобальные позиции китайского бизнеса, был сделан Пекином через полтора месяца — 30 декабря 2020 г., когда на видео-саммите глав государств Европейского союза и КНР достижением принципиальной договоренности завершились начатые в 2013 г. переговоры по Всеобъемлющему инвестиционному соглашению (ВИС) между ЕС и Китаем.

В основе этой договоренности лежало признание обеими сторонами резко возросшей стратегической значимости взаимных финансово-экономических связей, необходимости устранить имеющиеся разногласия, разрешить споры и расчистить путь к форсированному наращиванию перекрестных инвестиций. Учитывая сложное хозяйственное положение большинства европейских стран и их непростые торговые отношения с США, Пекин, выражаясь предельно цинично, сделал попытку «перетянуть одеяло на себя» и привлечь Евросоюз обещанием существенно расширить для европейских компаний, включая высокотехнологичные, возможности выхода на емкий китайский рынок. Как весьма оптимистично прокомментировала ситуацию председатель

Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, ВИС «предоставит европейским инвесторам беспрецедентный доступ к рынку КНР, позволит нашему (евросовскому. — П.Я.) бизнесу расти и создавать рабочие места» [EU and China...].

Договоренность об инвестиционном сотрудничестве с Евросоюзом полностью укладывается в новую экономическую стратегию Пекина, обнародованную в мае 2020 г. Так называемая стратегия «двойной циркуляции» ставит целью достижение органичной взаимодополняемости внутреннего и внешнего рынков — в частности, предусматривает ускоренное развитие национальной экономики с помощью широкомасштабного привлечения иностранных инвестиций. С этой точки зрения соглашение с ЕС представляется для КНР более чем перспективным [Dual circulation...].

Пекин, на наш взгляд, не случайно добился благополучного завершения долгих и трудных переговоров с партнерами в АТР и Европе практически одновременно. Таким способом китайское руководство синхронно продвинуло свои геостратегические интересы в двух важнейших мировых регионах.

Заканчивавшая свой турбулентный срок пребывания в Белом доме администрация Д. Трампа передала эстафету политики противодействия влиянию Китая в АТР правительству Дж. Байдена. Новый американский президент, не теряя времени, предпринял значимые внешнеполитические шаги в многостороннем формате, чтобы поставить под антикитайские знамена ключевые державы региона и превратить Индо-Пацифику из сравнительно аморфной концептуальной конструкции в жесткую геополитическую реальность. С этой целью в Вашингтоне было решено незамедлительно реанимировать уже почти забытую идею С. Абэ и совместными силами США их союзников образовать устойчивую региональную конфигурацию в виде «стратегического алмаза» для военно-политического и экономического сдерживания Китая в Тихоокеанской Азии [Liang].

На роль «алмаза» был выбран извлеченный из исторического анабиоза *Quad* – четырехсторонний диалог по проблемам безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue*), участниками которого с 2007 г. в значительной мере формально являются Соединенные Штаты, Япония, Австралия и Индия.

С тем, чтобы придать *Quad* «второе политическое дыхание», 12 марта 2021 г. прошел первый в истории этого объединения саммит «четверки» — государств-членов, лидеры которых в виртуальном режиме предприняли попытку перезапустить этот международный механизм. В вашингтонских коридорах власти специально подчеркивалось стремление США и их партнеров сделать *Quad* постоянно действующим фактором многосторонней дипломатии в Индо-Тихоокеанском регионе и привлечь к его работе максимально возможное число азиатских стран. В частности, в ряду потенциальных участников своего рода *Quad Plus* упоминались Вьетнам, Индонезия, Новая Зеландия, Республика Корея [Fact Sheet...].

Сейчас сложно прогнозировать будущее *Quad*, в том числе его реальную роль в сдерживании Китая. Но в международном экспертном сообществе обратили внимание на

обсуждение «четверкой» таких конфликтогенных вопросов, как «китайское давление на Австралию», «претензии Пекина на японские острова Сенкаку», «агрессивные действия КНР на границе с Индией (в частности, размещение там 50-тысячной армейской группировки)», решимость Китая в удобный для него момент «сломать сложившийся статус-кво» и т. д. Сообщалось и о намерении *Quad* в ближайшее время провести военно-морские маневры в Бенгальском заливе, в ходе которых предполагается отработать методы «совместного отпора китайской угрозе». Не удивительно, что политические итоги саммита *Quad* вызвали обеспокоенность в пекинском руководстве, усмотревшем в позиции «четверки» потенциал эскалации напряженности в Тихоокеанской Азии [Asthana].

Повышенная активность американской дипломатии на обширных пространствах Индийского и Тихого океанов прямо указывает на то, что в Вашингтоне концепция ИТР все чаще рассматривается как региональный стержень направленной на противодействие КНР глобальной стратегии Соединенных Штатов, к практической реализации которой они подключают своих союзников в Индо-Пацифике. Организационной формой «алмазной коалиции» для сдерживания Китая должен стать своего рода *Quad Alliance* – возглавляемый США альянс стоящих (хотя бы частично) на прозападных позициях «индо-тихоокеанских демократий».

Развитие событий по такому сценарию способно обнажить макрополитический нерв в крупнейшем мировом регионе и вызвать международный эффект с трудно регулируемы последствиями, включая каскадный взрыв региональных конфликтов.

Вызовы и возможности для России

Многие накопленные за последние годы факты говорят о том, что главный геополитический разлом в АТР произошел по линии стратегического противостояния между США и КНР. Причем каждая из конкурирующих сверхдержав, сознавая гигантский масштаб стоящих перед ней задач, формирует свою «группу поддержки». Если в «американской» группе ключевыми фигурами стали Япония и Австралия, то «китайскую» невозможно представить без России, особенно с учетом российско-китайского сближения последних лет, что было подтверждено в ходе рабочего визита министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в Китай во второй половине марта 2021 года [О рабочем визите...]. Об этом убедительно свидетельствует и экспоненциальный рост торговли между двумя соседними державами, объем которой в 2001–2019 гг. вырос в 15 раз, превысив отметку в 110 млрд долл. Даже в коронакризисном 2020 г. он остался на уровне свыше 100 млрд долл. (табл. 6).

Повышенный интерес Москвы к событиям, происходящим в АТР, более чем понятен. Являясь крупнейшей (по территории) азиатской и тихоокеанской державой, Российская Федерация глубоко вовлечена в экономические и политические процессы, разворачивающиеся на пространстве АТР, и не может не реагировать на значимые дипломатические инициативы, которые уже оказывают либо могут оказать в дальнейшем

влияние на расстановку сил в Тихоокеанской Азии. Разумеется, официальная Москва не могла пройти мимо настойчиво проводимой Вашингтоном и его союзниками политики институционализации Индо-Пацифики.

Таблица 6

Торговля России с Китаем (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2018	2019	2020
Экспорт	5,6	19,8	56,0	56,8	48,9
Импорт	1,7	48,0	52,2	54,1	54,9
Сальдо	+3,9	-28,2	+3,8	+2,7	-6,0
Товарооборот	7,3	67,8	108,2	110,9	103,8

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Как отмечал С.В. Лавров, российская сторона негативно относится к попыткам правящих кругов западных государств переформатировать АТР и с этой целью внедрить во внешнеполитический дискурс термин «Индо-Тихоокеанский регион». По мнению российского руководства, таким образом создается нечто прямо противоположное преимущественно дееспособным международным структурам, уже построенным в АТР, в частности, вокруг АСЕАН. Существующие структуры, с точки зрения Москвы, носят объединительный формат, поскольку «вовлекают все страны Азиатско-Тихоокеанского региона, позволяют вести диалог на равноправной основе и достигать взаимоприемлемых компромиссов и договоренностей». В отличие от этого в целом конструктивного подхода, мероприятия, которые проводятся в рамках индо-тихоокеанской стратегии, «основываются на блоковом мышлении, создании блоков не в пользу позитивного процесса, а против определенных стран» [Интервью министра...].

Российская дипломатия не случайно приводит в пример АСЕАН. Развитие отношений с указанной группой государств стало одной из приоритетных целей политики Москвы в АТР. В 2001–2019 гг. товарооборот России со странами АСЕАН в стоимостном отношении вырос почти в 10 раз (табл. 7). Но при этом объем торговли РФ с «десяткой» составил менее 18 млрд долл., что не отвечает ни возможностям (и потребностям) российской экономики, ни хозяйственному потенциалу АСЕАН, в состав которой входят такие экономически сильные государства, как Сингапур, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Таиланд. Интенсификация и расширение взаимовыгодных торговых и инвестиционных обменов с этими и другими азиатско-тихоокеанскими странами остается вызовом российской дипломатии.

Таблица 7

Торговля России со странами АСЕАН (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2014	2019	2020
Экспорт	1,2	6,5	11,8	7,0	5,6
Импорт	0,6	5,6	9,0	10,4	10,1
Сальдо	+0,6	+0,9	+2,8	-3,4	-4,5
Товарооборот	1,8	12,1	20,8	17,4	15,7

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Новые краски в палитру отношений Российской Федерации с АСЕАН добавила борьба международного сообщества с пандемией коронавируса COVID-19. В частности, в 20-х числах марта 2021 г. Вьетнам стал 56-м государством мира, официально одоббившим применение российской аденовирусной вакцины «Спутник V» [Алексеев]. Важно, что это решение вьетнамских властей открывало путь не только поставкам российского препарата, но и проработке вопроса о локализации его производства — выходу на более высокий уровень сотрудничества РФ с восточноазиатскими партнерами.

В широком политическом плане взаимодействие России со странами-членами АСЕАН призвано стать одним из стабилизирующих факторов обстановки в АТР. По мнению президента РФ В.В. Путина, АСЕАН, наряду с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), — пример интеграционного проекта, участники которого «могут взаимодействовать в интересах всего региона, гармонично и эффективно дополняя друг друга». Продвижение вперед разнопрофильных объединительных процессов и сопряжение усилий ШОС, ЕАЭС и АСЕАН может способствовать реализации выдвинутой Россией инициативы «создания Большого Евразийского партнерства как единого, широкого и открытого пространства безопасности и взаимовыгодного экономического и гуманитарного сотрудничества» [Восточноазиатский саммит].

Цель такого рода инициатив ясна — они ориентированы на предотвращение новых торгово-экономических и военно-политических расколов в АТР, и особенно на недопущение открытой вооруженной конфронтации в различных точках этого взрывоопасного района земного шара.

* * *

На выходе из стресса, вызванного пандемией COVID-19, мировое сообщество сталкивается с сотканной из противоречий, соперничества и конфликтов глобальной ситуацией, отмеченной рядом геополитических разломов и сравнительно новых трендов, дальнейшее развитие которых может вызвать капитальную трансформацию нынешней системы международных отношений.

Утрачивает былую роль экономического и политического лидера Европейский союз, значительный ущерб нанесен евро-атлантической солидарности, острый характер приобрело расхождение во взглядах на мир между Москвой и Брюсселем. В итоге неизвестно на какой срок похоронена еще недавно казавшаяся привлекательной и близкой к реализации идея «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока».

В пространство крупных геополитических сдвигов и глубоких стратегических расколов превратилась Тихоокеанская Азия. Это приобретает первостепенное значение, поскольку, согласно многочисленным экспертным прогнозам, текущее столетие станет веком АТР, где будут происходить все важнейшие общемировые события торгово-экономического, научно-технологического и военно-политического характера.

В отличие от большинства стран мира, чьи экономики сократились в объемах в период пандемии коронавируса, экономический рост Китая хотя и замедлился, но не был остановлен. На этом фундаменте КНР продолжила наращивать свои позиции в двух ключевых районах мира — АТР и Европе. С учетом того, что в течение первых десятилетий XXI в. Китай беспрецедентно расширил свое торгово-экономическое присутствие в Африке и Латинской Америке, он реально превратился в могучую глобальную державу, бросившую вызов многолетнему доминированию США на мировой арене.

Вашингтон, в свою очередь, после «смутных лет» Д. Трампа стремится сгладить острые углы и перезагрузить отношения с Европейским союзом, перехватить стратегическую инициативу в АТР и, в русле индо-тихоокеанской концепции, противостоять усилению китайского влияния. Похоже, что именно на просторах Тихого и Индийского океанов развернется основная конкуренция между двумя глобальными центрами силы XXI в. — США и Китаем, что ставит перед отечественной дипломатией исключительно сложные задачи по защите политических и экономических интересов России в этом конфликтно-генном и турбулентном районе мира.

Литература

- Алексеев Д. Помощь в руку: «Спутник V» одобрили почти в 60 странах мира // Известия. 23.03.2021.
- Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1. С. 135–153.
- Восточноазиатский саммит // Сайт президента России. 14.11.2020. — URL: kremlin.ru/events/president/news/64417 (date of access: 01.04.2021).
- Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова СМИ Республики Корея, Москва, 23 марта 2021 года // МИД РФ. 23.03.2021. — URL: mid.ru/posledniye_dobavlnenniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4648117 (date of access: 01.04.2021).
- О рабочем визите Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Китайскую Народную Республику // МИД РФ. 23.03.2021. — URL: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647946 (date of access: 01.04.2021).
- Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. М. 2020.
- Яковлев П.П. Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3 (19). С. 68–82. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/b40/3_2019_1_68_82.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4 (8). С. 25–40. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/b5c/4_2016_1.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- Asthana S.B. Quad Summit 2021: Why is China Rattled? // Financial Express. 14.03.2021. — URL: financialexpress.com/defence/quad-summit-2021-why-is-china-rattled/2212544 (date of access: 01.04.2021).
- Australian Government. Department of Defence. 2016 Defence White Paper. — URL: defence.gov.au/whitepaper/ (date of access: 10.02.2021).

- Baruah D.* India in the Indo-Pacific: New Delhi's Theater of Opportunity // Carnegie Endowment for International Peace. 30.06.2020. — URL: carnegieendowment.org/2020/06/30/india-in-indo-pacific-new-delhi-s-theater-of-opportunity-pub-82205 (date of access: 01.04.2021).
- Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // congress.gov. — URL: congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text (date of access: 01.04.2021).
- The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. June 1, 2019. — URL: media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF (date of access: 01.04.2021).
- Dimitrova A.* The State of the Transatlantic Relationship in the Trump Era // European Issues. 04.02.2020. №545. P. 1–6.
- Dual circulation: China's new economic strategy // European Council on Foreign Relations. 12.03.2021. — URL: ecfr.eu/podcasts/episode/dual-circulation-chinas-new-economic-strategy/ (date of access: 01.04.2021).
- EU and China reach agreement in principle on investment. Brussels. // European Commission. 30.12.2020. — URL: trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2233 (date of access: 01.04.2021).
- Fact Sheet: Quad Summit // The White House. 12.03.2021. — URL: whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/fact-sheet-quad-summit/ (date of access: 01.04.2021).
- Geranmayeh E., Hackenbroich J.* 2020: The year of economic coercion under Trump // European Council on Foreign Relations. 17.02.2020. — URL: ecfr.eu/article/commentary_2020_the_year_of_economic_coercion_under_trump/ (date of access: 01.04.2021).
- Heydarian R.J.* Asia's New Battlefield: The USA, China and the Struggle for the Western Pacific. London. 2015.
- Indo-Pacific Region. Countries of the Indo-Pacific Region. — URL: cloworld.biz/indo-pacific/ (date of access: 10.02.2021).
- Johnson K.* Europe Is the New Front in Trump's Trade War // Foreign Policy. 23.01.2020. — URL: foreignpolicy.com/2020/01/23/europe-new-front-trump-trade-war-davos-wef/ (date of access: 01.04.2021).
- Kapur A.* Geopolitics and the Indo-Pacific Region. N.Y. 2020.
- Krastev I., Leonard M.* The crisis of American power: How Europeans see Biden's America // Foreign Policy. 19.01.2021. — URL: ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/ (date of access: 01.04.2021).
- Leonard M.* The Russia Strategy Europe Needs // Project Syndicate. 19.02.2021. — URL: [prosyn.org/x38tYph](https://www.project-syndicate.org/x38tYph) (date of access: 01.04.2021).
- Liang Y.* Biden on China: Decoupling or Competitive Re-coupling? // Global Research. 22.02.2021. — URL: [globalresearch.ca/biden-china-decoupling-competitive-re-coupling/5737945](https://www.globalresearch.ca/biden-china-decoupling-competitive-re-coupling/5737945) (date of access: 01.04.2021).
- McDonald T.* What is the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)? // BBC. 16.11.2020. — URL: [bbc.com/news/business-54899254](https://www.bbc.com/news/business-54899254) (date of access: 01.04.2021).
- The meaning of RCEP, the world's biggest trade agreement // The Economist. 15.11.2020. — URL: [economist.com/finance-and-economics/2020/11/15/the-meaning-of-rcep-the-worlds-biggest-trade-agreement](https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/11/15/the-meaning-of-rcep-the-worlds-biggest-trade-agreement) (date of access: 01.04.2021).
- Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shagri-La Dialogue // U.S. Dept of

Defense. 02.06.2018. — URL: defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/ (date of access: 01.04.2021).

Swanson A. Trump Administration Escalates Tensions With Europe as Crisis Looms // The New York Times. 12.03.2020.

Яковлев П. Ключевые разломы в системе международных отношений // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 129–144

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-145-165
УДК 94(73); 323/324;

Наталья Травкина, Владимир Васильев

Президентские выборы 2020 г. и возможность распада США

Аннотация. В ходе президентской кампании 2020 г. в США активно обсуждалась проблема сецессии — выхода из состава страны отдельных штатов или их группы. Переплетение острейших кризисов — экономического, эпидемиологического, расово-этнического, экологического — породило беспрецедентный политический кризис, который фактически разделил Америку на две части: прореспубликанские штаты (именуемые «красными») и продемократические («синие»). В трактовке большинства теоретиков и поборников территориального раздела США сецессия выступает в роли логического завершения фактически обозначившегося политического, экономического, культурологического и демографического размежевания страны. Юридически оформленный распад мыслится не только как возможность избежать гражданской войны, наподобие военного конфликта между Севером и Югом в 1861–1865 гг., но и как важнейшее условие дальнейшего поступательного движения американского общества, способ преодоления тупиков в развитии политической и социально-экономической систем Америки.

Ключевые слова: президентская кампания 2020 г. в США, политический кризис в США, сецессия, американское общество.

Вместо введения

В конце 2020 г. в США произошло на первый взгляд неприметное событие, имеющее тем не менее знаковый характер и, возможно, долгосрочные последствия. По официальному решению городских властей г. Бостона — колыбели Американской революции 1775–1783 гг., сопровождавшейся войной за независимость, — был демонтирован бронзовый памятник 16-му президенту США А. Линкольну с коленапреклоненным рабом, воздвигнутый в 1879 г. на территории расположенного в центре города городского парка. Скульптурная группа в Бостоне представляла собой копию так называемого Мемориала Вольноотпущенника, открытого в 1876 г. в пригороде Вашингтона в парке им. Линкольна, над которым известный американский скульптор того времени Т. Болл, уроженец Бостона, трудился более 10 лет (рис. 1).

Сведения об авторе: Травкина Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.

Васильев Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

Рис. 1.

Перед стоящим А. Линкольном на постаменте лежит открытая Прокламация об освобождении рабов 1863 г.; левой рукой он осеняет чернокожего раба, прообразом которого послужил А. Александр, бежавший в начале Гражданской войны от своих рабовладельцев и храбро сражавшийся на стороне северян. Его история получила в США большую известность в 1880-е годы. На каменном основании памятника выбита надпись: «Раса стала свободной, и в стране наступил мир. Линкольн отдыхает от своих трудов».

Критические дебаты вокруг этого памятника начались в США еще в начале текущего столетия, когда американский историк Э. Янг охарактеризовал проблему «исторического послания» этого памятника следующим образом: «Если в США имеется хотя бы один памятник рабству, происхождение которого в высшей степени политизировано, так это Мемориал Вольноотпущенника. Процесс создания этой скульптурной группы начался сразу же после убийства Авраама Линкольна и завершился — удивительное совпадение — ближе к концу Реконструкции Юга¹ в 1876 г. Во многих отношениях он служил символом эпохи и отражал надежды, мечты, стремления и окончательные неудачи эпохи реконструкции» [Young].

Патерналистская направленность Мемориала отчетливо контрастирует с альтернативным вариантом памятника, посвященного освобождению афроамериканцев от раб-

1 После окончания Гражданской войны Север США предпринял попытку реинтегрировать штаты Конфедерации, распространив на них законы, в том числе и оформленные поправками к Конституции США, имевшими цель покончить с рабством и сепаратистскими настроениями в этих штатах. Считается, что в 1877 г., после президентских выборов 1876 г., южанам удалось *de facto* сохранить практику сегрегации цветного населения на Юге США и провести масштабную кампанию исторической реабилитации «правого дела» политических и военных руководителей Конфедерации, среди которых наибольшую известность получили попытки увековечить память командующего армией Конфедерации генерала Р. Ли.

ства в ходе Гражданской войны, который был предложен в тот период. Конкурирующий проект изображал вооруженных чернокожих солдат, стоящих вокруг усыпальницы с гробом А. Линкольна (рис. 2). Таким образом, если Мемориал Вольноотпущеннику объяснял освобождение афроамериканцев от пут рабства исключительно актом «доброй воли» белых, олицетворяемой фигурой А. Линкольна, то альтернативный проект, так и не реализованный, связывал это с вооруженной борьбой самих бывших рабов против своих поработителей.

Рис. 2. Альтернативный проект памятника Эмансипации афроамериканцев в ходе Гражданской войны (эскиз).

На фоне прокатившихся по всей территории США массовых протестов, вызванных убийством Дж. Флойда 25 мая 2020 г. в Миннеаполисе, мэрия г. Бостона приняла решение демонтировать памятник Вольноотпущеннику на том основании, что он является «расистским восприятием черного человека», принижает роль самих афроамериканцев в своем освобождении от рабства в годы Гражданской войны в США и даже создает ощущение, что «с рабством было покончено по воле одного человека» [City of Boston...]. После многочисленных петиций в мэрию и протестных митингов памятник был, наконец, демонтирован 29 декабря 2020 г. Сегодня время для отдыха А. Линкольна в США, кажется, подошло к концу.

Исторический прецедент: президентские выборы 1860 г. и их роль в отделении штатов Конфедерации от США

Официальные результаты президентских выборов 1860 г. сыграли решающую роль в формировании штатов Конфедерации и начале процесса их сецессии — отделения от остальной территории США. В выборах участвовали 4 кандидата: А. Линкольн от только нарождавшейся Республиканской партии, два кандидата от расколовшейся Демократической партии — С. Дуглас от основного ядра демократов и Дж. Брекенридж от Южно-демократической партии, а также Дж. Белл от консервативной партии-одногодневки «Конституционный союз». Центральными для президентской кампании стали два вопроса: сохранение целостности Союза американских штатов и ликвидация рабства как явления, несовместимого с основными положениями американской Конституции, гарантирующей права и свободы всех граждан.

Важнейшим фактором президентских выборов 1860 г. стал экономический кризис 1860–1861 гг.; кризисные явления начались в ноябре 1860 г. и продолжались вплоть до июня 1861 г. [US Business Cycle...]. Благополучие аграрной экономики южных штатов, основанной на производстве хлопка, табака, сахарного тростника, риса и других видов сельскохозяйственной продукции, практически полностью зависело от рабского труда на плантациях и в других сферах экономики.

В 1860 г. 61,2% всего населения штатов будущей Конфедерации (как белого, так и чернокожего) было занято сельским хозяйством [Bhat, p. 100]. Численность населения составляла 12 млн человек, из которых 4 млн были рабами [Before the Civil War...]. Эксплуатация рабского труда позволяла аристократии Юга иметь большую концентрацию богатств по сравнению с плутократией Севера. Так, средний размер богатств одного процента самых состоятельных южан был в три раза выше среднего размера богатств наиболее состоятельного одного процента северян. По структуре накопленные богатства южан и северян также заметно различались: на долю недвижимости приходилось более 2/3 богатств 45% самых состоятельных северян, в то время как доля личных богатств, включая рабов, составляла 3/5 богатств 10% наиболее состоятельных плантаторов Юга [Dupont, Rosenbloom]. Важно отметить, что, поскольку значительная часть производимой на Юге сельскохозяйственной продукции шла на экспорт, южные штаты были поборниками низких тарифов и таможенных пошлин.

Предвыборная платформа, принятая на съезде Республиканской партии в мае 1860 г., не оставляла сомнений, что с приходом в Белый дом президента-республиканца будут предприняты достаточно решительные меры против любых попыток сецессии и против увековечивания рабства на Юге. Целостность США рассматривалась в качестве важнейшего условия обеспечения промышленного развития Америки, которое требовало в том числе и поддержания на достаточно высоком уровне таможенных пошлин на импортируемые виды продукции. Соответствующий раздел предвыборной платформы Республиканской партии гласил, что «взвешенная политика требует пополнения бюджетных доходов за счет исключительно импортных пошлин для поддержки американской государственности, чтобы стимулировать развитие промышленности в масштабах всей страны; поэтому мы выступаем за сбалансированное развитие всех американских регионов, что позволит обеспечить рабочим либеральную заработную плату, выгодные цены для сельского хозяйства, производителям готовой продукции адекватное вознаграждение за их умение, труд и предприимчивость, а также коммерческое процветание и независимость нации».

Раздел программы, содержавший требование отмены рабства на всей территории США, был выдержан в еще более бескомпромиссных тонах. Республиканцы подчеркивали, что нормальным состоянием всей территории Соединенных Штатов является свобода. «Отцы-основатели нашей республики, — указывалось в программе, — отменив рабство на всей нашей национальной территории, постановили, что «никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры»; поэтому необходимо законодательство, которое обеспечило бы неуклонное

выполнение этого положения Конституции против всех попыток его нарушения; и на этом основании мы отрицаем право Конгресса, законодательного органа территории или любых лиц оправдать существование рабства на любой территории Соединенных Штатов» [The American Presidency Project, May 17, 1860].

После президентских выборов 1860 г., состоявшихся 6 ноября, сторонники сецессии среди жителей г. Аббевилль (шт. Южная Каролина) провели 22 ноября митинг, на котором приняли Декларацию о выходе Южной Каролины из состава США. Коренной причиной начала формирования Конфедерации южных штатов стали итоги президентских выборов, в ходе которых А. Линкольн не получил **ни одного (!) голоса избирателей** в штатах Алабама, Арканзас, Флорида, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Теннесси и Техас; возможно, не в последнюю очередь потому, что его имя вообще отсутствовало в избирательных бюллетенях в этих штатах [Burlingame]. В шт. Южная Каролина всеобщих выборов не проводилось, и легислатура штата отдала 8 голосов выборщикам Дж. Брекенриджу, а в шт. Вирджиния А. Линкольн получил всего 0,9% голосов избирателей [The American Presidency Project. Statistics. 1860].

В общей сложности А. Линкольн получил 40% голосов рядовых избирателей; С. Дуглас и Дж. Брекенридж получили вместе 47,6% голосов. В политическом плане страна четко раскололась на две группы штатов: южные, к которым присоединился шт. Миссури, где победил С. Дуглас, и северные, к которым присоединились два западных штата — Калифорния и Орегон, где победил А. Линкольн. А. Линкольн стал президентом США исключительно благодаря своей победе на Севере страны; южные штаты и по форме, и по существу не считали его «своим» президентом.

С 20 декабря 1860 г. по 1 февраля 1861 г. в семи южных штатах прошли собрания, на которых были приняты декларации о выходе из состава США. В Южной Каролине выход был подтвержден на собрании представителей штата 20 декабря 1860 г., в Миссисипи — 9 января 1861 г., во Флориде — 10 января, в Алабаме — 11 января, в Джорджии — 19 января, в Луизиане — 26 января и в Техасе — 1 февраля 1861 г. 4 февраля 1861 г. коллегия выборщиков провозгласила А. Линкольна вновь избранным президентом США, и в тот же день представители шести южных штатов (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия и Луизиана) организовали встречу в г. Монтгомери (шт. Алабама) и объявили о своем выходе из США и о возвращении себе властных полномочий, делегированных по Конституции 1787 г. федеральному центру, включая право на формирование собственных вооруженных сил и на ведение внешних сношений, а также на право эмиссии собственных денежных знаков. 2 марта к ним присоединился и Техас.

Таким образом, главным механизмом распада США на два государства в 1861 г. стали президентские выборы 1860 г. и избрание А. Линкольна президентом США, с чем не согласились 13 южных штатов, сформировавшие Конфедерацию, просуществовавшую до середины мая 1865 г. Как отметил в одном из своих трудов Т. Эмори — ведущий американский историк, специализирующийся на периоде Гражданской войны, — на-

ция южан считала себя «бесхитростным народом, на которого напал ненасытный сосед, «устоявшейся» нацией, испытывавшей временные затруднения, собранием деревенских аристократов, занимающих романтическую позицию против банальностей индустриальной демократии, собранием коммерческих фермеров, стремящихся стать пешкой Его Величества короля Хлопка, апофеозом национализма и революционного либерализма девятнадцатого века» [Etnoy, pp. 83–84].

Тематика сецессии в президентских выборах 2020 г.

Не будет преувеличением сказать, что активная фаза президентских выборов 2020 г. в США прошла под знаком всестороннего обсуждения проблемы выхода ряда штатов из состава страны, переведя теоретические аргументы сторонников и противников сецессии в плоскость практической проверки их действенности в ближайшем будущем. Исходную тональность дискуссии о возможном распаде США задала книга Фрэнка Бакли «Американская сецессия: надвигающаяся угроза национального распада», вышедшая в свет в январе 2020 г. и получившая широкий резонанс как в научной печати, так и в американских СМИ. Автор — профессор права университета Джорджа Мейсона, консервативного «мозгового центра», названного так в честь одного из отцов-основателей США и выражающего интересы крупного и среднего американского бизнеса (расположен в г. Фэрфакс, шт. Вирджиния).

Интересу американской общественности к работе Ф. Бакли способствовали два обстоятельства. Во-первых, имея двойное гражданство — американское и канадское, он известен за пределами США, в том числе и в Европе. Во-вторых, будучи автором обширного круга научных исследований, Бакли ведет активную журналистскую деятельность, регулярно публикуясь в ведущих американских изданиях, таких как «Уолл-Стрит Джорнэл», «ЮЭсТудей», «Нэшенэл Ревью», выступает на ведущих американских телеканалах. По своим политическим взглядам он может быть причислен к сторонникам Д. Трампа; более того, в ходе президентской кампании 2016 г. он активно помогал Д. Трампу, будучи его советником и составителем ряда речей. В октябре 2018 г. он опубликовал эссе «Почему я помог Трампу покончить со старой Республиканской партией», где четко сформулировал основной диагноз нарастающего кризиса в американском общественном развитии. Ф. Бакли писал: «В международных рейтингах экономической свободы мы падаем словно камень. Наша система среднего образования посредственна по сравнению с системами среднего образования других ведущих стран мира. Наши бюрократы сформировали параллельное правительство, неизбираемое и неподотчетное административное государство. Мы опутали себя расточительными законами, которые, учитывая паралич власти в Вашингтоне, оказалось невозможным упразднить. Однажды объединившись, мы теперь являемся разделенной нацией, в которой каждая социальная группа оказалась замкнутой в фобиях своей ненависти».

Но основную проблему современных США Ф. Бакли видит в появлении мощного правящего «нового класса», воспитанного и исповедующего либеральные ценности и идеологию. По его представлениям, «новый класс» не состоит из «сверхбогатых 0,1%

американского населения, которые — как бы странно это ни звучало — являются на удивление эгалитарной прослойкой, которая пробилась наверх благодаря своим собственным усилиям. Новая американская элита представлена 10% самых лучших профессионалов, получающих более 200 тыс. долларов в год, которые передают свои статусные позиции «по наследству» своим детям. Они чрезвычайно преуспели в создании новых правил политических игр и суперизобретательны в создании постоянно меняющегося оруэлловского новояза, который используется как фильтр для отбраковки всех отсталых, «эксцентричных» и политически некорректных. Они живут в мире, разделенном на людей под столом и за столом, и исповедуют принцип, согласно которому цели оправдывают средства их достижения. Вы безошибочно узнаете их по их фирменным оборотам речи. Мир — плоский. Демография — это судьба. В Америке все рады видеть вас» [Buckley Why I helped...]¹.

Ф. Бакли трактует проблему возможной сецессии Америки в контексте широких тенденций глобального развития. Первой тенденцией подобного рода, начиная с середины XX в., сразу же после окончания Второй мировой войны, стал процесс освобождения большинства стран Африки и Азии от колониальной зависимости. Бывшие колониальные страны отделились от своих метрополий, образовав десятки новых государств, ставших полноправными членами ООН. В этом плане применительно к США первой сецессией стало отделение американских колоний от их Британской метрополии в середине 1770-х годов.

Вторым важнейшим фактором стало окончание холодной войны на рубеже 1980–1990-х годов, которое привело к распаду СССР, а также последовавшему за этим распаду Чехословакии и Югославии. Всего в тот период на политической карте мира появилось 24 новых государства [Более подробно: Нарочницкая Понимание сепаратизма; Она же Многообразный сепаратизм...]. Попутно можно отметить, что проблемы сецессии и контрсецессии в настоящее время стали важным направлением академических исследований европейских ученых [см., в частности: Muro D., Woertz].

Наконец, третьим фактором стало формирование глобализирующейся мировой экономики, в рамках которой «даже небольшие страны могут сравнительно легко выйти

---

¹ Депутат Я. Фолдына (оппозиционное движение либеральной, но евроскептической направленности «Свобода и прямая демократия», возглавляется чехом с японскими корнями Т. Окамурой; имеет 22 из 200 мест в парламенте) на 57-й сессии Палаты депутатов 19 августа 2020 г. напомнил о событиях 2019 г.: «230 тыс. или 250 тыс. демонстрантов в Праге на Летне — это не Чешская Республика! У нас восемь миллионов избирателей. То же и в Белоруссии. О чем мы здесь говорим? Посмотрим все сами на себя здесь в зеркало!...Оставим белорусов в покое, пусть они сами решают белорусские дела, и направим свои усилия на то, чтобы чехи в Чешской Республике жили лучше!.. Мы лицемеры, поскольку мы молча сидели, когда такие же события происходили в других местах. Когда это происходило в Париже, когда стреляли резиновыми пулями. Господин премьер прекрасно говорит на французском, наверное, он тут же позвонил Макрону с требованием покинуть свой пост. Ведь тот не имел права стрелять в людей! Или имел? Это дело Парижа и Франции...» [Parlament České republiky...].

на мировые рынки, что резко снижает относительные издержки выхода из крупного государственного образования» [American Secession...].

По мнению Ф. Бакли, странам грозит опасность «распада, когда их народы оказываются безнадежно разделены». США в настоящее время являются «наименее соединенными, чем когда-либо на всем протяжении своей истории после окончания Гражданской войны, будучи разделенными по политическому, религиозному и культурному признакам. С практической точки зрения, за исключением существующего всевластия общенационального законодательства, США уже прочно разделены на две нации, подобно тому как это имело место в 1861 г. Нетерпимое отношение к оппонентам, охлократия, подчинившая себе Твиттер, все мыслимые формы поношения несогласных собеседников, растущая терпимость к насилию — все это является верными признаками того, что американцы были бы счастливее, если бы жили в разных странах» [Buckley American Secession... p. ix].

Свою аргументацию не только о желательности, но и о необходимости сецессии для США Ф. Бакли строит на анализе опыта Конфедерации времен Гражданской войны 1861–1865 гг. Исторический опыт того периода прочно закрепил в американском общественном сознании представление, что сецессия и гражданская война являются неразделимыми явлениями, взаимно обуславливающими друг друга. Ф. Бакли, наоборот, противопоставляет эти два явления, считая, что в современных условиях сецессия является формой и возможностью для США избежать кровопролитной гражданской войны.

В конце 2019 г. в США вызвал большой резонанс опрос, проведенный социологической службой Джорджтаунского института политики и государственной службы, согласно которому 2/3 респондентов считали, что США вплотную подошли к «границам гражданской войны» [October 2019... Poll 65, p. 1]. В этой связи можно также указать на опрос общественного мнения, проведенный в 2011 г. социологической службой «Пью Рисерч Сентер» и приуроченный к 150-летней годовщине начала Гражданской войны. Согласно его результатам, большая часть опрошенных — 56% — согласились, что опыт Гражданской войны имеет значение и актуален для современных США, в то время как только 39% считали его неактуальным. Показательна и эволюция представлений об истинных причинах Гражданской войны. В понимании почти половины респондентов (48%) Гражданская война была спровоцирована проблемой прав штатов, и только 38% полагали, что она была обусловлена проблемой рабства [Civil War at 150...]. Иными словами, результаты этого социологического опроса можно интерпретировать следующим образом: сецессия времен Гражданской войны по-прежнему представляется допустимой формой защиты прав и суверенитета штатов, входящих в американскую федерацию, тогда как проблему рабства рассматривают в сугубо историческом ракурсе.

По мнению Ф. Бакли, политические реалии и идеологическая атмосфера в современных США по сравнению с серединой XIX в. претерпели кардинальные изменения, что

теоретически делает сецессию более вероятным процессом¹, несмотря на то, что в свое время Гражданская война ясно дала понять американским сепаратистам, что ни при каких обстоятельствах штаты не могут выйти из состава США. Как указал в этой связи профессор права Д. Фарбер, первый раздел 14-ой поправки (о гражданстве) к Конституции США, специально принятой в 1868 г. сразу же после Гражданской войны, «подразумевает, что штат не имеет права лишать гражданина США связи между ним и национальным правительством с помощью сецессии или каким-либо другим способом» [Farber, p. 483]. Ф. Бакли делает иное экспертное заключение. Несмотря на то, что Конституция страны запрещает штатам выходить из состава США, полагает он, «не так трудно представить возможный распад США. Причины, по которым любой штат в настоящее время пожелает выйти из состава Союза, являются более императивными, чем в любой другой период американской истории. Проблема рабства давно канула в Лету, и нигде не видно признаков, которые могли бы обернуть вспять революцию в правах человека. Более того, штаты, где наблюдаются наиболее активные сепаратистские движения, принадлежат к числу прогрессивных, желающих поскорее избавиться от опеки федерального правительства, которое, как считают в этих штатах, является слишком консервативным. Если сецессии и суждено осуществиться в наше время, то она станет политически корректным событием» [Buckley American Secession... p. x].

«Развалить Америку!»

Если книгу Ф. Бакли можно считать обоснованием «цивилизованного развода» про республиканских и продемократических штатов, написанным с правых «протрампистских» позиций, то появившаяся в августе 2020 г. работа американского публициста и «свободного философа» Ричарда Крейтнера «Развалите Америку: сецессия, разделение и тайная история несовершенного союза Америки» оправдывает необходимость «развала» США с левых и даже социалистических позиций. Как признался сам Р. Крейтнер в одном из интервью в конце 2020 г., его политическим героем является сенатор из Вермонта Берни Сандерс [Kreitner An Interview with...].

«Диссидентский» взгляд на историю США Р. Крейтнера сравнительно прост: Соединенные Штаты Америки никогда не были *соединенными* — они всегда были *разъединенными*. В контексте канонической дихотомии «соединенные — разъединенные» официальная американская историография трактует союзные отношения в рамках американской федерации как независимую переменную, распад и разъединение — как зависимую переменную. Р. Крейтнер развивает прямо противоположную концепцию, согласно которой «разброд и шатание» всегда являлись нормой американской

1 Об изменении идейно-политического контекста проблемы сецессионизма в международном масштабе см.: Нарочницкая Е.А. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом // Перспективы. Электронный журнал. 2015. №3. С. 20–37. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/c18/3_2015-06.11.pdf (дата обращения: 12.03.2021) и Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–55. — URL: cyberleninka.ru/article/n/mnogoobraznyy-separatizm-problema-tipologii-i-evropeyskie-realnosti (дата обращения: 12.03.2020).

внутриполитической жизни, а состояние федеративной сплоченности — временным отклонением от основной траектории внутриполитического развития США.

Соединенные Штаты, подчеркивает Р. Крейтнер, «всегда были расколоты по расовым и религиозным признакам, разделены на классовые и культурные страты, разграничены секционными барьерами и фрагментированы географическими различиями. Наш самый известный миф о том, что формирование единой страны состоялось и что из множества наконец-то возникло нечто единое, является не чем иным, как простым мифом» [Kreitner Break it up... p. 6].

Работа Р. Крейтнера представляет собой историографию американских сепаратистских движений, возникших едва ли не с момента образования США в 1776 г. Сепаратистские идеи на всем протяжении американской истории неизменно овладевали умами северян и южан, рабовладельцев и аболиционистов, империалистов и изоляционистов, белых, черных и коренных народов Америки, чиканос (мексиканских жителей США), мормонов и миссионеров, хиппи, анархистов, феминисток, шпионов и секретных агентов, даже американских президентов — все они «ставили под сомнение легитимность Союза, сомневались в его долговечности, организовывали заговоры по его роспуску или страстно жаждали его неизбежного конца» [Kreitner Break it up... p. 6]. Возможно, пытаясь проникнуть в архетипы американского общественного сознания, Р. Крейтнер не так уж и неправ в своем выводе, что «сецессия является единственным видом революции, которую доподлинно знают американцы и которую они хотели бы провести». С этой точки зрения распад США превратился в некую подсознательную *idée fixe* и «является единственно подлинной общенациональной идеей американцев» [Kreitner Break it up... p. 6].

С позиций библейских представлений, о «времени разбрасывать камни» и «времени собирать камни», важно проанализировать причины, приведшие не только к сецессии 1.0, то есть к образованию Конфедерации в начале 1860-х годов, но и к восстановлению американского Союза в период Реконструкции Юга — фактически второму созданию США после Гражданской войны, подобному процессу их создания после войны за независимость в 1775–1783 гг. Как указывает Р. Крейтнер, период Реконструкции, который в принципе сохранил полярную фрагментарность американского общества по оси Север — Юг на долгие десятилетия (вплоть до революции гражданских прав 1960-х годов), закончился «контрреволюцией богатейших кланов южан». Иными словами, «двухпартийная ностальгия по золотому веку национального единства если что и показала, так это то, что его никогда не существовало» [Kreitner Break it up... p. 12].

И хотя революция гражданских прав 1960-х годов не привела к заметным сепаратистским движениям, она запустила практически необратимый процесс «балканизации» Америки, плавно переросший после окончания холодной войны «в череду бесконечных культурологических войн, которые мощные экономические силы использовали в своих интересах, чтобы загнать американцев во враждебно относящиеся друг к другу лагеря, составляющие основу их бытия в настоящее время» [Kreitner Break it up...

р. 11]. Помимо этого, культурологические войны способствовали вызреванию достаточно сильных сепаратистских движений в штатах Калифорния, Техас, Вермонт, Аляска и на Гавайях.

Своеобразным политическим водоразделом явились президентские выборы 2016 г., когда Д. Трамп стал президентом «Разделенных Штатов Америки» — той части политически активного американского общества, главным образом республиканских избирателей, которая за него проголосовала. Президентские выборы 2020 г. только усилили тенденцию разъединения, закрепив за Дж. Байденом статус президента продемократической Америки. В этой связи можно указать на результаты опроса общественного мнения, опубликованного в конце сентября 2020 г. социологами Университета Хофстра (шт. Нью-Йорк). Около 60% опрошенных избирателей демократов высказалось за выход штата их проживания из США в случае победы Д. Трампа, и немногим более 56% республиканского электората ратовало за отделение своего штата в случае победы Дж. Байдена. Результаты удивили университетских аналитиков тем, что бóльшая часть опрошенных высказалась за выход их штата из США, а не за созыв Конституционного собрания для выработки новой Конституции или внесения поправок и изменений в текст Конституции 1787 г. [Biden Widens Lead...].

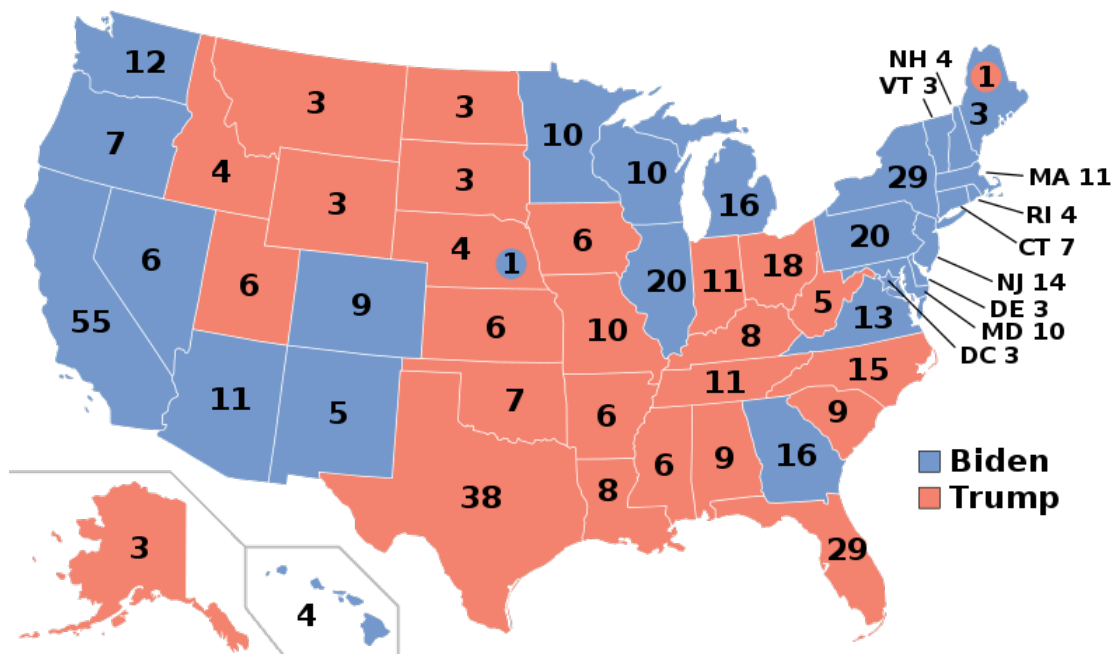
Согласно опросу общественного мнения, проведенному Джорджтаунским институтом политики и государственной службы в январе 2021 г., 82% американцев согласны с утверждением, что результатом выборов 2020 г. и избрания Дж. Байдена новым американским президентом явилось дальнейшее размежевание американского общества по политическим, расовым и классовым признакам [NEW POLL: Georgetown Institute...].

На этом фоне весьма знаменательно выступление Р. Крейтнера со статьей «Наше время — не время для единства». В ней он недвусмысленно заявил, что «на протяжении всей американской истории риторика единства использовалась для поддержания неравного, несправедливого и в целом неустойчивого статус-кво. Отстаивание мира любой ценой кажется наиболее прагматичным политическим выбором тогда, когда эту цену платят самые обездоленные и бесправные граждане» [Kreitner Now is not...]. Если считать, что Р. Крейтнер выражает мысли и настроения леворадикального крыла Демократической партии США, то последнее в обозримой перспективе будет выступать за усиление центробежных тенденций в существующей американской федерации.

Развод или раздельное проживание?

Известная диалектическая триада Г. Гегеля «тезис — антитезис — синтез» вполне применима к общей направленности дискуссии о возможном распаде США, развернувшейся на фоне президентской кампании 2020 г. Стремление избежать крайностей и издержек такого распада побудило к поиску решения проблемы «Разделенных Соединенных Штатов» в логике сохранения единого государства, но не в существующем федеративном формате, а в виде возможной будущей конфедерации, объединяющей два государственных образования: «красные», прореспубликанские, и «синие», проде-

мократические штаты. По сути, этот подход проистекал из итоговых результатов президентских выборов 2020 г., когда и Д. Трамп, и Дж. Байден одержали победу поровну в 25 штатах каждый, не считая округа Колумбия, то есть столичного города Вашингтон, традиционно голосующего за кандидатов от Демократической партии. Победители президентских выборов 2020 г. на уровне штатов приводятся на рис. 3.

Рис. 3. «Красные» и «синие» штаты по итогам президентских выборов 2020 г.

Примечание. Цифры показывают голоса членов Коллегии выборщиков, которые получили соперники в каждом конкретном штате (общее количество выборщиков — 538).

- NH — Нью-Гемпшир
- VT — Вермонт
- MA — Массачусетс
- RI — Род-Айленд
- CT — Коннектикут
- NJ — Нью-Джерси
- DE — Делавэр
- MD — Мэриленд
- DC — г. Вашингтон (округ Колумбия)

На карте наглядно показано политическое размежевание современных США. Кандидат демократов Дж. Байден победил в «синих» штатах, расположенных на Восточном и Западном побережьях Америки (частично — в ряде северных штатов), а Д. Трамп — в южных штатах и штатах Среднего Запада, которые образуют географически целостную территорию.

Именно географические результаты президентских выборов 2020 г. положил в основу своего анализа автор, опубликовавший под псевдонимом «Ребекка» разбор проблемы цивилизованного «развода» американских штатов, вызвавший большой резонанс в экспертном сообществе США. Из анналов американской истории известно, что «Ребекка» — это единственный псевдоним, которым пользовался А. Линкольн. Судя по короткой редакционной характеристике личности «Ребекки», он (или она) является достаточно влиятельной фигурой в Республиканской партии США, близкой к американским президентам-республиканцам. Общая направленность этого эссе (а правильнее сказать — предложения по реформе американской федерации) выражена в его названии: «Разъединение».

Исходная позиция автора заслуживает того, чтобы быть подробно воспроизведенной: «Разделение в Соединенных Штатах экстраординарно и непримиримо. Большинство до сих пор с этим не согласны. «Америка много раз сталкивалась с внутренними раздорами, — говорят они, — но мы всегда их успешно преодолевали»». (Заметим, что этот взгляд в настоящее время широко распространен и в мире, и в экспертной среде американистов.) Фактически уже в настоящее время США, пишет далее «Ребекка», распались как минимум на «две совершенно разные страны», которые можно сравнительно легко идентифицировать по их культурно-мировоззренческому коду: «С одной стороны, «традиционные», сельские, верующие владельцы оружия, которые охотятся и любят школьный американский футбол. С другой — «прогрессивные», городские, безрелигиозные игроки в европейский футбол, которые не хотят и касаться оружия. Упрощенно, но точно».

Казалось бы, коронавирусная «война» должна была сплотить американскую нацию, потерявшую в 2020 г. — начале 2021 г. почти 0,5 млн своих граждан при почти 27 млн заболевших. Однако пандемия еще больше антагонизировала общественные отношения, разведя американцев по новым линиям: «носить — не носить маски и «останавливать — не останавливать экономику».

Современный кризис идентичности американского общества проистекает из кризиса американской идеи. В отличие от европейцев, американцы не имеют общего исторического прошлого, уходящего корнями в глубь веков. Отцы-основатели США в конце XVIII в. полагали, что они создают не новую нацию или новую страну, а скорее осуществляют «исторический эксперимент» по созданию новой республики¹. С этой точки зрения объединяющей для американцев была «гражданская религия», основанная на комбинации идей свободы, эгалитаризма, индивидуализма, популизма и свободных рынков, что и образовало «нацию с воцерковленной душой».

Кризис американской идеи проистекает — не из исчерпания ее мощи или привлекательности, а от ее раздвоения, превращения в своего рода двуликого Януса. Поэтому

---

1 В свое время эту особенность формирования США хорошо раскрыл известный американский историк А. Шлезингер-мл. в своей статье 1977 г.: [Schlesinger].

феномен Д. Трампа — это «результат раздробленного, дисфункционального государства, лидеры которого утратили доверие. Устранение Трампа с политической арены ничего не изменит, поскольку по-прежнему будут активно действовать силы, породившие его» [Rebecca]. Было бы ошибкой считать, что утратила свою действенность Конституция США; скорее, не стало нации, для которой и в интересах которой она создавалась. Поэтому стратегия возрождения США как единой нации, утверждает автор под псевдонимом «Ребекка», заключается в плавном превращении ее из федерации в конфедерацию через созыв Конституционного собрания представителей штатов. «Раздельное проживание» может спасти Америку, в то время как «развод» через сецессию означал бы национальное самоубийство.

Но, как показала развернувшаяся в США дискуссия, частичное или полное изменение Конституции страны практически невозможно: если в американском обществе конца XVIII в. доминировали политические коалиции, то в современном обществе верховодят экономические силы. Постепенное переворачивание соотношения политического базиса и экономической надстройки в течение 200 с лишним лет в пользу основополагающей роли экономики привело к тому, что США давно перестали быть демократической республикой и превратились в олигархию, которая заинтересована в сохранении американского политического устройства в его современном виде.

Как указал в этой связи профессор политологии Э. Эрлер, олигархию может устраивать демократическая форма правления, но возможна и трансформация в сторону тирании, как в свое время описал этот процесс древнегреческий философ Аристотель¹. Тираническая форма правления предполагает победу одной части Америки над другой, как это и произошло в годы Гражданской войны. В настоящее время «синие» штаты тоже явно стремятся одержать верх над «красными» штатами. В ближайшем будущем, подчеркнул Э. Эрлер, «такой сценарий развития внутривнутриполитической ситуации в США представляется наиболее вероятным» [Erler]. И фундаментальная причина этого состоит в растущем разрыве экономических потенциалов «красных» и «синих» штатов, что фактически превратило страну в североамериканскую разновидность «синей» метрополии и «красной» колонии.

Два разнородных экономических уклада современной Америки

Американская Конституция конца XVIII в. наделила штаты, независимо от размера их территории и численности их населения, одинаковыми правами, сделав их равноправными членами американской федерации. Экономические реалии коренным образом видоизменили расстановку политических сил в современном американском обществе.

1 В сочинении «Политика» Аристотель писал: «В какую сторону клонится государственный строй, в том направлении и происходит изменение, так что те и другие стремятся усилить то, что им выгодно; полития, например, перейдет в демократию, аристократия — в олигархию. Или изменение пойдет в противоположном направлении, т.е. аристократия обратится в демократию (если менее обеспеченные, терпя обиды, станут тянуть в противоположную сторону), а полития — в олигархию». [Аристотель, с. 188]

Это изменение видно из данных табл. 1, в которой приведены политические результаты президентских выборов 2020 г., соотнесенные с экономическим «весом» штатов и графств, принявших участие в выборах.

Таблица 1

Политические итоги президентских выборов 2020 г.: экономическое измерение

Кандидат	Победитель в:		Число избирателей, млн человек	Доля в ВВП США, %
	количестве штатов	количестве графств		
Дж. Байден	25	509	81,3 (51,3%)	71
Д. Трамп	25	2547	74,2 (46,9%)	29

Muro M., Duke E., You Y, and Maxim R.; The Cook Political report. 2020].

Состоявшееся разделение Америки на два американских общества с двумя экономиками подчеркивается колоссальным разрывом в их экономическом потенциале — примерно в 2,5 раза, что является важнейшим фактором не только существующего, но и дальнейшего политического размежевания между «красными» и «синими» штатами и графствами. В этой связи можно также указать, что на президентских выборах 2016 г. экономический «вес» 65,9 млн избирателей, проголосовавших за кандидата от Демократической партии Х. Клинтон, составлял 64%, в то время как экономический «вес» 63,0 млн избирателей Д. Трампа — всего 36%.

После финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. в американской экономике оформились траектории двух разбегающихся «экономических Вселенных», одну из которых составляют республиканские, преимущественно сельские, штаты и графства, а другую — демократические штаты с урбанистическими центрами.

Этот углубляющийся разрыв проявился в ведущих экономических показателях, таких как годовые доходы домовладений и производительность труда. Так, если в 2008 г. средние доходы домовладений в избирательных округах республиканцев и демократов составляли соответственно 55,0 тыс. и 54,0 тыс. долларов, то спустя почти 10 лет, в 2017 г., средние доходы в республиканских избирательных округах сократились до 53,0 тыс. долларов, в то время как в демократических избирательных округах они, наоборот, выросли до 61,0 тыс. долларов, опередив республиканские на 15%. Не менее показательными являются и данные по росту производительности труда в расчете на одного работника. Если в 2008 г. средний уровень производительности труда на одного работника в демократических избирательных округах составил 118,0 тыс. долларов, то в 2018 г. она увеличилась до 139,0 тыс. долларов, или примерно на 18%. В то же время аналогичный показатель в республиканских избирательных округах остался практически неизменным, увеличившись за 10 лет всего на тысячу долларов — со 109,0 тыс. до 110 тыс. долларов [Muro, Whiton]

Другие принципиально важные социально-экономические сдвиги, произошедшие в демократических и республиканских избирательных округах в 2008–2018 гг., суммированы в табл. 2.

Таблица 2

Важнейшие социально-экономические сдвиги в республиканских и демократических избирательных округах в 2008–2018 гг.

Округа	2008 г.	2018 г.
	Демографические сдвиги:	
Доля городского населения, %		
Демократические	86,7	94,6
Республиканские	82,7	75,6
Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %		
Демократические	12,7	14,7
Республиканские	12,9	16,6
Доля небелого населения, %		
Демократические	39,4	49,5
Республиканские	28,0	27,3
Доля населения, рожденного за пределами США, %		
Демократические	15,4	20,1
Республиканские	10,5	8,1
Экономические сдвиги:		
Доля рабочих мест в отраслях обрабатывающей промышленности, %		
Демократические	53,8	43,6
Республиканские	46,2	56,4
Доля рабочих мест в сельском хозяйстве и горнодобыче, %:		
Демократические	46,7	39,5
Республиканские	53,9	60,5
Доля работников высшей квалификации, включая сектор информационных услуг, в %:		
Демократические	63,7	71,3
Республиканские	36,3	28,9

[Brookings. Muro M. and Whiton J.]

Приведенные цифры дают наглядное представление об углубляющихся линиях разлома «красной» и «синей» Америк. Население республиканских округов стареет, они предпочитают жить в сельской местности. «Красные» штаты являются преимущественно сельскохозяйственными и горнодобывающими, они в большей степени полагаются на традиционные отрасли обрабатывающей промышленности США, которые не требуют рабочих и служащих высокой квалификации. «Красные» штаты населены преимущественно белыми американцами, достаточно негативно относящимися к массовой иммиграции, особенно из стран Латинской Америки, Азии и Африки.

Сторонники Демократической партии предпочитают селиться в крупных городах, основу экономики которых составляет сфера услуг, требующая работников высокой квалификации (отрасли информационно-коммуникационных технологий, здравоохранения).

ранения, образования, государственного управления). Городские ареалы Восточного и Западного побережья США являются анклавом проживания и «вторжения» иммигрантов, в том числе и нелегальных. Возможно, самое главное в совокупности этих сдвигов состоит в том, что небелое население в демократических избирательных округах уже в настоящее время составляет половину населения, в том числе, естественно, и политически активного. Таким образом, «синие» штаты, по сути, уже превратились в витрину американского Будущего, которое стало Настоящим, где белое население имеет все шансы стать «гонимым» и «униженным» меньшинством, обреченным на проживание в сельских и горных «резервациях».

Вместо заключения: «Текзит»¹

Непосредственно после президентских выборов 3 ноября 2020 г. в США произошло беспрецедентное событие, которое, возможно, будет иметь серьезные последствия для дальнейшей судьбы американской федерации. 9 декабря 2020 г., пытаясь задействовать Верховный суд США в определении конечных итогов президентских выборов, Генеральный прокурор шт. Техас К. Пакстон подал в Верховный суд иск с просьбой дать правовую оценку избирательному процессу и процедурам подсчета голосов в четырех штатах — Джорджии, Мичигане, Висконсине и Пенсильвании. В иске Техаса, который был поддержан Генеральными прокурорами еще 17 штатов (естественно, республиканских: Миссисипи, Монтаны, Индианы, Оклахомы, Луизианы, Алабамы, Флориды, Западной Вирджинии, Небраски, Южной Дакоты, Юты, Арканзаса, Канзаса, Миссури, Теннесси, Северной Дакоты и Южной Каролины), в частности, указывалось, что зафиксированные нарушения в ходе президентских выборов в этих штатах «далеко выходят за рамки хорошо известной саги о подсчете голосов во время президентских выборов 2000 г. по степени нарушений законов штата и федерального закона. Более того, в совокупности они исключают возможность узнать, кто законно выиграл выборы 2020 г., и угрожают перспективам всех будущих президентских выборов» [In the supreme court...]. В иске содержалось требование к суду запретить выборщикам от этих штатов, до правовой оценки нарушений, допущенных в ходе избирательного процесса, участвовать в заседании Коллегии выборщиков 14 декабря 2020 г., которое и должно было официально избрать, в соответствии с Конституцией США, президента и вице-президента страны.

11 декабря 2020 г. Верховный суд США отказался рассмотреть иск «Техаса против Пенсильвании» на том основании, что штат Техас не смог доказать, что у него есть законное право обращаться с такими требованиями. По мнению суда, он не продемонстрировал «юридически обоснованный интерес к тому, как выборы проводятся в других штатах» [Texas v. Pennsylvania].

Следует учитывать, что 10 декабря в Верховный суд поступил встречный иск от 17 штатов и двух территорий с требованием отклонить иск Техаса. Встречный иск был подан генеральными прокурорами преимущественно демократических штатов Нью-Мек-

¹ Текзит — производное от Texas + Exit = Texit. По аналогии с Брекзит (Brexit).

сико, Калифорнии, Гавайев, Вермонта, Миннесоты, Вашингтона, Невады, Мена, Мэриленда, Нью-Йорка, Делавэра, Род-Айленда, Иллинойса, Орегоны, Северной Каролины, Коннектикута, Колорадо, а также двух территорий — Гуама и американских Виргинских островов. К встречному иску присоединился и г. Вашингтон (округ Колумбия).

Поскольку в условиях встречного иска Верховный суд фактически встал на сторону «синих» штатов, отказавшись «безо всяких оснований» выполнять роль арбитра в принципиальном межштатном споре, затрагивающем основы конституционного устройства США, то последующая реакция техасских властей была вполне предсказуемой. Председатель Республиканской партии Техаса А. Уэст, потомственный военный служащий и ветеран иракской войны, выступил с заявлением, согласно которому «законопослушные штаты должны вместе сформировать Союз, который будет следовать положениям Конституции США». Это была уже почти неприкрытая угроза подразумеваемой сецессией. Собственно говоря, она и была воспринята в американских политических кругах как призыв к отделению. В своем комментарии на заявление А. Уэста сенатор-демократ от шт. Гавайи Б. Шатц прямо написал, что «Республиканская партия Техаса официально выступает за выход из Союза. Они потеряли рассудок. Байден будет президентом, но эти люди чрезвычайно серьезно относятся к отделению и мятежу» [цит. по: Axelrod].

26 января 2021 г. член Палаты представителей Конгресса от шт. Техас К. Бидерман внес в законодательное собрание штата законопроект о проведении в Техасе референдума о независимости штата. Смысл этого законопроекта предельно прост: провести 2 ноября 2021 г. необязательный к исполнению референдум с вопросом о том, «должен ли законодательный орган штата Техас представить план выхода из Соединенных Штатов Америки и создания независимой республики?» [Herman].

И хотя в настоящее время техасские аналитики оценивают шансы на прохождение этого законопроекта в обеих палатах легислатуры Техаса, а также подписание его губернатором Габботом как маловероятные, идея проведения референдума представляется многим поборникам независимости Техаса реинкарнацией идеи референдума, который был проведен 23 февраля 1861 г. и по итогам которого Техас стал частью Конфедерации. Во всяком случае, известное Техасское националистическое движение, объединяющее в своих рядах свыше 400 тыс. человек и активно действующее на территории штата с конца 1990-х годов, развернуло мощную кампанию в поддержку проведения референдума о независимости. Под мощным давлением представителей этого движения Республиканская партия Техаса на своем съезде включила в партийную программу пункт (поддержанный 93% участников съезда) о праве Техаса на выход из состава США в том случае, если «будущий президент и Конгресс изменят политическую систему с конституционной республики на любую другую систему». По заявлению лидера техасского националистического движения Д. Миллера, «республиканские выборные должностные лица больше не могут игнорировать проблемы, связанные с TEXIT, и озабоченность по поводу наших отношений с федеральным правительством. Новый статус-кво означает, что любое избранное должностное лицо, стоящее под знаменем республиканцев, должно признать право на отделение и важность независимости Техаса для техасцев» [Vindicated: Texas...].

Литература

Аристотель. Политика. М. 2006.

Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–55. — URL: cyberleninka.ru/article/n/mногообразnyy-separatizm-problema-tipologii-i-evropeyskie-realnosti (дата обращения: 12.03.2020).

Нарочницкая Е.А. Понимание сепаратизма: Об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 14–31. — URL: cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-separatizma-ob-ambivalentnyh-sootnosheniyah-setsessionizma-avtonomizma-regionalizma (дата обращения: 12.03.2020).

2020 National Popular Vote Tracker // The Cook Political report. — URL: cookpolitical.com/2020-national-popular-vote-tracker (date of access: 12.03.2020).

The American Presidency Project. Republican Party Platform of 1860. May 17, 1860. — URL: presidency.ucsb.edu/node/273296 (date of access: 12.03.2020).

The American Presidency Project. Statistics. 1860 Elections. — URL: presidency.ucsb.edu/statistics/elections/1860 (date of access: 12.03.2020).

American Secession: The Looming Threat of a National Breakup (#VEXIT BOOK REVIEW). — «Vermont Independent», November 1, 2020. // Vermont Independent. 01.11.2020. — URL: vermontindependent.net/american-secession-the-looming-threat-of-a-national-breakup-vexit-book-review/ (date of access: 12.03.2020).

Axelrod T. Texas GOP chair floats secession for 'law-abiding states' after Supreme Court defeat // The Hill. 12.11.2020. — URL: thehill.com/homenews/state-watch/529926-texas-gop-chair-appears-to-suggest-secession-after-scotus-rejects (date of access: 12.03.2020).

Before the Civil War. What Were the Characteristics of the North // Radnor Township School District. — URL: rtsd.org (date of access: 12.03.2020).

Bhat V. Economic Conditions of the States Before and After the Civil War // Journal of Social Sciences. December 2014. Pp. 97–103.

Biden Widens Lead, But Voter Mistrust of Process Runs Deep: Kalikow School Poll // Hofstra. 29.09.2020. — URL: news.hofstra.edu/2020/09/29/biden-widens-lead-but-voter-mistrust-of-process-runs-deep-kalikow-school-poll/ (date of access: 12.03.2020).

Buckley F. American Secession: The Looming Threat Of A National Breakup. N.Y. 2020.

Buckley F. Why I helped Trump kill the old Republican Party // UnHerd. 05.11.2018. — URL: unherd.com/2018/10/i-helped-trump-kill-old-republican-party (date of access: 12.03.2020).

Burlingame M. Abraham Lincoln: Campaigns and Elections // Miller Center (UVA). 2019. — URL: millercenter.org/president/lincoln/campaigns-and-elections (date of access: 12.03.2020).

City of Boston to remove the Emancipation Group statue after Boston Art Commission vote // City of Boston. 01.07.2020. — URL: boston.gov/news/city-boston-remove-emancipation-group-statue-after-boston-art-commission-vote (date of access: 12.03.2020).

Civil War at 150: Still Relevant, Still Divisive // Pew Research Center. 08.04.2011. — URL: pewresearch.org/politics/2011/04/08/civil-war-at-150-still-relevant-still-divisive/ (date of access: 12.03.2020).

Dupont B., Rosenbloom J. Impact of the US Civil War on southern wealth holders // VOXEU/CEPR. 19.06.2016. — URL: voxeu.org/article/impact-us-civil-war-southern-wealth-holders (date of access: 12.03.2020).

- Emory Th.* The Confederate Nation: 1861–1865. N. Y. 1979.
- Erler Ed.* The New Oligarchs Will Not Tolerate Secession. A response to «Rebecca» // The American Mind. 16.12.2020.
- Farber D.* The Fourteenth Amendment and the Unconstitutionality of Secession // Akron Law Review. 2012. Vol. 45. №2. Art. 6. PP. 479–512.
- Herman K.* Herman: Texas secession bill filed in House // Austin American Statesman. 26.01.2021.
— URL: statesman.com/story/news/columns/2021/01/26/herman-texas-secession-bill-filed-state-house/4254242001/ (date of access: 12.03.2020).
- In the Supreme Court of the United States. State of Texas, Plaintiff, v. Commonwealth of Pennsylvania, State of Georgia, State of Michigan, and State of Wisconsin, Defendants. Motion for Leave to File. Bill of Complaint. 07.12.2020. — URL: [google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjzmz57P_PDuAhW-BxAIHZJQACIQFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Fdateofaccess:12.03.2020](https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjzmz57P_PDuAhW-BxAIHZJQACIQFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Fdateofaccess:12.03.2020)
- Kreitner R.* Break It Up: Secession, Division, and the Secret History of America's Imperfect Union. N.Y. 2020.
- Kreitner R.* Now Is Not the Time for Unity. If Joe Biden stakes his presidency on compromise and comity, his presidency will be a failure // The Nation. 15.01.2021.
- Kreitner. R.* An Interview With Brake it Up Author Richard Kreitner // Zocalo. 22.10.2020.
— URL: zocalopublicsquare.org/2020/10/22/break-it-up-author-richard-kreitner-the-nation/personalities/in-the-green-room/ (date of access: 12.03.2020).
- Muro D., Woertz E.* Barcelona Centre for International Affairs. Secession and Counter-secession An International Relations Perspective. Barcelona. CIDOB. 2018.
- Muro M., Duke E., You Y., Maxim R.* Biden-voting counties equal 70% of America's economy. What does this mean for the nation's political-economic divide? // Brookings. 08.11.2020. — URL: [brookings.edu/blog/the-avenue/2020/11/09/biden-voting-counties-equal-70-of-americas-economy-what-does-this-mean-for-the-nations-political-economic-divide/](https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2020/11/09/biden-voting-counties-equal-70-of-americas-economy-what-does-this-mean-for-the-nations-political-economic-divide/) (date of access: 12.03.2020).
- Muro M., Whiton J.* America has two economies—and they're diverging fast // Brookings. 19.09.2019. — URL: [brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/](https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/) (date of access: 12.03.2020).
- NEW POLL: Georgetown Institute of Politics and Public Service releases January 2021 Civility Poll // Georgetown University. Institute of Politics and Public Service. 13.01.2021. — URL: [politics.georgetown.edu/2021/01/13/new-poll-georgetown-institute-of-politics-and-public-service-releases-january-2021-civility-poll/](https://www.politics.georgetown.edu/2021/01/13/new-poll-georgetown-institute-of-politics-and-public-service-releases-january-2021-civility-poll/) (date of access: 12.03.2020).
- October 2019. Battleground Poll 65. Civility in Politics: Frustration Driven by Perception // Georgetown University. Institute of Politics and Public Service. — URL: [politics.georgetown.edu/battleground-poll/october-2019/](https://www.politics.georgetown.edu/battleground-poll/october-2019/) (date of access: 12.03.2020).
- Rebecca.* The Separation. A proposal for a renewed America // The American Mind. 11.30.2020.
— URL: [americanmind.org/features/a-house-dividing/the-separation/](https://www.americanmind.org/features/a-house-dividing/the-separation/) (date of access: 12.03.2020).
- Schlesinger A.* America: Experiment or Destiny? // The American Historical Review. June 1977. Pp. 505–522.
- Texas v. Pennsylvania // SCOTUSBlog. — URL: [scotusblog.com/case-files/cases/texas-v-pennsylvania](https://www.scotusblog.com/case-files/cases/texas-v-pennsylvania) (date of access: 12.03.2020).
- US Business Cycle Expansions and Contractions // National Bureau of Economic Reserch. —

URL: nber.org/research/data/us-business-cycle-expansions-and-contractions (date of access: 12.03.2020).

Vindicated: Texas GOP Passes TNM's Secession Plank With 93% Support // Texas Nationalistic Movement. 15.10.2020. — URL: tnm.me/news/tnm-news/vindicated-texas-gop-passes-tnms-secession-plank-with-93-support (date of access: 12.03.2020).

Young R. Great Emancipator, Suppliant Slave: The Freedman's Memorial to Abraham Lincoln // Slaves, Soldiers, and Stone: an Introduction to Slavery in American Memory. Wash.: 2003. — URL: web.archive.org/web/20120229192309/ (date of access: 12.03.2020).

Травкина Н., Васильев В. Президентские выборы 2020 г. и возможность распада США // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 145–165

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-166-180

УДК 323/324; 94

Элла Задоржнюк

Вацлав Гавел, Россия и НАТО

Аннотация. В фокусе внимания автора — эволюция взглядов первого главы посткоммунистической Чехии Вацлава Гавела на НАТО и его отношение к России. Для него были характерны не просто атлантизм, но некое благоговение перед атлантическим блоком; моралистические поощрения бомбардировок Югославии, агрессии в Ираке и Ливии; призывы вплотную придвинуть НАТО к российским границам; требования наказать Россию за грехи СССР и возможные имперские амбиции. Такие установки, разделяемые отнюдь не всеми гражданами Чехии, надолго определили внешнеполитические приоритеты части чешской политической элиты; их следы обнаруживаются и на рубеже третьего десятилетия XXI в. Однако тупиковость линии на полную апологию НАТО признается даже приверженцами Гавела.

Ключевые слова: Россия, Чешская Республика, Вацлав Гавел, внешнеполитические ориентации, отношения с Россией, морализм, НАТО, «гуманитарные бомбардировки».

Весной 1999 г. французская газета «Монд» опубликовала интервью с политиком, заявившим следующее: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы вызваны не материальной заинтересованностью. Их характер исключительно гуманитарный, главную роль играют принципы прав человека» [Le Monde...].

Эти слова принадлежали не президенту США, не «ястребам» из НАТО, не лидерам мусульманских группировок. Их произнес глава небольшой славянской страны в самом центре Европы, политик-гуманист, выходец из театральной среды Вацлав Гавел.

Когда высказывание Гавела стало на газетных полосах напрямую трактоваться как призыв к «гуманитарным бомбардировкам», он сразу же начал открещиваться: использовать-де такие слова «не в моем вкусе». Надо сказать, не все верили, что подобное благословение агрессии было дано именно таким человеком. Чехи не без горькой иронии вспоминали даже в 2018 г.: «Наш Карел Чапек придумал всемирно известное слово «робот», а вот Вацлав Гавел — «гуманитарные бомбардировки»...» [Беляев... с. 580].

Некоторые биографы, описывающие деятельность Гавела в стиле «жития святых»,

Сведения об авторе: Задоржнюк Элла Григорьевна — ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук; tanyaslav@rambler.ru.

сказанного им тогда нарочито не замечают. Но ведь и в дальнейшем звучали его благословения агрессивной политики Запада — в Ираке и в Ливии, страстные призывы придвинуть военно-политический блок НАТО к границам России с Украиной и даже Белоруссией (предварительно свергнув там «диктатуру» и «вернув в Европу» эту страну вслед за Украиной, не считаясь с любыми издержками). Он поддерживал агрессию Грузии против Южной Осетии, идейную активизацию антироссийских сил на Украине в преддверии 2014 г. Исключений в этом плане почти нет: «вкус» к резким проНАТОвским эскападам Гавел не утрачивал вплоть до своей кончины.

Анализ отношений президента Чехии с военно-политическим блоком НАТО (членом которого страна стала 12 марта 1999 г.), «направленных» в первую очередь против России, убеждает: с его стороны были не только слова, но и выстраиваемые по вектору русофобии действия.

Гавел делал это по-своему, что можно проследить по его апологетике военно-политического блока посредством апелляций к ценностям демократии и правам человека, ложно звучащими на фоне агрессивных действий альянса и призывов к его расширению; президент такого рода противоречиями особо не смущался. Причины такого отношения коренились во внешнеполитической ориентации, заключавшейся в сверх-поспешном — и желательном на первых порах в одиночку — «вхождении в Европу» (игнорируя тот факт, что и Чехия, и Чехословакия никогда не переставали быть Европой), а также в вытеснении из Европы России. США и НАТО, как «бастионы духовности и демократии», по убеждению президента Чехии, только и могли обеспечить безопасность его страны

Явным проатлантистом Гавел предстал не сразу. Поначалу он считал возможным одновременную трансформацию Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО [Революции 1989 года... с. 65–66]. Так, на встрече с Михаилом Горбачевым 20 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии, избранного коммунистическим большинством парламента за 50 дней до этого: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры...*Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности.* Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР». (Курсив мой.—Э.З.) [Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом...].

По свидетельствам журналистов, Гавел уже тогда намечал встречу с Горбачевым в Крыму, явно режиссируя свое участие в отмене ялтинских соглашений 1945 г. Однако советский лидер на эту уловку не поддавался. Что касается призыва к равноудаленности от двух военно-политических блоков, то он звучал из уст Гавела недолго: западные друзья подсказали ему, что НАТО следует все же сохранить [Независимая

газета. 27.01.2009]. Уже 21 марта 1991 г. Гавел посетил штаб-квартиру НАТО (первым из лидеров стран региона), а 6 июня того же года министры иностранных дел Вишеградской группы на встрече в Кракове договорились работать над вступлением своих стран в евроатлантический блок.

Правда, Гавел поначалу мыслил такое вступление как часть процесса объединения «Хельсинкского региона». «Будущая структура безопасности демократической Европы немыслима без участия в ней демократического сообщества народов сегодняшнего Советского Союза», — заявлял он в своем обращении к НАТО [Havel Projev prezidenta ĀSFR...]. Однако распад СССР снял с него обязательство придерживаться этой установки.

Когда Россия вскоре оказалась на пороге гражданской войны в результате противостояния Верховного Совета и президента Б. Ельцина, Гавел усмотрел в этом потерю идентичности (ведь страна эта, по словам одного из отечественных политических витий, Юрия Карякина, «одурела» — как можно иметь с нею серьезные дела?)

Линия Гавела на вступление Чехии в НАТО в 1993 г. стала не только определяющей, но и во многом отчетливо агрессивной. Ее вербальное выражение было, как всегда у Гавела, многословным и многослойным: мы-де принадлежим и всегда принадлежали к западноевропейскому культурному ареалу, к европейской цивилизации, а кроме этого «мы хорошо помним опыт Мюнхена» [Беляев... с. 504]. Правда, содержащийся в данном напоминании намек, относимый Гавелом к новой России, имплицитно по сути призывал забыть Мюнхен старый, 1938 г. — но какой спрос за такую «путаницу» с драматурга-абсурдиста... (Как известно, ответственность за расчленение Чехословакии в результате Мюнхенского соглашения 1938 г., или Мюнхенского сговора, лежала отнюдь не на Советском Союзе, а на западных державах. — прим. Редакции. См.: [Ворачек, Марьина]).

Позиция Гавела получила новые импульсы с подписанием 10 марта 1994 г. рамочного документа программы НАТО «Партнерство во имя мира» (ПИМ), правда, не предусматривавшей каких-либо конкретных гарантий безопасности Чехии. Но для Гавела этот акт и в таком виде выступал как судьбоносное решение, связанное с закреплением демократии на всем континенте. В дальнейшем блок приобрел в лице президента-пацифиста особенно искусного пропагандиста в связи с тем, что тот обращался к аргументам предельно моралистического характера.

В 1995 г. Организация Североатлантического договора предложила план своего поэтапного расширения на основе индивидуального приема, что содержало угрозу нового разделения Запада и Востока, поскольку Россия не могла считать такое расширение правомерным, ни тем более приветствовать. В то же время предусматривалось реформирование НАТО, чтобы сохранить гибкость принятия решений в условиях роста числа членов блока. Президент Чехии дал высокую оценку соответствующему процессу, постоянно повторяя при этом, что в нем нет ничего антироссийского. По-своему оценивал Гавел и перспективы вхождения Чехии в Европейский союз, также трактуя этот процесс моралистически — и опять-таки считая невозможным приобщение к ЕС России.

Конечно, тональность речей и заявлений Гавела никогда не была однонаправленной, особенно при его встречах с российскими лидерами. Прямая апология западного военно-политического блока часто сменялась у него призывами к культурному единению всего европейского континента. Но в ходе этих обращений так или иначе всплывала тема неизбежности политического доминирования одной из его частей — той, которая представляла собой европейскую составляющую евроатлантического объединения.

С 1996 г. Гавел еще активнее продвигает идею европеизма и ставит проблему поиска новых основ объединения континента. Но при этом разговоры пятилетней давности с Горбачевым о равноправности ОВД и НАТО забыты напрочь. Европа стала трактоваться как культурное единство, нуждающееся в закреплении своих традиций и ценностей при опоре только на НАТО.

Население Чехии к вступлению в альянс относилось в целом сдержанно. Согласно опросам, большинство ее граждан приветствовали вступление республики в ЕС, с которым они связывали надежды на повышение своего благосостояния; присоединение же к НАТО считалось многими «дорогим и необоснованным удовольствием». Чехи исходили из убеждения, что уже не существует угрозы для демократии извне и, следовательно, не нужны и военные блоки. Вступление в НАТО в конце 1996 г. поддерживали лишь 36% граждан [Factum...s. 41–42].

Для президента страны это отнюдь не было сдерживающим фактором; он не только отменял все сомнения в благотворности вхождения в НАТО, но и придавал этому акту некий мистический смысл, постоянно трактуя блок как бастион демократии и, более того, духовности, убеждая сомневающихся в правильности расширения НАТО не только в Чехии и странах Центральной Европы, но даже на Западе. Примечательна в этом плане его статья в журнале «Транзит. Изменения в посткоммунистических обществах», обращенная в первую очередь к Сенату США [Joining the NATO Parade...; Задоржнюк, Президенты...].

Одним из важнейших барьеров, которые предстояло взять, была ратификация приема Чехии в Североатлантический альянс. По процедуре он должен был получить одобрение двух третей американского Сената. Сложилась такая ситуация, замечает в предисловии к статье самого Гавела журнал, что судьбу одного из важнейших для мировой политики решений конца XX в. должны были определять сенаторы, которые оглядываются на своих избирателей в каких-нибудь Айдахо или Оклахоме.

Нужны были аргументы! И В. Гавел их выставил в статье «Шанс прекратить войны и насилие», причем как бы дистанцируясь от установок профессиональной политики. «Америка должна вмешаться» (так озаглавлена одна из частей статьи) — и тогда наконец-то Европа станет единой и будет спасена. Лишь американское вмешательство, подчеркивал Гавел, предотвратило разрастание балканской трагедии, а участие чешского батальона в боснийском урегулировании — конкретное свидетельство ответственности и европейских «малых» государств [Joining the NATO Parade... p. 17]. В скором времени, успокаивающе заверял Гавел сенаторов США, установятся партнерские отношения и с

«демократическими властями России». Поэтому надо, чтобы прием трех стран в НАТО состоялся побыстрее: задержись он на три года или лет на 15 — и «действительная цена для всех нас, — убеждал он, — может быть куда большей, чем общая цена двух мировых войн» [Ibidem]. Голос Гавела был услышан: за вхождение в НАТО Чехии (вместе с Венгрией и Польшей) проголосовали три четверти сенаторов Конгресса США.

В 1997 г. вступление в НАТО поддерживали, по опросам, не более двух пятых жителей Чехии [Factum... p. 41–42]. Против выступала Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ); ее председатель М. Гребеничек заявлял: «Участие Чехии в НАТО будет иметь губительные последствия для страны, так как превратит ее в плацдарм для иностранных войск, что повлечет ограничение суверенитета и милитаризацию экономики, окажет негативное влияние на уровень жизни народа» [Rudé právo...]. А в платформе КПЧМ на парламентских выборах 1998 г. подчеркивалось: «Мы не считаем вхождение в НАТО способом обеспечения безопасности ЧР, который отвечал бы долгосрочным интересам нашей республики. Вместо военных пактов, подчиненных великодержавным интересам, мы в первую очередь выступаем за более широкую систему коллективной безопасности, которая не ограничивает наш суверенитет и не требует от нас чрезмерно высоких финансовых затрат. Мы не хотим зависеть ни от одной великой державы. Хорошие отношения мы хотим иметь со странами как на западе, так и на востоке от наших границ» [Jiní o liděch...].

«Решительное нет» НАТО было зафиксировано также в программе националистически ориентированного «Объединения за Республику–Республиканской партии Чехословакии» (ОЗР–РПЧ) [Sládek...; Fiala]. Первая партия олицетворяла для Гавела зло реального прошлого, а вторая — возможного будущего...

Что касается Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), то она требовала проведения референдума. Гавел выступил против, полагая, что Чехия не просто войдет в военно-политический блок, а сольется с ним в духовном единении [Novotný... s. 43–44].

В 1998 г. Гавел получил поддержку со стороны ряда партий, включая ЧСДП. Опрос общественного мнения в сентябре 1998 г. показал, что уже 57% чехов поддерживали членство ЧР в НАТО, хотя еще весной 1997 г. таковых было всего 40% 1997 г. [Štěpanovský... s. 51]. Это, помимо прочего, показывало, как быстро можно переубедить даже крайне осмотрительный народ.

26 февраля 1999 г. Гавел подписал соглашение с НАТО, заверив сограждан, что Чехия «уже никогда не поддастся и не будет пожертвована ни одному агрессору» [Беляев... с. 513]. Как раз после этих слов — в стиле уже кровавой абсурдистской драмы — началась агрессия НАТО против Югославии. По некоторым свидетельствам, перед началом «гуманитарных бомбардировок» Б. Клинтон почти два часа говорил с В. Гавелом по телефону [Keane...p. 467].

9 июня 1999 г. Палата депутатов 91 голосом «за» (и 46 «против») приняла к сведению «Концепцию внешней политики Чешской Республики в союзе с НАТО» [Kavan... s. 4].

В это время бои в Югославии уже пошли на убыль, а в конце июня 1999 г. чешский президент даже посетил Косово, хотя этот визит и не вызвал одобрения основных политических партий Чехии¹.

Таким образом, 1999 г. стал временем, когда голос В. Гавела зазвучал не только громко, но и непривычно резко. Он представлял военно-политический блок сосредоточением демократических добродетелей, противостоящим авторитарной России. Попустительство ее тогдашнего высшего руководства продвижению альянса обходилось ей весьма дорого — и развеяло остатки очарования Гавелом.

В мае того же 1999 г. Гавел повторил, что если НАТО приблизится к границам России, то это упрочит стабильность, безопасность, демократичность и зрелость политической культуры самой России, то есть будет отвечать российским интересам [Независимая газета. 17.05.2000]. Но почему-то чешский президент предлагал при этом России лишь евразийскую, а не европейскую и не евроатлантическую перспективу; чтобы с Россией вообще можно было сотрудничать по-партнерски, надо признать, настаивал Гавел, что она заканчивается на границе с Белоруссией [Независимая газета. 12.04.2000].

По гавеловской матрице действуют и нынешние руководители Чехии. Нами отмечалось, что внутренняя политика лидера правящей партии «Акция недовольных граждан — 2011» Андрея Бабиша характеризуется балансированием на грани допустимого. Достаточно вспомнить, что «сверхмассовые антибабишевские, а заодно и противоземанские демонстрации, с числом участников в четверть миллиона человек», побудили его к справедливому утверждению: власть меняется лишь на выборах [Задоржнюк Четверть века...]. Позабыв эти свои слова, Бабиш недавно посоветовал белорусам устроить свою «бархатную» революцию в духе 1989 г.², к чему постоянно призывал и Гавел. Можно вспомнить, к примеру, высказанное им в печати желание видеть в качестве рубежа, отделяющего «евроазиатскую Россию» от Европы, восточную

---

1 Премьер-министр М. Земан отмечал, что президента туда никто не приглашал, а преданность политике НАТО до самоотверженности показала, что он защищает права человека без внимания к конкретным людям [Пульс планеты...]. Не поощрял активного вмешательства президента в балканские дела и председатель нижней палаты парламента В. Клаус.

2 Депутат Я. Фолдына (оппозиционное движение либеральной, но евроскептической направленности «Свобода и прямая демократия», возглавляется чехом с японскими корнями Т. Окамурой; имеет 22 из 200 мест в парламенте) на 57-й сессии Палаты депутатов 19 августа 2020 г. напомнил о событиях 2019 г.: «230 тыс. или 250 тыс. демонстрантов в Праге на Летне — это не Чешская Республика! У нас восемь миллионов избирателей. То же и в Белоруссии. О чем мы здесь говорим? Посмотрим все сами на себя здесь в зеркало!...Оставим белорусов в покое, пусть они сами решают белорусские дела, и направим свои усилия на то, чтобы чехи в Чешской Республике жили лучше!.. Мы лицемеры, поскольку мы молча сидели, когда такие же события происходили в других местах. Когда это происходило в Париже, когда стреляли резиновыми пулями. Господин премьер прекрасно говорит на французском, наверное, он тут же позвонил Макрону с требованием покинуть свой пост. Ведь тот не имел права стрелять в людей! Или имел? Это дело Парижа и Франции...» [Parlament České republiky...].

границу Белоруссии. Как бы вторя и бывшему президенту, и нынешнему премьер-министру Чехии (а также прочим лидерам из «новой Европы»), радикальные белорусские оппозиционеры говорят теперь о желательности сближения с НАТО своей страны, видя в этом признак подлинного «вхождения в Европу»¹.

По прочтении речей Гавела и посеянных ими «зубов дракона» во внешней политике на восточном направлении создавалось впечатление: ему какая-то высшая инстанция поручает высказывать необычные по накалу и направленности идеи явно антироссийского толка, для того чтобы выявить реакцию «русского медведя» — даже в то время, когда сами западные партнеры ведут с Москвой более толерантные разговоры. При всей странности подобного заключения его нельзя не признать допустимым с учетом того, что антироссийские интенции во внешней политике ряда лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы так и не исчезают.

Выступая в Пражском Граде 26 мая 2000 г., Гавел подчеркнул, что человек — не принадлежность своего государства или своей империи, он относится к гораздо большему сообществу — роду человеческому. Нельзя допускать давления на него со стороны государства, равно как и нельзя препятствовать процессу национального самоопределения. Поэтому надо позаботиться и о невинных жертвах среди мирных жителей в Чечне, но также и о русских солдатах, втянутых в бессмысленную войну. России же следует наконец-то определиться в многополярном мире. «Молодой и здоровый» президент Владимир Путин, пророчествовал Гавел, сможет решить как раз эту задачу [Havel Projev prezidenta republiky...]. Ожиданий Гавела тот, однако, не оправдал — и чешский президент на российского затаил злобу.

В одной из последних биографий Вацлава Гавела его соратник Михаил Жантовский ярко описал менявшийся характер его встреч с лидерами России. Только что избранный президент Чехословакии хотел подарить М. Горбачеву трубку мира, полученную от индейского вождя во время его визита в Америку. «Горбачев поехал и посмотрел на трубку, как будто это была ручная граната, сказав при этом: «Но... я не курю»» [Žantovský... s. 381]. Эффектного жеста не получилось. Биограф приводит разные трактовки этого диалога, представляя его в шуточном виде и подчеркивая, что в конечном счете недолгое взаимопонимание было достигнуто и без этого мелодраматического жеста.

С Б. Ельциным В. Гавел встречался весьма часто, начиная с 1991 г., но характер этих встреч менялся. Так, в августе 1993 г. он, угощая российского гостя уткой, проком-

1 Так, в августе 2020 г. среди пунктов оппозиционного «Реанимационного пакета реформ для Беларуси» (публиковался на сайте Координационного совета, который был закрыт, но вскоре открыт снова) указано, в частности, о желательности исполнения Беларусью всех критериев членства в ЕС и НАТО и подаче соответствующих заявлений на членство в этих структурах [Названы последствия...; Вхождение в НАТО и ЕС...]. Не станем множить ссылки, а тем более приводить суждения неких блогеров, мысленно уже «вошедших в Европу» через двери НАТО. Здесь важно лишь отметить, что Гавел был и остается пророком наихудших ситуаций на границах России — без того, чтобы эти ситуации, по его слову, «евразийским гигантом» преодолевались.

ментировал, что тот съел блюдо быстро и не отказался бы от второй порции; шутки там вряд ли имели место, Гавел отпускал их уже не в присутствии президента России [Žantovský... s. 386,473]¹.

Общения же с В. Путиным В. Гавел избегал, свидетельствует М. Жантовский, и к шуткам уже не прибегал вовсе. На основании ряда свидетельств, Жантовский утверждает, что для Гавела эра Путина идентифицировалась с новым типом диктатуры, опасной своей ненавязчивостью: «...в ней соединяется самое худшее из коммунизма и из капитализма» [Žantovský... s.386]. Ни «молодой», ни «зрелый» Путин с Гавелом так и не встретился: еще в мае 2000 г. тот предупредил, что сказал бы «некоторые неприятные вещи» президенту России [Беляев... с. 586]. Правда, и уже сделанного президентом Гавелом было более чем достаточно, чтобы такая встреча не состоялась².

В середине мая 2001 г. на саммите в Братиславе с участием глав правительств 10 государств Центральной и Юго-Восточной Европы В. Гавел утверждал, что к Западу — региону, который можно назвать евроатлантическим или евроамериканским — потянулись и посткоммунистические страны, ранее принадлежавшие к нему исторически, культурно, морально-ценностно и географически. Наиболее прямым путем их приобщения к Западу Гавел назвал вхождение в военно-политический блок НАТО и Евросоюз.

Их вхождение в Запад, по причудливому ходу мысли Гавела, должно было удовлетворить глубинные запросы и России, если она станет «демократической». И вот почему: «Советское господство характеризовалось духовным и физическим насилием, тупостью, невежеством, пустой монументальностью и всеобщей отсталостью, хвастливо выдаваемой за прогресс. Эти черты так заметно контрастировали с культурой и процветанием демократического Запада, что это неминуемо вело к тому, чтобы под «Западом» понималось добро, а под «Востоком» — зло. В результате понятие «Запад» и бессознательно, и сознательно стало синонимом расцвета, культурности, свободы и порядочности. В то время как понятие «Восток» — синонимом отсталости, тупого авторитаризма и всюду присутствующего бессмыслия» [Дипкуррьер...]. Разве можно с этим мириться тем же просветившимся гражданам России? — неслышно звучал вопрос президента Чехии³.

1 Надо заметить, что эта «утка» попала и в книгу отечественного автора [Беляев... с. 506], правда, с подчеркиванием того, что сам Гавел есть ее не мог: диета...

2 В год своей кончины Гавел заблокировал присуждение германской премии «Квадрига» российскому президенту.

3 Главное содержание данного пассажа - отношения «надежного» Запада и «непредсказуемого» Востока. Можно было бы припомнить: Гавел родился в 1936 г. В 1938 произошли известные события на его родине. Потом была Вторая мировая война, в некотором роде - продолжение Первой. Обе они родились из-за противостояния на Западе, даже на сугубом Западе. Поэтому о его единстве можно говорить лишь с 1945 г., и таковое не было бы достигнуто, если бы не пришли армии с Востока. Однако моралистические оценки, доминирующие во внешнеполитических речах Гавела, мало соотносятся с историческими реалиями даже относительно недавнего прошлого.

Поэтому, вместо защиты демократического мира от советского экспансионизма, НАТО осознает свою сегодняшнюю идентичность и намечает пространство, куда оно может и должно расшириться, утверждал Гавел. Западу — западное, а рубежи западного — границы России... И конкретнее: «Это пространство, которое мы называем Западом, расстилается от Аляски на западной стороне до Таллина на стороне восточной. Это весьма немалое пространство. Тем не менее разрешите мне обратить внимание, что по площади оно сравнимо с государством под названием Российская Федерация, а по количеству населения меньше, чем другое государство под названием Китайская Народная Республика» [Дипкурьер...].

По логике и страстному убеждению Гавела, не стоило бояться сказать правду России: военно-политический блок должен приблизиться к ее границам, а уж тогда она осознает свою идентичность вполне. Такая «прямота» и «искренность», считал он, лучше, чем зыбкая почва бесперспективных компромиссов.

Скрытая антироссийская направленность речи в Братиславе маскировалась весьма искусно, но даже бывшие союзники Гавела по диссидентскому прошлому косвенно осудили ее «искреннюю правдивость». Так, И. Ганак предположил, что, будучи державой регионального масштаба, Россия вправе заботиться о своих интересах, поэтому вряд ли в обозримом будущем в Москве появится правительство, «которое не возражало бы против того, чтобы граница НАТО проходила в нескольких десятках километров от Санкт-Петербурга». И напомнил, что Гавел не высказывал никакой «правды», в первую очередь о правах человека, во время своего визита в Саудовскую Аравию [Smena...].

Россия, не раз повторял Гавел, пытается обрести себя заново, ищет новую идентичность и место в современном мире. Но поиск может затянуться надолго, поэтому, по его словам, вокруг нее не надо ходить на цыпочках. Конечно, в каждом регионе земного шара есть свои проблемы. Даже на Западе задумываются о том, чтобы та цивилизация, которую он принес и отчасти навязал остальному миру, не уничтожила сама себя за несколько поколений. Но Запад есть Запад, а Россия есть Россия, и ей не стать членом альянса. «Лично я, — заявлял чешский президент, — не могу себе представить Россию в качестве члена НАТО, и, главное, я не думаю, что подобное членство может привести к каким-то положительным результатам» [Дипкурьер...].

России, как полагал Гавел, нужно создавать предпосылки к истинно партнерскому и равноправному сотрудничеству с НАТО. Белоруссия не проявляет большого интереса к НАТО; Украина имеет соответствующие договоры как с Россией, так и с НАТО; государства же Балтии проявляют большой интерес к членству в НАТО, и их следует принять уже на предстоящем саммите альянса в Праге. А далее последовал вывод скорее в стилистике театра абсурда: «не приглашать эти государства в альянс из уважения к интересам или стратегическим соображениям Кремля означало бы впоследствии признать, что страх России перед вступлением в НАТО еще трех Прибалтийских государств оправдан, то есть НАТО имеет действительно агрессивные или имперские антироссийские намерения» [Дипкурьер...].

Указанный срок (саммит в Праге) назывался далеко не случайно. Дело в том, что в январе 2003 г. истекал срок президентских полномочий самого В. Гавела, и его беспокоило, чтобы лавры не достались следующему хозяину Пражского Града.

Подобного рода суждений у Гавела можно обнаружить немало; суть дела в другом: уже с первых своих президентств он разыгрывал антисоветскую, а затем антироссийскую карту, маскируя ультраморализмом многие деструктивные политические акции НАТО. Создается впечатление, что если бы блок гипотетически выдвинул задачу размещения своего оружия в России для целей защиты России, — первым ее апологетом выступил бы Гавел.

Его прекрасные риторические формулы звучали вдохновенно. Но нестыковки между ходом событий и заявлениями Гавела показывали: во многих случаях продвижение западной демократии подразумевает использование военной силы (как в Югославии весной 1999 г.) а также явной дискриминацию ряда стран, включая Белоруссию и Россию, за их «несговорчивость». Эти страны, а ранее даже соседняя Словакия «под Мечьяром» явно исключались Гавелом из ареала демократии за их «национальный коллективизм» — вопреки его же призывам крепить единство через различия.

Действительно, гавеловские формулы начинаются с апологии демократических ценностей, а заканчиваются оправданием бомбардировок независимой страны. Начинаются с призывов к дружбе и взаимопониманию с Россией, а заканчиваются признанием необходимости отгородиться неким подобием «железного занавеса» от этой «гигантской евроазиатской державы». Начинаются с признания возможности распустить оба блока — ОВД и НАТО, а заканчиваются требованиями скорейшего, «не упуская время», продвижения второго из них во всех направлениях... Поневоле возникает вопрос: если у Европы такие «менторы»-моралисты, то что станет с остальным миром в случае, когда к ним будут прислушиваться всерьез?

Отметим, что такие парадоксы в апологии военно-политического блока и его внешней политики вызывают вполне определенные аналогии. Один из героев романа Ф. Достоевского «Бесы» утверждал: «Мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого... Ни-ка-кого! Упустив же время, повредят себе, так как потом неминуемо к тому же воротятся» [Достоевский... с. 378–379].

Гавел был убежден: НАТО со всей серьезностью нужно осознать факт, что альянс стоит на двух ногах — европейской и американской. Поэтому, способствуя европейской интеграции, евроатлантический альянс должен со всей определенностью заявить, как этот процесс будет развиваться — с опорой на одну ногу, на другую или на обе. Однако в любом случае, по мнению Гавела, без России.

Именно эти вопросы обсуждались на ноябрьской встрече 2003 г. в Праге, на которой президент Чешской Республики, подчеркивая честь и ответственность быть хозяином саммита, еще раз напомнил, что именно здесь он имел удовольствие провозгласить ро-спуск ОВД 11 годами ранее. «Я, — утверждал он, — уверен, что НАТО в Праге не только предложит членство некоторым другим европейским странам, включая три балтийские республики (акт, который тем самым символически завершит раз и навсегда эру пактов двух супердержав, разделивших мир), но прежде всего достигнет важного прогресса в своей самооценке, закрепит в четких терминах свое желание сотрудничать с Россией и другими крупными и важными частями современного мира в качестве равных партнеров, а также проявит свою решимость противостоять страным и коварным угрозам, которые витают сегодня над планетой» [Havel «Kam kráčíš, NATO?»...].

Прага, подчеркивал Гавел, должна не только остаться местом, где прекратил свое существование Варшавский блок, но и местом, где блок НАТО обретет новую жизнь.

Гавел выражал благоговение перед НАТО, а параллельно звучали заявления, что хорошая Россия — это слабая Россия... Моралистические поощрения блока за хорошее поведение (включая бомбардировки в Югославии, признанные необходимыми и даже «честными» президентом Чехии) или наказания России за грехи СССР и возможные имперские амбиции — таковой предстала далеко не лучшая сторона внешней политики чешского президента, даже если исходить из презумпции его личной честности.

Возможно, данные нами оценки отличаются известной пристрастностью, но они продиктованы потребностью выявить ключевые особенности мышления политика, взявшего на себя миссию духовного рыцаря военно-политического блока и воителя с «евроазиатской Россией», даже с учетом формально выражаемых по отношению к ней знаков уважения. В целом создается впечатление, что Гавел лучше понимал возможности, задачи и границы России, чем ее лидеры и политики любой ориентации. Но понимал-то их он в ложном свете, выдавая свое видение как реализацию лозунга «Правда победит!». Сами чешские авторы, те же Сук и Кайзер, характеризовали такой стиль политической риторики как наследие Гавела как драматурга-абсурдиста применительно к выработке самопротиворечивых внешнеполитических ориентаций. Отсюда не только моралистически-идеалистическое требование к блоку проводить антироссийскую политику, но и назидательный тон его заявлений и рекомендаций — до и после 1989, 1999, 2003 г., вплоть до марта 2011 г., когда «Вацлав Гавел еще успел высказаться за военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии» (Беляев...с. 585). По слову Жантовского, к отдаленному восточному соседу Гавел относился «без сентиментальностей» до конца своих дней [Žantovský... s.387].

Двадцатилетие «бархатной» революции отмечалось на 13-й конференции «Форума 2000», состоявшейся 11 — 13 октября 2009 г. и озаглавленной «Демократия и свобода в многополярном мире» [Demokracie a svoboda...]. В выступлении чешского экс-президента — все та же апология НАТО, неизживаемость последствий коммунистической диктатуры, необходимость устранения России из европейской политики — и, конечно

же, права человека, а заодно призыв разместить в Чехии элементы противоракетной обороны. Звучали фразы: «политика незатрагивания острых вопросов мне кажется неверной», «будет здесь радар или нет — это вопрос не для России; это тест для нас — насколько мы будем считаться с желаниями России», «оставьте свою нефть себе». И лейтмотив: «Нельзя терять бдительность, поскольку Россия сегодня пытается усилить свое влияние куда более изощренными методами, чем прежде» [Newsweek...; Havel An Interview...]. Эти же сюжеты практически в той же тональности прозвучали и в интервью В. Гавела радиостанции Би-би-си 25 октября 2010 г. [Вацлав Гавел...].

В числе других его инициатив — описанные нами ранее яростные призывы допустить в НАТО Украину и Грузию, а затем даже Белоруссию, на фоне заявлений о недопустимости вхождения в альянс России; осуждение Каддафи с призывом применения к нему военной силы блока; поддержка самопровозглашенного Косово [Задорожнюк Вацлав Гавел... с. 22, 24, 25–26].

Правда, многие из заявлений подобного рода были ориентированы «на экспорт» — в Чехии к ним после 2003 г. прислушивались не часто, а то и платили, по свидетельству дружески настроенного к Гавелу Жантовского, черной неблагодарностью. За 13 лет президентств Гавела его влияние снижалось, он считался человеком прошлого. Никто не забывал, что именно он привел страну в Европу, оставался борцом за права человека во всем мире. Но помнилось и об иррациональной неприязни к «евразийской громадине» — России. «В целом, — пишет Жантовский, — Гавелу не удалось устроить общество как целое, чтобы оно руководствовалось его идеями нравственности, толерантности и гражданского духа. Но это можно отнести не только к обществу, но и к нему самому» [Žantovský... s. 516].

Добавим: посеянные им же абсурдистские «зубы дракона», наводственные против России, сегодня приводят к таким акциям, как демонтаж памятника освободителю Праги¹.

Мы упоминали, что многими Гавел оценивался как добрый человек, лишь случайно, ненароком и вопреки собственному «вкусу» одобрявшим «гуманитарные бомбардировки» соседней Сербии, да еще с применением бомб с ядерными стержнями. Однако не оказалось для него и альтернативы продвижению НАТО на восток — к границам

---

1 «Демонтаж в апреле 2020 г. памятника маршалу Ивану Коневу на пражской Площади Интербригад — показательный пример действия в духе уже упоминавшейся нанополитики». [Задорожнюк Четверть века...]. Подробнее ситуация была описана В. Трухачевым [Трухачев...]. Но эта история получила продолжение. Так, на улицах Чехии были водружены десятки копий памятника — с усами Сталина и даже немецкого фюрера на лице советского маршала. И пошли, можно сказать, ультрананополитические комментарии: это-де проявление своеобразного чешского юмора. Хотелось бы напомнить, что лучшие — с мировой известностью — юмористы страны ушли из жизни преждевременно: Ярослав Гашек — от последствий Первой мировой войны, а Карел Чапек — от предвосхищения Второй (его брат Йозеф оказался в нацистском концлагере). Эти факты зафиксированы во множестве их биографий и мемуарных свидетельств.

России, культуру которой, по его уверениям, он так трепетно любил. Не забывал он и одобрить агрессию против любой страны, лишь бы она проводилась Западом.

Оценивая такого рода «благословения», завершим статью четверостишием великого украинского поэта Тараса Шевченко, автора поэмы о великом чехе Яне Гусе (посвященной другому великому чеху, славянофилу Павлу Шафарыку). Стихотворение адресовано некоему помещику, «любящему» свой народ и ярко это демонстрирующему (приведем его на языке оригинала — четверостишие звучит поязвительнее): «Не жаль на злого, коло його/ І слава сторожем стоїть. / А жаль на доброго такого, /Щой славу вміє одурить» [Шевченко... с. 108]¹.

В ряду именно таких «добрых» можно найти и героя данной статьи, благословлявшего НАТО с редким постоянством, включая отнюдь не благовидные акции этого военно-политического блока.

Литература

Беляев И. Вацлав Гавел: Жизнь в истории. М. 2020.

Вацлав Гавел: не представляю себе Россию в НАТО // BBC. 25.10.2010. — URL: bbc.com/russian/interactivity/2010/10/101022_interview_vaclav_havel.shtml (date of access: 22.07.2020).

Ворачек Э. Чехословакия и сентябрьский кризис 1938 г. «Только СССР имеет...чистые руки» // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 4. С. 32–63. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/624/4_2018_2_32_63.pdf (дата обращения: 18.06.2020).

Вхождение в НАТО и ЕС: программа белорусской оппозиции показала, каких реформ она добивается // 5-tv.ru. 18.08.2020. — URL: m.5-tv.ru/news/308574/vhozhdenie-vnato-ies-programma-belorussoj-oppozicii (дата посещения: 29.09.2020).

Дипкурьер. 2001. 21 июня.

Достоевский Ф.М. Собр. Соч. в 15 томах. Т.7. Л. 1990.

Задорожнюк Э.Г. Президенты стран Центральной Европы о благе вхождения в НАТО // НАТО: факты и комментарии. 1998. Вып. 5.

Задорожнюк Э.Г. Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5.

Задорожнюк Э.Г. Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику // Портал «Перспективы». 17.06.2020. — URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/Europe/chetvert_veka_politicheskoy_istorii_chehii_stabilnost_ch... (date of access: 18.06.2020).

Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1. Горбачев М.С.

Марьина В. «Мюнхен» и конец первой Чехословацкой республики (По документам чешских архивов) // Портал «Перспективы». 07.09.2009. — URL: http://www.perspektivy.info/osobaya_tema/kak_nachinalas_vtoraya_mirovaya_voyna/munkhen_i_konec_pervoj_chehoslovackoj_

---

1 В русском переводе В Звягинцевой: «Я не досажаю на злого, / Его и так молва клеймит, / А речь про доброго такого, / Что и молву перехитрит».

- respubliki_po_dokumentam_cheshskih_arkhivov_2009-09-07.htm (дата обращения: 18.06.2020).
- Названы последствия реализации программы белорусской оппозиции // РИА Новости. 18.08.2020. — URL: ria.ru/20200818/1575917356.html (дата обращения: 29.09.2020).
- Независимая газета. 12.04.2000.
- Независимая газета. 17.05.2000.
- Независимая газета. 27.01.2009.
- Пульс планеты. 1999. 2. VII.
- Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М. 2001.
- Трухачев В.В.* Памятник маршалу Коневу как жертва чешских противоречий по России // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М. 2020. В печати.
- Шевченко Т.* Повне зібрання творів в 6 тт. Т. 2. Київ. 1963.
- Demokracie a svoboda v multipolárním světě. 13. výroční conference Forum 2000. 11.-13. října 2009. Praha. — URL: forum2000.cz/projekty/demokracie-a-svoboda-v-multipolarnim-svete (date of access: 15.04.2020).
- Factům: Volební rok 1996. Sekundární analýza volebních výzkumů. Praha. 1997.
- Fiala P.* Politický extremismus a radikalismus v České republice. Brno. 1998.
- Havel V.* An Interview with Vaclav Havel. // Newsweek. 08.10.2009. — URL: newsweek.com/interview-vaclav-havel-81091 (date of access: 10.04.2020).
- Havel V.* Projev prezidenta ČSFR v sídle NATO. Brusel. 21 března 1991. — URL: old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (date of access: 22.07.2020).
- Havel V.* Projev prezidenta republiky na závěr veřejného slyšení o porušování lidských práv v Čečensku. Pražský hrad. Míčovna, 26 května 2000. — URL: old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (date of access: 22.07.2020).
- Havel V.* «Kam kráčíš, NATO?». Autorský text prezidenta republiky Václava Havla uveřejněno v The Washington Post. 19 května 2002 pod názvem «An Alliance With a Future». — URL: old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (date of access: 22.07.2020).
- Jiní o lidech. My z lidmi. Volební program KSČM do PS PČR 1998–2002. Pevné místo České republiky v Evropě a ve světě. Bezpečný domov — otevřený svět. Bezpečnost bez závislosti a ztráty suverenity. — URL: old.kscm.cz/politika-kscm/volebni-program (30.06.2020).
- Joining the NATO Parade. Three Presidents speak out // Transition. Changes of Post-Communist Societies. V. 4. № 7. December 1997.
- Kavan J.* O koncepcí zahraniční politiky České republiky // Mezinárodní politika. 1999. № 7.
- Keane J.* Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. London. 1999.
- Le Monde. April 29. 1999.
- Newsweek. 11.10.2009.
- Novotný O.* Pragmatický posun aneb k volební a politické strategii ČSSD (diskuzní materiál. Interní materiál ČSSD z roku 1994). Praha. 1994.
- Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna. 2017. Stenografický zápis 57. schůze, 19 srpna 2020. Stanovisko Poslanecké sněmovny k situaci v Bělorusku. — URL: psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/057schuz/s057038.htm (date of access: 23.08.2020).

Program SPR-RSČ k obnově naší země a jejímu ekonomickému, kulturnímu a politickému povznesení z roku 1994. Praha. 1994.

Rudé právo. 06.09.1996.

Sládek M. To, co mám na mysli, je svoboda. Havlíčkův Brod. 1995.

Smena. 31.01.2001.

Štěpanovský J. Češi a členství v NATO // NATO Membership. The Way to Stability. Český Krumlov. 1998. Žantovský M. Havel. Praha. 2014.

Задорожнюк Э. Вацлав Гавел, Россия и НАТО // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 166–180

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-181-195

УДК 327; 323/324

Вадим Трухачёв

Россия — Словения: неоднозначные отношения

Аннотация. Во второй половине 2021 г. страной-председателем Европейского союза станет Словения, 17 лет назад принятая в ЕС и НАТО. Это небольшое постъюгославское государство, имеющее ярко выраженную центральноевропейскую идентичность, ведет весьма активную внешнюю политику, к которой стоит присмотреться внимательнее. На ее главных направлениях словенские интересы очевидным образом пересекаются с российскими. Российско-словенские отношения достаточно противоречивы, среди словенской элиты есть разные подходы к России, однако эти разногласия не столь полярны и заметны, как в странах Вишеградской группы или в Австрии.

Ключевые слова: Словения, российско-словенские отношения, Евросоюз, НАТО, Балканы, Центральная Европа, Б. Пахор.

Словения — небольшая страна с населением около двух миллионов человек. Существовая как независимое государство с 1991 г., она 9 апреля 2004 г. пополнила ряды НАТО, а 1 мая того же года стала членом Евросоюза. В первой половине 2008 г. Словения уже выполняла функции страны-председателя ЕС, а с 1 июля по 31 декабря 2021 г. ей вновь предстоит взять на себя эту роль. Это небольшое постъюгославское государство, имеющее ярко выраженную центрально-европейскую, а не балканскую идентичность, ведет весьма активную внешнюю политику, к которой стоит присмотреться повнимательнее.

Следование в фарватере ЕС и НАТО без потери себя

В принятой летом 2015 г. Государственным собранием (парламентом) Словении декларации об основах внешней политики страны прямо обозначены ее европейские и евроатлантические приоритеты: «ЕС... представляет для Словении фундаментальную основу безопасности и политики для обеспечения процветания и основных прав... Членство в НАТО... представляет собой фундаментальную основу для обеспечения национальной безопасности» [Deklaracija o zunanji...]. Из других положений следует выделить уважение к итогам Второй мировой войны и мировому порядку, сложившемуся по окончании холодной войны; приверженность мирному урегулированию конфликтов и уважению прав и свобод человека во всем мире [Ibidem].

Сведения об авторе: Трухачёв Вадим Вадимович — доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, кандидат исторических наук, vadimvts@mail.ru.

Более подробно принципы словенской внешней политики изложены в подготовленном МИД документе «Безопасная, успешная и уважаемая в мире Словения». «Жизненно важные национальные интересы Словении, — подчеркивается там, — заключаются в самом ее существовании, ее суверенитете, территориальной целостности... самом существовании словенской нации и... словенского языка. Стратегическими интересами Словении являются обеспечение безопасности и стабильности в мире (особенно в Европе), эффективная международная система во главе с ООН, сильным ЕС при глобальной стратегической роли НАТО» [Slovenija: varna...].

Представляя основы своего подхода к международным делам, словенцы апеллируют к таким историческим факторам, как итоги двух мировых войн, подписание Хельсинкского заключительного акта 1975 г., падение Берлинской стены 1989 г. Обращается внимание на географическое положение страны, которое можно использовать как преимущество для занятия достойного места в рамках ЕС и НАТО: «Словения располагается... на стыке Центральной Европы, Юго-Восточной Европы и Средиземноморья, являясь важной точкой в плане обеспечения безопасности в этих регионах» [Ibidem].

Словения дает понять, что намерена не довольствоваться ролью статиста в составе ЕС и НАТО, а вести себя более активно. При этом, признавая важность членства в других международных организациях — прежде всего ООН, ОБСЕ и Совете Европы, Любляна рассматривает свою работу в них как нечто вторичное по отношению к деятельности в рамках Евросоюза и Североатлантического альянса: «Членство в ЕС и НАТО подтверждает, что Словения входит в западноевропейскую систему ценностей... Она должна постоянно напоминать о себе в обеих организациях, укреплять свое положение в них, встраивать свои интересы в общую политику данных организаций... Словения будет работать над созданием более сильного, более сплоченного... Евросоюза, который будет иметь большой глобальный вес для защиты своих ценностей и интересов... Внешняя политика является основой сохранения словенской государственности» [Ibidem].

Как явствует из проанализированных базовых документов, Словения, дорожа участием в Евросоюзе и НАТО и разделяя основы проводимого обеими организациями курса, делает заявку на то, чтобы не раствориться в них и не стать простым проводником интересов более крупных держав. У словенцев есть стремление к проведению собственной внешней политики, инструментами которой для них становятся в том числе ЕС и Североатлантический альянс.

Не Балканы, а часть Центральной Европы

Многие относят Словению к Балканам, отталкиваясь от того, что страна входила в состав Югославии. Но сами словенцы однозначно видят себя частью Центральной Европы и в своих приоритетах исходят именно из этого: «Среднеевропейская идентичность важна для Словении... Словения будет укреплять политическое сотрудничество, в особенности с Австрией, Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией» [Slovenija: varna...].

Именно с этими государствами Словения и старается координировать свою внешнюю политику на всех возможных направлениях. «Словения является естественным партнером Вишеградской группы... Сотрудничество с центральноевропейскими странами выражается... в координации наших действий в Евросоюзе, в политике на Западных Балканах, в «Восточном партнерстве», в рамках других международных организаций, в защите от стихийных бедствий, охране окружающей среды и туризме» [ibidem]. И словенцы не выдают желаемое за действительное. Документы и заявления внешнеполитических ведомств Чехии, Австрии и Польши свидетельствуют, что в этих государствах столь же однозначно воспринимают Словению как часть общего с ними центральноевропейского пространства, а не как балканскую страну или просто республику бывшей Югославии [Pracovní... Außen- und Europapolitischer... Slowenia. Relacje dwustronne].

Словенцы также отмечают, что их страна (наряду с Чехией) является наиболее зажиточной из всех бывших социалистических стран Европы. Действительно, согласно данным Евростата, ВВП Словении на душу населения, по паритету покупательной способности, в 2019 г. составил 89% от среднего по ЕС. По этому показателю она лишь немного уступала Чехии (93%), но существенно опережала Венгрию и Польшу. Словения оказалась примерно в полтора раза богаче Хорватии (61%) и более чем вдвое — остальных стран бывшей Югославии [GDP per capita in PPS]. Ряд словенских торговых марок (например, фармацевтической компании Krka или производителя бытовой техники Gorenje) хорошо известны за пределами страны. Так что по экономическим критериям Словению также трудно отнести к группе более бедных балканских государств.

В пользу восприятия Словении как средневропейской страны говорит и история. В отличие от других южных славян, словенцы не жили под властью Османской империи. Их прошлое тесно связано с Австрией, частью которой их земли являлись много веков; адриатическое побережье нынешней Словении долго входило в состав Венецианской республики, а северо-восток — в состав Венгрии). Словенцев уместнее всего сравнивать с чехами, чья история переплетена с немецкой и австрийской. А если брать новейший период, то следует напомнить, что Словения — единственная из бывших югославских республик, которая вошла в ЕС и НАТО вместе с государствами Центральной Европы, намного раньше, чем в НАТО были приняты Хорватия, Черногория и Северная Македония.

Таким образом, еще одним основополагающим фактором внешней политики Словении является ее принадлежность к числу центральноевропейских государств. Словенцы обладают четким представлением о своем месте в Европе и мире, которое определяется отнюдь не только тем, что большую часть XX в. они находились в составе Югославии.

Особое внимание к Балканам и постсоветскому пространству

Тем не менее, учитывая югославское прошлое, главным направлением внешней политики Словении за пределами ЕС остаются Балканы, причем словенцы прямо гово-

рят о желании стать ответственными за них на общеевропейском уровне. «Словения... поддерживает интеграцию государств Западных Балкан в европейское и евро-атлантическое сообщество, выступает в качестве связующего звена между ЕС и регионом» [Slovenija: varna...]. Нынешний словенский президент Борут Пахор в 2013 г. сыграл особую роль в запуске «процесса Брдо», в рамках которого проходят основные переговоры по сближению с Евросоюзом Сербии, Черногории, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины, Албании и Косово (которое провозгласило независимость именно во время первого словенского председательства в ЕС в 2008 г.). Стоит отметить, что процесс запустили сразу же после того, как 1 июля 2013 г. ряды Евросоюза пополнила Хорватия [Predsednik republike...].

В начале 2020 г. парламент Словении в преддверии председательства в ЕС принял специальный документ, где подробно прописывается политика страны в отношении государств бывшей Югославии и Албании: «...Словения... продолжит деятельность по поддержке процесса сближения западнобалканских стран с ЕС и НАТО... с целью создания зоны постоянной безопасности и всеобщего сотрудничества» [Akcijski načrt...]. При этом словенцы настаивают на оказании всесторонней помощи этим государствам, чтобы они как можно быстрее смогли соответствовать минимальным критериям членства в ЕС [ibidem].

Помимо Балкан, к приоритетным направлениям внешней политики Словении отнесено и постсоветское пространство. Точнее, речь идет о продвижении евросоюзской программы «Восточное партнерство»: «Словения предложит помощь в сближении с ЕС тем государствам, которые проявят в этом отношении наибольшее стремление. Особенно это касается Украины, Молдавии и Грузии» [Slovenija: varna...]. Тем самым словенцы дали понять, что их интересы за пределами ЕС не ограничиваются исключительно бывшей Югославией и что постсоветским пространством они занимаются вплотную.

Несмотря на свои небольшие размеры, Словения пытается акцентировать собственное участие в выработке общей политики Евросоюза и на других направлениях: в урегулировании конфликтов в Сирии, Ливии и Афганистане, в диалоге ЕС с Африканским союзом и государствами Латинской Америки [Poročilo 2019]. Тем самым словенцы заявляют о себе как об игроке, с которым стоит считаться. А приоритеты словенской дипломатии и вовсе относятся к регионам, имеющим особое стратегическое значение для России. Потому российские и словенские интересы неминуемо сталкиваются.

Уважение к историческим связям с Россией

Российско-словенские отношения имеют давнюю историю. Как отмечала крупнейший отечественный специалист по истории Словении И.В. Чуркина, их отсчет можно вести с 1780 г., когда словенский ученый Блаж Кумертей отправил в Петербург материалы по сравнительному языкознанию. Впоследствии одного из основателей славистики, словенца Ернея Копитара избрали в Петербургскую академию наук. Деятель словенского национального возрождения Матия Маяр стал одним из почетных гостей московской

этнографической выставки 1867 г. [Чуркина, с. 36, 66, 132]. Уже после Октябрьской революции часть белоэмигрантов, переселившихся в Югославию, осела в словенской части Королевства. Как указывал историк-югославист В.С. Путятин, представители русской эмиграции составляли значительную часть преподавателей юридического факультета Люблянского университета. Среди них можно выделить профессоров А.Д. Билимовича, А.В. Маклецова, Е.В. Спекторского [Путятин].

Фактором, в значительной степени объединяющим русский и словенский народы, является память о двух мировых войнах. Так, в 1915 г. Австро-Венгрия отправила около 40 тысяч русских пленных в лагерь близ современного словенского горнолыжного курорта Краньска Гора. 12 марта 1916 г. в результате схода лавины до 500 из них погибли. В память о том событии соорудили православную часовню на перевале Вршич [Русская община в Словении...]. Что касается Второй мировой войны, большую часть словенской территории, включая крупнейшие города страны Любляну и Марибор, освободила Народно-освободительная армия Югославии. Тем не менее Красная армия участвовала в освобождении северо-востока Словении. В память о 516 погибших в этих краях советских воинах в городе Мурска Собота воздвигнут мемориал [В Словении прошла церемония...].

Несмотря на ухудшение отношений между Россией и Евросоюзом в последние годы, Словения бережно хранит память о погибших русских и советских воинах. В июле 2016 г. Владимир Путин в ходе своего визита в эту страну побывал на Вршиче и вместе со словенским президентом открыл в Любляне памятник, на котором высечены слова: «Сынам России и Советского Союза, погибшим на словенской земле в годы Первой и Второй мировых войн» [Памятник русским солдатам...]. За последние годы это единственный случай, когда в бывших социалистических странах Европы открыли памятник павшим русским и советским воинам.

Спустя три года премьер-министры двух стран Дмитрий Медведев и Марьян Шарец (занимавший пост главы правительства Словении в 2018 — 2020 гг.) открыли на Поклонной горе в Москве памятник словенцам, погибшим в ходе двух мировых войн на русской земле. Словенский премьер высоко отозвался об историческом опыте взаимоотношений двух стран и народов: «Это знак примирения между поколениями и европейскими народами, это еще один шаг вперед для того, чтобы расширить взаимное доверие... В прошлом отношения между российским и словенским народами развивались в духе дружбы и с симпатией друг к другу, и это, конечно, помогло тому, что на сегодняшний день между РФ и Словенией существует такое качественное сотрудничество, которое основано на взаимном уважении и доверии» [Медведев и Шарец...].

В этом плане отношения со Словенией являются своего рода исключением из правила, характеризующего отношения России с бывшими социалистическими государствами Европы. В них отсутствует негативная составляющая, связанная с историческими обидами и упрекам. Во многом это связано с тем, что Словения входила в состав Югославии, которая не принадлежала к числу безоговорочных союзников СССР и строила

собственный вариант социализма. А иной существенный конфликтный потенциал, ввиду отсутствия у словенцев своего государства и достаточной удаленности их земель от российских границ, просто не мог накопиться.

Неоднозначное экономическое сотрудничество

Разумеется, не только историческая память лежит в основе современных российско-словенских контактов. Огромное значение словенцы придают экономическому сотрудничеству с Россией. «Российская Федерация... является важным экономическим партнером, — отмечал М. Шарец. — Она занимает девятое место среди наших экспортных партнеров и пятое по объему словенских прямых инвестиций за рубежом, а также по количеству туристов, приезжающих в Словению сроком более чем на один день. На территории РФ работают представительства 34 словенских компаний. Была создана межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между нашими странами, она регулярно проводит заседания» [Премьер Словении: Россия...].

Действительно, межправительственная комиссия, несмотря на общий отрицательный фон отношений России и ЕС, продолжает работу. Ее последнее заседание прошло 10 — 11 сентября 2019 г., и сайт правительства Словении выложил отчет о нем [Minister Ročivalšek...]. Товарооборот между двумя странами, составлявший в 2013 г. 1,66 млрд долларов, в последующие три года упал до 978 млн, затем стал постепенно расти и в 2019 г. достиг 1,51 млрд долларов. Импорт из Словении значительно превышает российский экспорт туда: 7,38 млрд против 2,02 млрд долларов за последние семь лет. Основными статьями словенского экспорта в Россию являются продукты химической промышленности (прежде всего лекарства) и машинное оборудование. Россия поставляет преимущественно углеводороды (66,1%), а также металлы и изделия из них [Товарооборот России и Словении].

Источником нового витка развития российско-словенского сотрудничества могла бы стать энергетическая сфера. Впрочем, как следует из слов М. Шарца, потенциал тут не беспределен: «Уровень годового потребления газа Словенией относительно мал... Голубое топливо в меньшей степени используется для производства электроэнергии... За почти 40 лет поставок углеводородов Россия показала себя надежным партнером... Однако Словения выступает также за диверсификацию поставок энергоресурсов, поэтому в то время мы получали газ из Алжира... Мы надеемся продолжить закупки российского газа, в частности, к 2022 г., когда планируется увеличить его потребление для выработки электроэнергии в Любляне» [Премьер Словении: Россия...].

В 2017 г. Президент Б. Пахор, отвечая на соответствующий вопрос, выразил сожаление по поводу сворачивания проекта «Южный поток» и позитивно отнесся к перспективе присоединения своей страны к «Турецкому потоку»: «Мы имеем положительный опыт сотрудничества с Россией в энергетической сфере, и в случае реализации подобного проекта, ... я уверен, наше правительство примет положительное решение по нему» [Борут Пахор: отмена...]. Однако прошло четыре года, а решения не последо-

вало. Не присоединилась Словения пока и к проекту «Северный поток 2». Очевидно, что прогресс в сфере энергетического сотрудничества двух государств сдерживается макрополитическими факторами.

Политические трудности

Наиболее трудно развивается российско-словенский диалог в политической области. МИД Словении в целом называет сотрудничество с Россией одним из главных направлений своей деятельности, причем во многом благодаря отношениям с РФ словенцы, согласно их декларациям, рассчитывают повышать свою роль в европейской системе. Цели словенской дипломатии звучат амбициозно: «Ввести Российскую Федерацию в круг общеевропейских ценностей на основе полного уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран постсоветского пространства... Словения будет прилагать долгосрочные усилия по вовлечению России в круг общих европейских интересов и ценностей, что позволит Словении увеличить ее вес в Европе» [Slovenija: varna...].

Что касается антироссийских санкций ЕС, то словенских руководителей, несмотря на употребляемые ими вежливые формулировки, нельзя отнести к числу сторонников их отмены. Позиция президента Пахора по этому вопросу выглядит вполне стандартной риторикой: «Мы хотим улучшения отношений с Россией. Основным условием отмены санкций является успешное и быстрое выполнение минских договоренностей. Все понимают, что выполнить их все и сразу невозможно, но необходимо дать мировому сообществу сигнал о том, что у обеих сторон — и украинской, и российской — есть желание разрешить конфликт» [Борут Пахор: отмена санкций...]. Бывший премьер Шарец, со своей стороны, добавил: «Санкции никогда не бывают хорошими, они всегда вредят кому-то, и когда придет время их отменять, Словения, безусловно, будет приветствовать это» [Премьер Словении: Россия...].

Как указывается в сообщении МИД Словении, нынешний глава ведомства Анже Логар в ходе заседания Совета министров иностранных дел стран-членов ЕС в октябре 2020 г. заявил об очевидных проблемах в отношениях с Россией. «Министр Логар подчеркнул важность единства ЕС по отношению к России. Присоединившись к обвинениям в отравлении российского оппозиционера Алексея Навального, он выразил надежду на то, что в ближайшее время произойдет разъяснение со стороны РФ... Министры также затронули роль России в Белоруссии и Нагорном Карабахе, ее дезинформационную кампанию, а также внутривнутриполитическую динамику в Российской Федерации» [Minister dr. Logar...].

Таким образом, Словению можно отнести к числу стран, поддерживающих основополагающую линию Евросоюза в отношении России. Она остается сторонницей санкций в их нынешнем виде и линии на менторство (если не вмешательство) в вопросах российской внутривнутриполитической жизни. На постсоветском пространстве интересы России и Словении объективно противоречат друг другу. Словенские дипломаты публично

не говорят о спорах с Россией в балканских делах, однако и здесь до единства далеко. В то время как Словения одной из первых признала независимость Косово, Россия поддерживает в данном вопросе Сербию. Так что и этот важный для обоих государств регион к зоне российско-словенского сотрудничества не отнести.

Антироссийский настрой словенских консерваторов

Несмотря на то, что Россия постоянно находится в фокусе внимания правительства Словении, политические партии страны в своих программах и заявлениях отводят России не так много места. Российская проблематика не является здесь предметом жарких внутриполитических споров, как это происходит, например, в странах Вишеградской группы или в Австрии, где тема отношений с Россией непременно присутствует в программах и заявлениях ведущих политиков [Трухачев «Российский» раскол Чехии; Он же Противоречивая политика... Он же Словакия в плену...]. Тем не менее представители почти всех партий затрагивают российские сюжеты, и определенные, порой значительные расхождения между партиями имеются.

С 2020 г. ключевые посты в правительстве Словении занимают представители право-консервативной Словенской демократической партии, которая победила на парламентских выборах 2018 г. с результатом почти в 25% голосов. Именно к ней принадлежат премьер-министр Янез Янша и глава МИД Анже Логар. В программе данной политической силы высказывается вполне определенное отрицательное мнение о России. В частности, прежние правительства Словении подверглись в ней критике за слишком мягкое отношение к Москве: «Ошибкой было... заявление о готовности Словении стать посредником между ЕС и РФ, потому что «у нас хорошие отношения с Россией». Оно не только допускает сомнения в хороших отношениях между Словенией и Украиной, но и создает впечатление, что Словения является не членом ЕС, а некой промежуточной страной между ЕС и Россией» [Alternativni vladni program SDS].

Премьер Янша не видит условий для развития сотрудничества с Россией в создавшейся международной обстановке, возлагая ответственность за это на российское руководство: «У России и ЕС есть все геостратегические и экономические условия для стратегического партнерства, возможно, когда-нибудь в будущем для более тесной связи... Есть христианские корни, некоторые общие угрозы. Однако сегодня нет никаких политических условий. Запад и Российская Федерация находятся на пороге новой холодной войны... Хорошее будущее Европы отнюдь не в долгосрочной конфронтации с Россией, а в сотрудничестве с российской стороной, но она должна сначала отказаться от методов холодной войны» [Janez Janša: Slovenija...].

В программе входящей в правящую коалицию умеренно-консервативной партии «Новая Словения — христианские демократы», за которую в 2018 г. голосовало примерно 7% избирателей, прямо о России не говорится. Однако необходимость опираться на ЕС и НАТО и следование в фарватере их идеологии и политики выражены в ней недвусмысленно: «Членство Словении в Евросоюзе и НАТО обеспечивает большую сте-

пень безопасности. ...Мы нуждаемся в более сильном и углубленном сотрудничестве в Евросоюзе, чтобы обеспечить мир, свободу, процветание и будущее для народов Европы... Европа должна активно заявлять о себе в мире и уметь действовать, особенно в области внешней политики и политики безопасности... .. Только так мы сможем распространить по всему миру такие ценности, как свобода, демократия и безопасность» [Temeljni program...].

Лидер партии, нынешний министр обороны Словении Матей Тонин высказывался о России со всей резкостью, представляя ее виновником украинского конфликта и кризиса отношений с Западом: «Наши союзники — американцы и европейские страны... Мне трудно сочувствовать России, когда Путин в своих последних заявлениях объявляет их потенциальным врагом... Я не могу дружить с тем, кто считает меня своим врагом... Не Россия была захвачена НАТО, напротив, это она оккупировала Украину. Неприемлемое поведение России было подвергнуто санкциям, которые, я надеюсь, сработают» [Matej Tonin v intervjuju...].

Учитывая, что председательство Словении в ЕС должно прийти как раз на тот период, когда политику Любляны будут определять две вышеозначенные консервативные партии, вполне вероятно, что она будет проводить более выраженный антироссийский курс, нежели ранее. Эти две политические силы, имеющие в сумме поддержку почти трети словенских избирателей, выделяются своим антироссийским настроем в Словении, хотя их позиции менее радикальны по сравнению с антагонистами России в других странах Центральной Европы, например в Чехии и тем более в Польше.

Либералы следуют курсу ЕС и НАТО

В отличие от консерваторов, словенские либералы настроены по отношению к России не столь негативно. Так, в программе входящей в правящую коалицию праволиберальной «Партии современного центра», набравшей в 2018 г. около 10% голосов, прямо о России не говорится ничего, а упор делается на Евросоюзе как проводнике словенских интересов. «Существование ЕС крайне важно для продвижения словенских интересов на международном уровне» [Program Stranke modernega...]. Основатель партии, бывший премьер Мирослав Церар, будучи в Москве, говорил об антироссийских санкциях дипломатично и обтекаемо. Однако из его слов следовало, что к сторонникам их немедленной отмены он не принадлежит. «Мы... выступаем за отмену санкций. Они введены в связи с определенными событиями. Мы надеемся, что обязательства в связи с этими событиями будут выполняться. Поэтому мы должны прийти к таким обстоятельствам, когда санкции больше не будут нужны» [Словения предлагает...].

В том же духе выдержана программа либеральной партии «Список Марьяна Шарца», поддержанной в 2018 г. более чем 12,5% избирателей и перешедшей в оппозицию после отставки своего лидера с поста премьер-министра в марте 2020 г.: «Мы выступаем за такую внешнюю политику, которая будет искать решения в динамичной международной среде в соответствии с ценностями и интересами Словении... Внеш-

неполитическими столпами Словении остаются ЕС и трансатлантическое партнерство» [Načrt dela stranke...]. Сам Шарец считает сотрудничество с Россией важным, но к отмене санкций не призывает: «Для Словении ключевое значение имеют принцип мультилатерализма и уважение международного права... Санкции появились из-за украинского конфликта. В России также очень хорошо понимают, что Словения является частью ЕС и НАТО и должна придерживаться своих обязательств» [Премьер Словении: Россия...].

Единственной словенской партией, избегающей российской темы, оказалась оппозиционная леволиберальная партия бывшего премьера страны Аленки Братушек (несколько более 5% голосов в 2018 г.). Впрочем, и в ее платформе просматриваются аналогии с другими либеральными силами — опора на ЕС и НАТО и желание продвигать права человека за пределы ЕС. Однако акцент сделан на национальные интересы Словении в рамках западных структур: «Мы будем безоговорочно отстаивать интересы Словении при совместном принятии решений в рамках ЕС... Мы укрепим роль нашей страны в рамках ЕС и НАТО... Мы будем активны в усилиях по поддержанию мира на внешних границах ЕС и в приверженности полному уважению прав человека. Мы будем прилагать больше усилий для развития экономических отношений с другими странами мира» [SAB...].

В целом словенские либералы, поддерживаемые приблизительно 27,5% электората, не склонны делать упор на «неправильной» политике России, что свойственно представителям консервативных сил. В то же время ядром их внешнеполитических программ остается следование общему курсу Евросоюза и НАТО, что подразумевает сохранение антироссийских мер давления. По этой причине либеральные силы Словении воздерживаются от выступлений за отмену санкций в отношении России, хотя возглавляемые ими кабинеты делали немало для поддержания российско-словенских отношений, А. Братушек, М. Церар и М. Шарец, будучи премьерами, посещали Россию и принимали российских руководителей на словенской земле.

Умеренные левые: поиск путей к отмене санкций

Несколько иные внешнеполитические акценты расставляет входящая в правящую коалицию левоцентристская Демократическая партия пенсионеров, набравшая в 2018 г. чуть менее 5% голосов. В ней не говорится о России, но нет ссылок и на НАТО как основу внешней политики страны — только на ЕС: «Партия выступает за сильный и единый Евросоюз на глобальном уровне. Интересы партии будут нацелены на... общую внешнюю политику, оборону и безопасность возле границ ЕС» [Vrnimo ljudem...]. Лидер партии, бывший глава МИД Словении Карл Эрьявец прямо усомнился в эффективности антироссийских санкций. «Я не уверен, что инструмент экономических санкций — правильный способ давления на кого-то с целью изменения политики... Экономические санкции также влияют на экономические усилия России стать как можно более независимой от импорта. Я не уверен, что санкции хороши для ЕС» [Intervju Karla Erjavca...].

Оппозиционные словенские социал-демократы, которых долгие годы возглавлял нынешний президент Б. Пахор и которые получили около 10% голосов, в своей программе тоже не поднимали напрямую российскую тему. Там отмечается, что основой политики Словении является членство в ЕС и НАТО, но указывается на существующие в этих объединениях проблемы, выход из которых и надлежит искать в том числе словенцам: «Мы являемся частью европейской и атлантической архитектуры безопасности и хотим заставить Европу лучше и эффективнее справляться с рисками безопасности... И Североатлантический альянс, и Евросоюз переживают период серьезных испытаний своей стабильности» [Programske vsebine SD...].

Президент Пахор высказался за то, чтобы «путем выполнения отдельных договоренностей мы попробовали найти выход из ситуации на Украине, что впоследствии может привести к отмене санкций в отношении России... Решение украинского кризиса, отмена санкций против России и нормализация отношений с Россией сейчас приветствуются в Европе» [Борут Пахор: отмена санкций...]. Со своей стороны, руководитель группы по сотрудничеству с Россией в парламенте Словении, социал-демократ Матьяж Хан призвал развивать связи с Россией несмотря на санкции: «Учитывая, что Россия является одним из важнейших торговых партнеров Словении, мы должны... укреплять эту тенденцию... В конце концов, мы связаны с Россией гораздо большим, чем просто статистика импорта-экспорта, связаны на историческом и культурном уровне» [Matjaž Han...].

Словенских умеренных левых, совокупный электоральный капитал которых составил в 2018 г. примерно 15% голосов, можно считать безусловными сторонниками продолжения диалога с Россией. Однако прямых призывов к отмене антироссийских санкций ЕС из их уст не звучало, что неудивительно в контексте их приоритетов, каковыми являются членство в Евросоюзе и европейская солидарность.

Пророссийские правые и левые евроскептики

Есть в Словении и силы, находящиеся в глубокой оппозиции к нынешнему курсу страны и его евроатлантическим устоям. К таковым, в частности, относится Левая партия, критически оценивающая стратегию Запада в мире, и в частности его антироссийскую линию, и имеющая поддержку более 9% избирателей. «США и западные державы теряют экономическую мощь... — говорится в партийной программе. — Под видом так называемой войны с терроризмом ставится цель... любыми средствами подавить подъем стран, которые угрожают их доминированию. В частности, России...». Левые выступают за проведение референдума о выходе Словении из НАТО и глубокую перестройку Евросоюза: «Вместо ЕС, основанного на диктатуре рынка и милитаризме, мы призываем к союзу... приверженному обеспечению мира и дружественных отношений с другими частями мира» [Program stranki Levica].

Одна из лидеров партии, депутат парламента Виолета Томич раскритиковала двойные стандарты Евросоюза и НАТО, которые оказались готовы признать независимость

Косово, но не аналогичное право других территорий, находящихся в похожем положении. Томич фактически признала право Крыма на вхождение в состав России: «Я много думала о том, что в международном праве есть два принципа. Одним из них является принцип права наций на самоопределение, а вторым — принцип территориальной целостности. Мы, левые, всегда отстаиваем самоопределение наций: и в вопросе Палестины, и в вопросе Западной Сахары, и в вопросе Каталонии, и в вопросе Крыма» [Odziv...].

К радикальному пересмотру внешней политики Словении призывает и считающаяся крайне правой Словенская национальная партия, получившая немногим более 4% голосов. «Партия будет отстаивать политику, свободную от политического и иного давления и ультиматумов со стороны ЕС и НАТО, — говорится в ее программе. — ...Мы выступаем за выход из Евросоюза и НАТО... Мы сделаем все возможное для восстановления связей Словении с Россией, которую мы считаем движущей силой... нового международного порядка» [Program SNS]. Основатель партии Змаго Еленчич-Племенити с пониманием воспринял российский запрет на ввоз сельхозпродукции из стран ЕС, в том числе словенской, подвергнув в этой связи резкой критике президента Пахора за то, что тот не выступил за отмену антироссийских санкций и приезжал с визитом на Украину [Zmag...].

Таким образом, в Словении, как и в других странах Центральной Европы, имеются политические силы, выступающие за выход из ЕС и НАТО и принципиальный пересмотр отношений с Россией. В 2018 г. их поддержало в сумме примерно 13,5% избирателей. Однако, как и в случае с их политическими антиподами — консерваторами, словенские крайне левые и крайне правые менее радикальны в своих заявлениях, чем их чешские или словацкие коллеги [Трухачев «Российский» раскол Чехии... он же Словакия в плену ...]. Они не говорят о «славянской взаимности», о давних исторических связях, делая упор исключительно на современные реальности. Можно сказать, что разброс позиций в Словении по международной проблематике есть, но крайности выражены не столь сильно, как в других центральноевропейских славянских странах, с которыми словенцы стараются координировать свою политику.

* * *

Основой внешней политики Словении при любой смене власти остается членство в ЕС и НАТО, причем она не только старается следовать общей линии двух организаций, но и рассчитывает вносить в нее большой вклад. Словенцы осознают себя частью Центральной Европы, что предполагает особую координацию усилий с другими государствами этой части континента — прежде всего с Чехией и Австрией, с которыми Словения тесно связана исторически и культурно. Большое внимание Словения уделяет Балканам и постсоветскому пространству, находящимся в зоне жизненно важных интересов России.

Тема отношений с Россией имеет для Словении серьезное значение. В отличие от других бывших социалистических стран, в российско-словенском диалоге отсутству-

ют тема неотрефлексированного прошлого и заметная эмоциональная составляющая. Экономические связи в целом развиваются неплохо, но политические не складываются ввиду различных подходов к процессам в регионах, где интересы России и Словении объективно сталкиваются.

При всех различиях в подходе к России среди словенских политических сил, они не так велики, как, например, в Чехии. Это делает Словению достаточно предсказуемым партнером, чья в целом умеренная линия на российском направлении не так сильно зависит от того, кто находится в тот или иной момент у власти в Любляне. В целом российско-словенские отношения можно считать равными и в то же время противоречивыми, в какой-то степени — типичными и усредненными для диалога России и стран Евросоюза в настоящее время. И вряд ли это положение в ближайшем будущем изменится. Итоги последних парламентских выборов показали, что соответствующего запроса со стороны словенских избирателей пока нет.

Литература

- Борут Пахор: отмена санкций и нормализация отношений с РФ приветствуются в Европе // ТАСС. 08.02.2017. — URL: tass.ru/interviews/4005170 (дата обращения: 19.02.2021).
- В Словении прошла церемония памяти красноармейцев, погибших при освобождении страны // ТАСС. 09.05.2019. — URL: tass.ru/obschestvo/6416969 (date of access: 19.02.2021).
- Медведев и Шарец открыли памятник словенцам, павшим в двух мировых войнах // ТАСС. 10.09.2019. — URL: tass.ru/obschestvo/6870315 (дата обращения: 19.02.2021).
- Памятник русским солдатам открыт в Любляне // Русский мир. 31.07.2016. — URL: russkiymir.ru/news/210829/ (date of access: 19.02.2021).
- Премьер Словении: Россия показала себя надежным партнером // ТАСС. 10.09.2019. — URL: tass.ru/interviews/6866230 (дата обращения: 19.02.2021).
- Путятин В.С.* Российские профессора Юридического факультета Люблянского университета XX века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №11. С. 90–93.
- Русская община в Словении // Русский мир. 18.04.2008. — URL: russkiymir.ru/publications/85015/ (дата обращения: 19.02.2021).
- Словения предлагает отказаться от санкций против России // Коммерсант, 27.07.2015. — URL: kommersant.ru/doc/2777134 (дата обращения: 19.02.2021).
- Товарооборот России и Словении // Ru-Stat. Экспорт и импорт России по товарам и странам. — URL: ru-stat.com/date-Y2013-2020/RU/trade/SI (дата обращения: 19.02.2021).
- Трухачев В.В.* «Российский» раскол Чехии // Перспективы. Электронный журнал. 2018. №3. С.100–113. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/701/3_2018_7_000.pdf (дата обращения: 19.02.2021).
- Трухачев В.В.* Противоречивая политика Австрии в отношении России: позиции партий // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №1 (17). С. 53–65. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/418/1_2019-_1_53_65.pdf (дата обращения: 19.02.2021).
- Трухачев В.В.* Словакия в плену противоречий // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2 (18). С. 76–89. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/f13/2_2019_1_76_89.pdf (дата обращения: 19.02.2021).

- Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи (конец XVIII в. — 1914 г.). М. 1986.
- Akcijски načrt za delovanje Slovenije do Zahodnega Balkana v letu 2020 // Ministerstvo za zunanje zadeve. — URL: gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/skupna-zunanja-in-evropska-politika/siritev-in-JV-evropa/Akcijски-nacrt-za-delovanje-Slovenije-do-Zahodnega-Balkana-v-letu-2020.docx (date of access: 19.02.2021).
- Alternativni vladni program SDS // Slovenska demokratska stranka. — URL: [Außen- und Europapolitischer Bericht 2019 // BMEIA Österreichs. — URL: bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Publikationen/AEPB/Aussen-_und_Europapolitischer_Bericht_2019.pdf](http://www.aussen-und-europapolitischer-bericht-2019.at) (date of access: 19.02.2021).
- Deklaracija o zunanji politiki Republike Slovenije // Ministerstvo za zunanje zadeve. — URL: gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/strateski-in-programski-dokumenti/Deklaracija-o-zunanji-politiki-Republike-Slovenije.pdf (date of access: 19.02.2021).
- GDP per capita in PPS // Eurostat. 15.12.2020. — URL: ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00114/default/table?lang=en (date of access: 19.02.2021).
- Intervju Karla Erjavca v Sobotni prilogi Dela // DeSUS — Demokratična stranka upokojencev Slovenije. 29.11.2016. — URL: desus.si/2016/11/intervju-karla-erjavca-v-sobotni-prilogi-dela/ (date of access: 19.02.2021).
- Janez Janša: Slovenija mora stati in obstati, z EU ali brez nje! // Slovenska demokratska stranka. 31.10.2016. — URL: sds.si/novica/janez-jansa-slovenija-mora-stati-obstati-z-eu-ali-brez-nje-12766 (date of access: 19.02.2021).
- Matej Tonin v intervjuju za Večer: Bil sem dolžan storiti tisto, kar mi nalaga zakon // Nova Slovenija — krščanski demokrati. 07.04.2015. — URL: nsi.si/novica/matej-tonin-v-intervjuju-za-vecer-bil-sem-dolz-an-storiti-tisto-kar-mi-nalaga-zakon/ (date of access: 19.02.2021).
- Matjaž Han: izvoz na ruski trg mora ostati med prvimi gospodarskimi prioritetami Slovenije // Socialni demokrati. 10.02.2017. — URL: socialnidemokrati.si/matjaz-han-izvoz-na-ruski-trg-mora-ostati-med-prvimi-gospodarskimi-prioritetami-slovenije/ (date of access: 19.02.2021).
- Minister dr. Logar na zasedanju Sveta EU za zunanje zadeve o Rusiji, Belorusiji in dialogu Beograd-Priština // Ministerstvo za zunanje zadeve. — URL: gov.si/novice/2020-10-12-minister-dr-logar-na-zasedanju-sveta-eu-za-zunanje-zadeve-o-rusiji-belorusiji-in-dialogu-beograd-pristina/ (date of access: 19.02.2021).
- Minister Počivalšek na uradnem obisku v Ruski federaciji // Vlada Republike Slovenije. 10.09.2019. — URL: gov.si/novice/2019-09-10-minister-pocivalsek-na-uradnem-obisku-v-ruski-federaciji/ (date of access: 19.02.2021).
- Načrt dela stranke v obdobju 2018 — 2022 sprejet na kongresu stranke, 9. aprila 2018 // Stranka LMŠ — Lista Marjana Šarca. — URL: strankalms.si/o-stranki/program-nacrt-dela/#top (date of access: 19.02.2021).
- Odziv: Kakšna so resnična dejstva? // Levica, 21. Maj 2019. — URL: levica.si/odziv-kaksna-so-resnicna-dejstva/ (date of access: 19.02.2021).
- Poročilo 2019 // Ministerstvo za zunanje zadeve. — URL: gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/javne-objave/letna-porocila/Porocilo_MZZ_2019.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Pracovní návštěva slovinského ministra zahraničních věcí Anže Logara v Praze // MZV ČR. 19.10.2020. — URL: mzv.cz/ljubljana/cz/cr_a_evropska_unie/pracovni_navsteva_slovinskeho_ministra.html (date of access: 19.02.2021).

- Predsednik republike Borut Pahor je danes gostil srečanje voditeljev Brdo Process // Urad predsednika Republike Slovenije. 25.07.2013. — URL: up-rs.si/up-rs/uprs.nsf/objave/0BE5AA07DAD13947C1257BB30059DA69?OpenDocument (date of access: 19.02.2021).
- Program stranki Levica // Levica. — URL: levica.si/wp-content/uploads/2018/04/Levica-volilni-program-2018.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Program Stranke modernega centra 2018–2022 // SMC. — URL: strankasmc.si/wp-content/uploads/2018/05/Program-SMC_2018–2022-Kon%C4%8Dni.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Program SNS // Slovenska nacionalna stranka. — URL: sns.si/wp-content/uploads/Program-SNS-2016_FINAL.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Programske vsebine SD. Varnost // Socialni demokrati. — URL: socialnidemokrati.si/varnost/ (date of access: 19.02.2021).
- SAB Volilni program 2018 // Stranka Alenke Bratušek. — URL: sab.si/wp-content/uploads/2018/04/2018–04–23-AB-Program-Web.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Slovenija: varna, uspešna in v svetu spoštovana // Ministerstvo za zunanje zadeve. — URL: gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/strateski-in-programski-dokumenti/strategija_ZP.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Słowenia. Relacje dwustronne // MSZ Polski. — URL: gov.pl/web/slovenia/relacje-dwustronne (date of access: 19.02.2021).
- Temeljni program — Za vse ljudi // Nova Slovenija — krščanski demokrati. — URL: nsi.si/stranka/temeljni-program/ (date of access: 19.02.2021).
- Vrnimo ljudem dostojanstvo. Predvolilni program // DeSUS — Demokratična stranka upokojenцев Slovenije. — URL: desus.si/wp-content/uploads/2018/05/Program-DeSUS.pdf (date of access: 19.02.2021).
- Zmago Jelinčič-Plemeniti — osebna stran v Facebook. — URL: facebook.com/JelincicZmagoPlemeniti/posts/10155133544373534/ (date of access: 19.02.2021).

Authors

Anton KRUTIKOV — Historian, expert from Center for Research and analytics of Foundation for historical outlook; bialyorzel1000@gmail.com.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Director of the Research Centre, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D. in History; ye_naroch@inbox.ru.

Natalia NAROCHNITSKAYA — President of the Foundation for Historical Outlook; Member of the Civic Chamber of the Russian Federation; Doctor of History; nn@stoletie.ru.

Hauke RITZ — German philosopher and publicist, cultural and political scientist; Ph.D. in Philosophy (Free University of Berlin); Lecturer, University of Giessen, Visiting Lecturer, Lomonosov Moscow State University (2015); Member of the Petersburg Dialogue Forum; member of Zinoviev Club; hauke-ritz@versanet.de.

Yakov SHEMYAKIN — Chief Researcher, Institute of Latin America (ILA), RAS; Doctor of History; shemyakinx3@gmail.com.

Natalia TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vadim TRUKHACHEV — Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Ella ZADOROZHNYUK — Head of the Department of Central and South-Eastern Europe, Institute for Slavic Studies, RAS; Doctor of History; tanyaslav@rambler.ru.

Abstracts and Keywords

Anton KRUTIKOV

CONCEPTS OF BELARUSIAN HISTORY. I. FROM WEST-RUSSIANISM TO NATIONAL MYTHS AND POST-SOVIET PRAGMATISM.

Abstract: *Among the alternative versions of the past there are several main models represented in the academic space and directly influencing public consciousness, public policy and internal political processes in the Republic of Belarus. Apart from the Soviet school of Belarusian history, these include West-Russianism, which views Belarus as an organic, yet distinctive, part of the Russian cultural and historical space, «Litvinism», and the Belarusian national school. The complex and dramatic nature of the formation of Belarusian statehood in the 20th century still determines the dominance of ambiguous, polar and sometimes mutually exclusive approaches to the study of national history.*

Keywords: *history of Belarus, Belorussia, Western-Russianism, West-Russianism, historical concepts, historical politics, national idea, Belarusian nationalism.*

Anton KRUTIKOV

CONCEPTS OF BELARUSIAN HISTORY. II. «RUSSIAN WORLD», «LITVINISM», «BELARUSIAN CIVILIZATION».

Abstract: *At the turn of the 1990s, Belarus received a unique chance to revive Western-Russianism as a new national idea based on the centuries-old cultural affinity of the three fraternal Slavic peoples. However, rapid changes in the historical policy of the Belarusian leadership resulted in the diffusion of nationalist concepts of the past into historical science and official rhetoric. President Lukashenko's theses about the «Belarusian civilization» were quickly reflected in «official» Belarusian historiography. The symbols of the modern Belarusian protest movement – T. Kostiuszko and K. Kalinowsky were introduced into the public consciousness not by external forces, but by Belarusian textbooks.*

Keywords: *Belarus, Belorussia, Belarusian historiography, historical concepts, Western-Russianism, West-Russianism, «Belarusian civilization», Belarusian nationalism, Litvinism.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA

THE IDEOLOGICAL LEGACY OF CHARLES DE GAULLE. I. PARADOXES OF PERCEPTION, HISTORICAL MEMORY, POLITICAL PHILOSOPHY.

Abstract. *The personality of General de Gaulle, which once divided the French, now holds the first place in their national imagination. In recent years, all kinds of politicians have increasingly laid claim to his legacy. Ironically, the new reverence for de Gaulle has grown*

with the demise of Gaullism and intensified with French elites turning to an alternative Euro-Atlanticist and neoliberal paradigm. In this paradox, the «obsession with Gaulle» has taken on very different meanings. For some it is a rhetoric instrument or compensatory nostalgia, but for many it is indeed a symbol of disagreement with political dogma of the last decades. De Gaulle's shadow over today's France is inextricably linked to the appeal and relevance of his ideas. His political philosophy stands out by a kind of multiple synthesis of opposites, often overlooked and underappreciated. De Gaulle's cornerstone ideas directly resonate with fundamental dilemmas that are now at the heart of controversies within societies and internationally, including those between West and Russia, West and East. His search for a dialectical conjunction of national, European and global imperatives is of particular interest.

Keywords: *Ch. de Gaulle, historical memory, historical discourse, Gaullism, Gaullist legacy, political philosophy.*

Natalia NAROCHNITSKAYA

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND IDEOLOGY AT TURNING POINTS IN RUSSIAN HISTORY

Abstract: *The evolution of the historical consciousness of Russian society over two centuries shows its potential to play a destructive or a saving role in dramatic moments of history, when out the prime value of the national statehood continuum is challenged by outer or inner attacks. The Russian intelligentsia's maximalist «reception» of Marxism resulted into total nihilism and a zeal to sacrifice the statehood for the sake of world revolution. However, having started in 1917 with a radical overthrow of Russian history, the authorities reincorporated it into the Soviet doctrine on the eve of the World War II, which resurrected national feeling and unity and enabled victory in the mortal fight. New ideological but equally nihilistic maxims once again prevailed and lead inter alia to the second collapse of the state in 1991. Historical consciousness of contemporary society, especially of young generations, is particularly prone to rapid changes and alternative extremes in the era of information technologies, which confirms the crucial importance of historical education to maintain spiritual sovereignty and national conscience as its core.*

Keywords: *state, motherland, continuous statehood, historical nihilism, Russian history, historical conscience, information technologies.*

Hauke RITZ

TECHNOLOGY OF AN UNFREE WORLD. I. PRIMARY CODE

Abstract. *The actual technological revolution challenges our ideas about civilization to a much larger extent than all previous technological breakthroughs. Does it not lead us into a new world where there is no place for human freedom, and what has made possible such a trajectory of technological progress? To answer the latter question, it is necessary to ana-*

lyze the logic of natural science development as well as the currently dominant scientific image of the universe. In the first part of his research, the author focuses on the premises of the scientific method, on the basic assumptions about the nature of our reality, which precede any scientific research and unconsciously structure the perception of reality.

Keywords: civilization, freedom, natural sciences, technological progress, materialism, consciousness, subjectivity, outer world, inner world.

Yakov SHEMYAKIN

CULTURAL TRANSFER AND DIALOGUE OF CULTURES IN THE RUSSIAN AND LATIN AMERICAN CIVILIZATIONAL BORDERLANDS

Abstract. The article compares «cultural transfer» and «dialogue of cultures» as socio-cultural realities in two «border» civilizations of planetary scale — Latin America and Russia. The author develops and illustrates the thesis that identity of subjects of intercultural interaction is a necessary precondition and the key to cultural transfer. The focus is on the problematics of the dialogue of cultures. According to the author, the basic reason for all difficulties to put into practice the ideal of dialogue consists in what W. O. Quine described as the problem of «radical translation», that is, of understanding texts created within another culture based on essentially different views about the universe and life.

Keywords: cultural transfer, dialogue of cultures, identity, the universal, the local, «radical translation», resemantization.

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV

THE 2020 PRESIDENTIAL ELECTION AND THE POSSIBILITY OF U.S. DISINTEGRATION

Abstract. During the 2020 presidential campaign in the United States, the problem of secession of a state or a group of states from the U.S.A. was actively discussed. The acute economic, epidemiological, racial-ethnic and environmental crisis have combined to create an unprecedented political crisis, which divided the country into two parts: pro-Republican (red) states and pro-Democratic (blue) states. Most theorists and supporters of secession see it as the logical conclusion of the evident political, economic, cultural and demographic cleavages of the country. A legal, formal partition has been advocated both as a chance to avoid a civil war similar to the one between North and South (1861–1865), and as an essential condition for the advance of American society, a way to break political, social and economic deadlocks in American politics.

Keywords: U.S. presidential campaign 2020, U.S. political crisis, secession, American society.

Vadim TRUKHACHEV**CONTROVERSIAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND SLOVENIA**

Abstract. *In the second half of 2021, the presidency of the European Union will be held by Slovenia, admitted to the EU and NATO 17 years ago. This small post-Yugoslav state with a strong Central European identity has a very active foreign policy, which is worth a closer look. In its main directions, Slovenian interests clearly overlap with Russian ones. The Slovenian-Russian relations are rather contradictory, there are different approaches to Russia among the Slovenian elites, but these differences are not as polar and visible as in the Visegrad Group countries or in Austria.*

Keywords: *Slovenia, Russian-Slovenian relations, the European Union, NATO, the Balkans, Central Europe, B. Pahor.*

Petr YAKOVLEV**KEY FAULT LINES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Abstract. *The rapid ubiquitous spread of the coronavirus pandemic has quickly accelerated changes in the established world order and given an extra impetus to transforming the system of geopolitical relations. The fundamental implications of these tectonic shifts, which began several years before the COVID-19, have yet to be fully understood and assessed. However, some trends, which portend deep rifts in international relations and directly affect the geostrategic interests of the Russian Federation, can be already identified.*

Keywords: *crisis of the world order, Europe, Asia-Pacific region, Indo-Pacific strategy, United States, China, Russia's interests.*

Ella ZADOROZHNYUK**VACLAV HAVEL, RUSSIA AND NATO**

Abstract. *The attitude of Vaclav Havel, the first head of the post-Communist Czech Republic, towards NATO went beyond just Atlanticism and included some reverence for the Atlantic bloc. Havel moralistically encouraged the bombing of Yugoslavia and the interventions in Iraq and Libya; he urged to bring NATO closely to Russian borders and to punish Russia for the USSR's sins and potential imperial ambitions. Such views, though not shared by most Czech citizens, have long defined foreign policy priorities of some Czech political elites. Their traces are being found at the brink of the third decade of the 21st century. However, Havel's approach, always in praise of NATO, has been recognized as futile even by his strong supporters.*

Keywords: *Russia, Czech Republic, Vaclav Havel, foreign policy orientations, relations with Russia, moralism, NATO, humanitarian bombing.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

№4-2020/1-2021

E-journal «Perspectives and prospects»

№4-2020/1-2021

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7 (495) 626-30-26